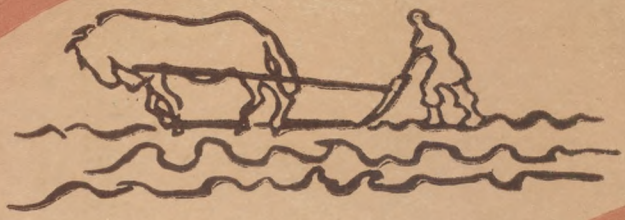
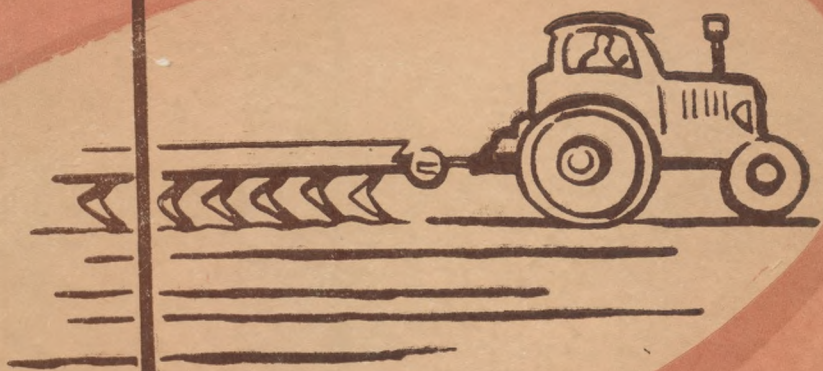
Т3(2Р-6Мо)я54
М792



ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ



М792

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

65145

БИБЛИОТЕКА
[illegible]
[illegible] ского
[illegible]
[illegible] тории и экономики

ББК 63,3 (2Р—6МОРД.)
П 78

Редакционная коллегия:
А. П. ЛЕБЕДЕВ (ответственный редактор), Н. В. ЗАВАРЮХИН,
Ю. И. САЛЬНИКОВ, В. М. СУРКОВ, Л. Г. ФИЛАТОВ

Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии / Редкол.: А. П. Лебедев (отв. ред.) и др.— Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985.— 136 с.— (Труды / Науч.-иссл. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР; Вып. 79).

В настоящем сборнике рассматриваются актуальные проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии в эпоху феодальных и капиталистических отношений. История крестьянства Мордовии советского периода представлена рядом статей, в которых исследуются важные аспекты роста политической и трудовой активности сельского населения, деятельности местных Советов по активизации общественно-политической жизни крестьянства в 1918—1920 годах. Показываются изменения в социальной структуре и духовном облике тружеников современной деревни.

П $\frac{0505040000 - 022}{М130\ (03) - 85}$ 113—84

ББК 63,3 (2Р—6МОРД.)
9С (МОРД)

© Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. 1985.

Ю. Ф. Кожурин

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Исследование реальных проблем зрелого социализма, среди которых важнейшее место занимает проблема становления бесклассовой структуры общества, помогает вооружить партию «новыми идеями, научно обоснованным, взвешенным подходом к актуальным проблемам современности»[1].

«...становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»[2]. Таков вывод, который сделал XXVI съезд КПСС, тщательно проанализировав состояние, тенденции и перспективы развития социально-классовой структуры советского общества — этого сложного, постоянно развивающегося механизма взаимосвязанных и взаимодействующих элементов.

Проблема развития социальной структуры и становления бесклассового, социально однородного общества находится в центре внимания философов, историков, экономистов, юристов. Определенный вклад, благодаря работам Н. Е. Адушкина, И. А. Яшкина и других исследователей, внесен в изучение вопросов развития социально-классовой структуры Мордовской АССР. В настоящей статье автор, опираясь на произведения основоположников марксизма-ленинизма, решения съездов КПСС, материалы Пленумов Центрального Комитета и последующие решения Коммунистической партии, делает попытку проанализировать некоторые вопросы состояния и тенденций развития колхозного крестьянства Мордовии на этапе зрелого социализма.

Хронологически в статье охватывается период с 1965 по 1982 г., то есть первые семнадцать лет осуществления современной аграрной политики партии.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, заложивший основы аграрной политики партии на этапе совершенствования развитого социализма, вскрывший причины отставания сельского хозяйства, наметил целый комплекс мер, направленных на решительный поворот к экономическому и социальному развитию села. Научно обоснованное руководство, перевод всех отраслей на рельсы преимущественно интенсивного развития, создание для этого необходимой технической базы, ведущей к коренному изменению характера и содержания труда колхозного крестьянина, росту его культурно-технического и жизненного уровня — это важнейшие направления, составляющие сущность аграрной политики партии.

За три пятилетки, прошедшие после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, на развитие сельского хозяйства Мордовской АССР было направлено 1755 млн. руб. капиталовложений. Кроме того, колхозы в форме долгосрочных ссуд и кредитов получили от государства только за период с 1970 по 1980 г. почти 498 млн. руб.

В десятой пятилетке по сравнению с восьмой поставка сельскому хозяйству республики тракторов увеличилась в 1,9, зерноуборочных комбайнов — в 2, грузовых автомобилей — в 2,7 раза. Энергетические мощности общественных хозяйств увеличились в 1,5 раза. Производительность труда возросла на 80%. Энерговооруженность одного работника в 1982 г. по сравнению с 1975 г. почти удвоилась и составила 26,5 л.с. (в 1980 г. в колхозах энерговооруженность труда одного работника была примерно на 35% ниже по сравнению с энерговооруженностью труда работника совхоза).

Значительный прогресс достигнут в механизации трудоемких процессов в основных отраслях колхозного производства: растениеводстве и животноводстве. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что только за семидесятые годы удельный вес сельскохозяйственных животных, содержащихся на фермах с комплексной механизацией основных технологических операций, увеличился, в том числе крупного рогатого скота — в 5 раз, свиней — в 3,6, птицы — в 3,3 раза. В 1980 г. на фермах с комплексной механизацией содержалось более 20% всего крупного рогатого скота, 58% свиней, 67% птицы. Этому в немалой степени способствовало осуществление мероприятий по электрификации сельского хозяйства, что привело

к резкому росту потребления электрической энергии на производственные нужды. Так, с 1965 по 1980 г. потребление электроэнергии возросло в 3,2 раза, в том числе на производственные цели — более чем в шесть раз[3].

В Мордовской АССР с 1960 по 1982 г. среднегодовая численность работников колхозов уменьшилась в 1,6 раза, а число колхозных дворов — на 31,4 тысячи. Только в 1971—1982 гг. численность членов колхозов и их детей сократилась более чем в 2 раза. Что же касается совхозов, то в них среднегодовая численность работников в рассматриваемые годы, напротив, увеличилась, что связано с преобразованием части колхозов в совхозы.

Среднегодовая численность работников совхозов с 1965 по 1980 г. возросла на 5,5 тыс. чел., тогда как среднегодовая численность работников колхозов за этот же период уменьшилась на 25 тыс. человек. Следовательно, большая часть высвобождающихся благодаря техническому прогрессу колхозников направлялась за пределы села — на промышленные предприятия, в другие отрасли народного хозяйства, базирующиеся в городской местности. Об этом свидетельствует и принявшая устойчивый характер тенденция к увеличению численности колхозников в трудоспособном возрасте, проживающих в деревне, занятых на предприятиях промышленности и в других несельскохозяйственных отраслях материального производства. Если в 1971 г. эта категория населения составляла около 13% трудоспособных колхозной деревни, в 1975 г. — 14%, то в 1980 г. — 18%, а в 1982г. — 19%. Увеличение среди занятого населения доли лиц, работающих в отраслях несельскохозяйственного производства, то есть не в колхозах и совхозах, — это характерная тенденция для социально-профессиональной структуры села периода развитого социализма. Так, в 1970—1979 гг. удельный вес трудоспособного населения, занятого не в отраслях сельского хозяйства, увеличился на 7,2%. Причем темпы его роста среди женщин были гораздо выше: в 1970 г.— на 7,7%, а в 1979 — на 14,7%[4].

По абсолютным данным, численность деятельного сельского населения, занятого не в отраслях сельского хозяйства, заметно выросла. Одновременно выросла и численность занятых в отраслях нематериального производства. Их удельный вес в общей численности занятого сельского населения увеличился за семидесятые годы почти на 2,5%, что явилось следствием развития социальной

инфраструктуры села в результате реализации аграрной политики партии, имеющей комплексный характер.

Занятость сельского населения, в том числе и жителей колхозной деревни, в других, несельскохозяйственных отраслях материального и нематериального производства — явление, оказывающее позитивное влияние на социальный облик, психологию, нравственное и эстетическое развитие колхозного крестьянства. Особое значение при этом имеет увеличение в составе сельского населения доли занятых в промышленности, на транспорте, в строительстве, связи, т. е. в тех отраслях, где сосредоточен костяк рабочего класса Мордовии. Удельный вес этой категории работников в составе занятого сельского населения только в семидесятые годы возрос на 4,4%, что же касается промышленности, то здесь в 1979 г. было занято примерно около 13,5% сельского населения в трудоспособном возрасте[5].

Трудоспособных жителей колхозной деревни, проживающих на селе, но занятых на промышленных и других государственных предприятиях и учреждениях, видимо, не следует относить к классу крестьян, поскольку рост их жизненного, профессионального и культурно-технического уровня связан с государственной формой социалистической собственности на средства производства. Это и обусловливает их позитивную роль в деле решения важнейшей социальной задачи социализма, а именно, в преодолении существенных различий между городом и деревней в том плане, что они несут передовую культуру быта, способствуют ускорению формирования многих потребностей, считавшихся ранее потребностями лишь городского населения.

Однако вопрос влияния жителей колхозной деревни, занятых в промышленности и других отраслях несельскохозяйственного производства, на развитие колхозного крестьянства, изменение его социального облика — это далеко не однозначный вопрос. К его исследованию необходимо подходить многопланово, поскольку названная выше категория жителей колхозной деревни выполняет объективно и такую важную социальную функцию, как обмен лучшими, общественно значимыми традициями между городом и селом. Ведь не только в городе, но и в сельской местности зарождается и сложилось немало позитивного, имеющего важное значение для социальных

отношений в городе. К сожалению, данная проблема еще ждет своего научного освещения и анализа.

Под воздействием технического прогресса, в результате насыщения сельского хозяйства производительной техникой происходят существенные изменения во внутриклассовой социальной структуре колхозного крестьянства. В нем растет слой, по характеру труда близко стоящий к рабочему классу, занятому квалифицированным трудом.

«По мере индустриализации сельскохозяйственного производства, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — глубокие перемены происходят в жизни **колхозного крестьянства.** Его труд постепенно сближается с трудом рабочих. На селе становится все больше механизаторов, других работников, связанных с новейшей техникой»[6].

Если в 1965 г. механизаторы, шоферы и операторы машинного доения составляли около 11% занятых колхозников, то в 1982 г. — 22,6%. В то же время удельный вес категории колхозников, занятых преимущественно ручным физическим трудом, уменьшился на 44,6%.

Центральной фигурой в колхозной деревне стал механизатор. Именно в колхозах к 1980 г. было сосредоточено примерно 71,5% всех механизаторских кадров села[7].

Колхозный механизатор, синтезируя в себе передовые черты рабочего класса и колхозного крестьянства, олицетворяет собой процесс сближения классов и социальных групп советского общества[8].

Поэтому неудивительно, что неуклонно возрастает число колхозников с высшим и средним образованием. Так, только за семидесятые годы в расчете на 1000 человек сельского населения, занятого преимущественно физическим трудом, число лиц с высшим и средним образованием увеличилось более чем в полтора раза, в том числе с высшим, незаконченным высшим и средним специальным — в 3,2 раза, средним общим — в 3,4 раза, а с начальным — уменьшилось в полтора раза[9].

Семидесятые годы — это период завершения перехода ко всеобщему среднему образованию. Именно в это время наметился резкий поворот к сближению рабочего класса и колхозного крестьянства по такому важному социальному признаку, как образовательный уровень. Действительно, если в 1959 г. на 1000 человек, занятых в отраслях народного хозяйства, на селе с высшим и незаконченным

высшим образованием было в 2,8, со средним — в 2,7 раза меньше, а с начальным — в 1,2 раза больше, чем в городе, а в 1970 г. эти показатели соответственно составляли 2,3; 2,3 и 1,9 раза, то в 1979 г. картина существенным образом изменилась: лиц с высшим и незаконченным высшим образованием на селе было в 1,9 раза, со средним — в 1,3 раза меньше, а с начальным — в 2,1 раза больше, чем в городе. Увеличение удельного веса сельских жителей с начальным образованием связано, видимо, со старением сельского населения в трудоспособном возрасте. Следствием и отражением этой тенденции является тот факт, что за последние двадцать лет, т. е. с 1959 по 1979 г. удельный вес сельского населения в возрасте старше трудоспособного возрос примерно на 10%[10].

Аналогичные изменения характерны для образовательного уровня рабочих и крестьян. Если в 1959 г. на 1000 человек занятых (все городское и сельское занятое население) среди колхозников высшее и незаконченное высшее образование имели в 2,3, среднее—в 2,6 раза меньше человек, чем среди рабочих, то в 1970 г. — соответственно в 1,5 и 3,8 раза, а в 1979 г. — в 1,2 и 1,8 раза меньше.

Современный этап развития сельского хозяйства Мордовской АССР характеризуется функционированием крупных специализированных межхозяйственных предприятий и объединений, в которых наряду с колхозами активно участвуют и совхозы. Создание межхозяйственных объединений привело к возникновению в колхозном крестьянстве социального слоя, связанного с собственностью более высокой формы обобществления средств производства, чем в колхозах. По данным Статистического управления Мордовской АССР, в 1979 г. в межхозяйственных сельскохозяйственных объединениях было занято 114 механизаторов[11].

Механизаторы, работники межхозяйственных объединений занимают особое место во внутриклассовой социальной структуре крестьянства. Возникновение этой новой социальной категории работников отражает тенденцию к превращению рабочих и колхозников в тружеников бесклассового общества.

Преодоление социально-классовых различий между рабочими и крестьянами базируется на мощном подъеме производительных сил, всемерном использовании резуль-

татов научно-технической революции, дальнейшем развитии материально-технической базы колхозного производства, на основе сближения двух форм социалистической собственности, совершенствования распределения в соответствии с основным принципом социализма, прогресса культуры и быта.

Дальнейшее обобществление колхозно-кооперативной собственности на средства производства, рост неделимых фондов позволили колхозам перейти на гарантированную оплату труда колхозников, к единой системе пенсионного и социального обеспечения. Это существенно отразилось на росте материального благосостояния и перераспределении сельского населения по источникам дохода и средствам существования. Так, если в 1959 г. среди сельского населения удельный вес жителей, основным источником средств существования которых являлись доходы от ведения личного подсобного хозяйства, составлял 10,2%, то уже в 1970 г. вследствие введения гарантированной оплаты труда колхозников и осуществления мер, направленных на улучшение социального обеспечения тружеников села, этот показатель снизился до 1,3%.

В то же время удельный вес жителей села, для которых основным источником средств существования являются пенсии и другие виды социального обеспечения, вырос более чем в 6,3 раза, или с 3,8% в 1959 г. до 17,9% в 1970 г. и 24,2% в 1979 году.

Только за два года одиннадцатой пятилетки оплата труда колхозников увеличилась на 17,6%, тогда как рабочих и служащих — на 4,8%. В 1982 г. среднемесячный размер пенсий и пособий членам колхозов увеличился по сравнению с 1975 г. на 48%, тогда как средний размер пенсий по Закону о государственных пенсиях вырос за этот период на 17,3%[12].

Осуществление мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на повышение жизненного уровня всех социальных групп, классов, слоев социалистического общества, оказывает позитивное влияние и на социальный облик крестьянства, основным источником средств существования которого являются доходы от общественного хозяйства и общественных фондов обеспечения и социального страхования. А это способствует сближению колхозного крестьянства и

рабочего класса и служащих по уровню и способам получения материальных благ.

Рост доходов крестьян от общественного производства и фондов общественного потребления привел к резкому уменьшению роли личного подсобного хозяйства как основного источника средств существования. Однако и в современных условиях оно выполняет важную социально-экономическую функцию, являясь дополнительным источником получения продукции сельского хозяйства и доходов. Так, в 1982 г., по данным Статистического управления Мордовской АССР, колхозники обеспечивали себя за счет произведенной в личных хозяйствах продукции: мясом и мясопродуктами — на 91,4%, молоком и молочными продуктами — на 91,1%, овощами — на 63,9%.

Реализация современной аграрной политики партии ведет к качественному преобразованию быта колхозного крестьянства, что в свою очередь во многом обусловливает сближение культурного и духовно-психологического облика крестьянина с обликом рабочего и интеллигенции, их городскими слоями[13].

Интенсификация сельского хозяйства вызвала необходимость широкого развертывания строительства на селе. Только колхозами в 1965—1980 гг. построены и введены в действие жилые дома, общая площадь которых составила 1768 тыс. кв. м, детские дошкольные учреждения —на 2908 мест, больницы — на 479 коек, Дома культуры и клубы на 44734 места в зрительном зале, 131 школа на 20199 ученических мест. В эти же годы (1970—1979) число сельских поселений уменьшилось на 18%. К 1980 г. около 75% сельских жителей проживало в селах с численностью населения от двухсот до двух тысяч человек, тогда как, например, в 1970 г. в них проживало 42,6% жителей села[14]. Это открывает новые возможности для решения крупных проблем, связанных с коренным переустройством быта и бытовых отношений, прогрессивным изменением социального облика колхозного крестьянства, ростом уровня его жизни.

Аграрная политика КПСС, органической составной частью и логическим продолжением которой явилась Продовольственная программа СССР и принятая в соответствии с ней Продовольственная программа Мордовской АССР, создает объективную основу сближения колхозного крестьянства с рабочим классом по отношению к соб-

ственности на средства производства (в результате повышения уровня обобществления колхозно-кооперативной собственности, сближения ее с государственной формой собственности), по месту в системе общественного производства (в результате того, что сельскохозяйственный труд все более и более становится разновидностью труда индустриального), по роли в общественной организации труда (в результате появления все более общих черт в характере труда крестьянина и рабочего), по способам, а следовательно, и по размерам получения доходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 32.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.
3. См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки. 1971—1975 годы. Саранск, 1976, с. 195; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки. (1976—1980 годы). Саранск, 1981, с. 32, 67, 172, 238; Советская Мордовия, 1983, 25 сент.
4. См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки, с. 108, 114; По данным Статистического управления Мордовской АССР.
5. По данным Статистического управления Мордовской АССР.
6. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52—53.
7. По данным Статистического управления Мордовской АССР.
8. **Сенявский С. Л.** Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М., 1982, с. 152.
9. По данным Статистического управления Мордовской АССР.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. **Сенявский С. Л.** Указ. соч., с. 261.
14. По данным Статистического управления Мордовской АССР.

В. А. Балашов, А. С. Лузгин, Ю. И. Сальников,
В. М. Сурков, Ю. Ф. Юшкин

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ТРУЖЕНИКОВ СОВРЕМЕННОГО СЕЛА

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют большую заботу о совершенствовании различных сторон духовной жизни сельских тружеников. XXVI съезд КПСС поставил задачу: «Расширять возможности для гармоничной духовной жизни людей, доступа всего населения к культурным ценностям, обеспечить дальнейший подъем образования и культуры, усилить нравственное воспитание, развивать коммунистическое отношение к труду и общественной собственности»[1].

Современное село имеет широкие возможности для духовного роста трудящихся. Система массовой информации — печать, радио, телевидение, кино — является в настоящее время достоянием не только города, но и самых отдаленных деревень и сел. Издаваемая массовым тиражом литература поступает в сельские библиотеки. В каждом крупном селе есть специалисты по важнейшим отраслям знаний, способные дать квалифицированную информацию или направить творческий поиск[2].

За последние десять-пятнадцать лет духовные запросы сельского жителя особенно динамично росли под воздействием таких взаимосвязанных факторов, как укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, возрастающее влияние научно-технического прогресса на все социальные процессы, повышение жизненного уровня людей, рост их образовательного уровня и совершенствование социалистического образа жизни.

В результате последовательной и целенаправленной деятельности партийных организаций в области культурного строительства, Мордовская АССР располагает сейчас значительными возможностями для удовлетворения постоянно растущих духовных потребностей сельских

тружеников[3]. Более того, под воздействием научно-технического прогресса заметно увеличилось их свободное время. А это большое социальное завоевание. Ведь свободное время выступает как мера общественного богатства, поскольку оно используется, по словам К. Маркса, «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил...»[4]. Отсюда следует, что «нерабочее» время тоже должно «работать» на гармоничное, всестороннее развитие личности. Значит, бытовая жизнедеятельность сельских жителей в традиционном понимании стала гораздо разнообразней, приобрела в значительной мере общественный характер. Из сферы семейного быта, как это было в прошлом, их интересы активно перемещаются в сферу общественно-политической и культурной жизни села, района, страны. Причем диапазон духовных потребностей сельской мордвы постоянно расширяется. Появились новые виды свободного времяпровождения (социологическое исследование 1979 г.): просмотр и прослушивание теле- и радиопередач (71,6%), посещение клуба и кино (47,8%), чтение газет, журналов, книг (33,9%), занятие физкультурой, спортом, туризмом, охотой, рыбной ловлей (22,2%). Одновременно с этим сохраняются такие традиционные виды занятий, как «домашняя работа» (75%), посещение и прием гостей (67%)[5].

В разрезе того или иного конкретного села ведущая тенденция использования свободного времени «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций» проявляется еще более рельефно. Так, из 242 обследованных семей мордовского села Пичепанда Зубово-Полянского района МАССР в 235 семьях (97,1%) на вопрос «Читаете ли Вы и члены Вашей семьи книги, журналы и газеты?» ответили положительно, а на вопрос «Как проводите дни отдыха, куда ходите в это время, чем занимаетесь?» в 219 семьях (90,5%)ответили: «Ходим в клуб, в кино, на концерты, слушаем радио»[6].

Проблема духовного обогащения не может быть решена без стройной системы культурного обслуживания. Важным шагом в создании такой системы явился перевод ряда сельских клубов Мордовии на положение Домов культуры, где совместно работают музыкант, художест-

венный руководитель, библиотекарь и т. д. Такое объединение помогает преодолеть изолированность заведующего клубом и создать обстановку коллективизма.

В последние годы в республике проведен эксперимент по централизации руководства клубными учреждениями, цель которого сводится к объединению кадров, материальных и финансовых средств, всех учреждений культуры в зоне обслуживания, например, на территории сельского Совета. Централизованные клубные системы и культурные комплексы республики (их в 1982 г. было 196)[7] способны проводить комплексные мероприятия: агитационно-пропагандистские, художественно-литературные, театрализованные представления и праздники, причем не только в крупных населенных пунктах, на центральных усадьбах, но и в отдаленных деревнях и малых поселках.

Надо заметить, что исследования эффективности работы таких комплексов в ряде регионов страны, проведенные НИИ культуры РСФСР, показали большие преимущества этой формы организации культурного обслуживания населения[8]. Повышается профессионализм работников, углубляется их специализация, улучшается методическое руководство небольшими культурно-просветительными учреждениями.

Широко известен в республике Новокарьгинский культурный комплекс Краснослободского, Кочелаевский Ковылкинского, Ладский Ичалковского районов и другие. Свою многогранную работу они строят с учетом духовных запросов и потребностей местного населения, и что очень важно, содействуют их формированию, привлекают широкую общественность.

Несколько лет существует культурный комплекс в колхозе «Россия» Ковылкинского района, созданный на базе Кочелаевского сельского Дома культуры, которым руководит выпускник Казанского института культуры А. А. Медвежонков. Комплекс стал подлинным центром политико-воспитательной и культурно-просветительной работы. Забота о производственных достижениях в этом колхозе сочетается с заботой о людях. За последние годы здесь построен типовой Дом культуры со спортивным залом, детской школой искусств и библиотекой. Созданы вокально-инструментальный ансамбль, дискотека, хоровой коллектив колхозников, детские коллективы художественной самодеятельности, работают агитавтобус, кинолекторий. Культурный комплекс стал школой трудового, нрав-

ственного и военно-патриотического воспитания молодежи.

Богатые традиции по культурному обслуживанию тружеников сельского хозяйства сложились в колхозе «Советская Россия» Краснослободского района (директор комплекса Н. Ф. Шишканова). Вклад работников культурного комплекса в успехи хозяйства трудно измерить процентами. Комплекс не только дает возможность каждому жителю села раскрыть свои творческие способности, но и активно влияет на микроклимат в коллективе хозяйства, способствует сплочению людей. Этот культурный комплекс награжден переходящим Красным знаменем Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры[9].

В 80-е годы новым импульсом в работе стало принятие комплексной программы «Сельский клуб, библиотека, киноустановка в реализации Продовольственной программы СССР». С этого времени стало проводиться больше мероприятий, несущих эмоциональную нагрузку, — вечера-портреты, чествование лучших тружеников села, праздники «первой борозды», «снопа», «урожая», «посвящение в земледельцы» и т. д. Эти, теперь уже традиционные, праздники во многих местах насыщают новыми элементами: специальными выпусками «молний», светозвуковых «газет», приветственных адресов, обращений, благодарственных писем и т. д. Они дают возможность почувствовать значимость труда, возвышают человека.

При сельских клубных учреждениях работают различные кружки, лектории, народные университеты, школы. Так, в 1982 году в среднем на один районный Дом культуры в республике приходилось более 16 кружков, сельский Дом культуры — 8,6, сельский клуб — 4,7. Среднее количество участников кружков на одно клубное учреждение — 77 человек. Наиболее распространенные на селе — кружки для детей: в 1982 году в 860 кружках занимались 11470 подростков[10].

Особое место занимают кружки художественной самодеятельности. В 1982 году клубными учреждениями на селе проведено 198711 мероприятий, в них приняли участие 9142 тыс. человек. Силами художественной самодеятельности в сельской местности республики показано более 14360 спектаклей и концертов, на которых присутствовало 1605 тыс. человек[11].

В единой семье народов Советского Союза мордовский народ достиг такого уровня духовного развития, который позволяет ему успешно представлять национальную культуру за рубежом. Так, известный в республике и за ее пределами мордовский хор с. Кочетовка Инсарского района выступал в Финляндии, Старотеризморгский фольклорный коллектив (Старошайговский район) неоднократно принимал участие в концертах в Кремлевском Дворце съездов.

Неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, рост кадров культпросветработников создают благоприятные условия для дальнейшего развития художественной самодеятельности. Интересно проходят мероприятия, связанные с юбилейным торжеством. Так, смотр, посвященный 50-летию Советской власти, вылился в подлинный праздник народных талантов — показал возросшее исполнительское мастерство и рост культуры трудящихся Мордовии. В первом туре приняли участие 1267 различных кружков самодеятельного искусства, в которых насчитывалось более 40 тысяч человек. Пройдя строгий отбор во втором туре, в заключительных концертах в Саранске участвовало около двух тысяч талантливых певцов, танцоров, чтецов[12].

Ярко проявилось самодеятельное творчество трудящихся Мордовии в ходе Всероссийского смотра (1972 — 1973 гг.) и первого Всесоюзного фестиваля народного художественного творчества. Некоторым коллективам, например, танцевальной группе Болдовского Дома культуры Рузаевского района была оказана честь выступить в заключительном концерте фестиваля на сцене Кремлевского Дворца съездов[13].

Много интересных и содержательных культурно-массовых мероприятий было проведено в ходе подготовки к республиканскому фестивалю художественного самодеятельного творчества трудящихся «Под солнцем Родины» (1982 г.): смотры агитбригад, конкурсы чтецов, выступления вокально-инструментальных ансамблей, фотовыставки, выставки прикладного искусства, произведений художников-любителей, молодых художников.

В быт тружеников села вошли такие праздники и обряды, как проводы русской зимы, посвящение выпускников в рабочие и хлеборобы, свадебные обряды, торжественная регистрация новорожденных и др. В сельских клубах

и Домах культуры проводятся устные журналы, встречи за «круглым столом», вечера вопросов и ответов с участием ветеранов партии, войны и труда, наставников, передовиков производства. Такие мероприятия оказывают большое влияние на нравственное, патриотическое, интернациональное воспитание, прививают любовь к родной земле — земле отцов и дедов.

Неотъемлемая часть аграрной политики КПСС — культурное шефство над селом. Возникшее уже в первые годы Советской власти, сегодня оно обрело качественно новый характер. Основными его особенностями являются стабильность, планомерность и содержательность.

65145

Театрально-зрелищные предприятия Мордовской АССР, выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения», проделали большую работу по расширению и совершенствованию культурного шефства над селом. Найдены интересные формы сотрудничества деятелей культуры и искусства с тружениками колхозов и совхозов. Выездные отчеты-встречи, дни культуры в районах, концерты и спектакли в клубах, участие мастеров творческих союзов в занятиях университетов культуры — вот лишь неполный перечень мероприятий, проводимых профессиональными мастерами искусств на сельской сцене.

Уже ряд лет существует тесное творческое содружество между Мордовской государственной филармонией, совхозом имени Н. П. Огарева и колхозом имени Чапаева Старошайговского района МАССР. В этих хозяйствах открыты филиалы филармонии, что дало возможность жителям мордовских, русских и татарских сел и деревень регулярно знакомиться с творчеством профессиональных коллективов республики и страны.

В этом движении активно участвуют не только представители творческой интеллигенции, но и городские культпросветработники, педагоги и учащиеся Саранского музыкального училища имени Л. П. Кирюкова, Саранского художественного училища, Мордовского республиканского культурно-просветительного училища.

Богаче стал репертуар, с которым артисты театров драмы и музыкальной комедии приезжают к сельским жителям.

Работа учреждений культуры и искусства высоко оце-

БИБЛИОТЕКА
МОРДОВСКОГО
Научно-исследовательского
института языка, литературы,
истории и экономики

нена правительством РСФСР, ВЦСПС. По итогам Всероссийского социалистического соревнования автономных республик, краев и областей за лучшую постановку культурного обслуживания сельского населения в 1979 году Мордовская АССР признана победителем, и ей присуждены переходящее Красное знамя и денежная премия. Республиканский музей изобразительных искусств, республиканский театр кукол удостоены дипломов Министерства культуры СССР, ЦК профсоюза работников культуры и ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок.

По инициативе совета по шефской работе Мордовского отделения Всероссийского театрального общества в Ромодановском, Лямбирском и Рузаевском районах созданы молодежные университеты театральной культуры, где можно познакомиться с историей театра, проблемами его современного развития, с творческими составами мордовских театров, с профессией актера, посмотреть и обсудить новые спектакли.

Те из слушателей университета, кто всерьез заинтересован театральным искусством, пополняют народные театры, драматические кружки и коллективы. Театров таких сейчас 15 и кружков около 600. Творческие коллективы Саранска все чаще практикуют встречи ведущих актеров с участниками сельских народных театров и драматических коллективов с клубными работниками. Перед началом спектаклей, как правило, со зрителями проводят беседы о театре.

По линии Мордовского отделения ВТО организовано индивидуальное шефство профессиональных артистов и композиторов над сельскими учреждениями культуры. Так, народная артистка РСФСР и Мордовской АССР М. Антонова оказывает шефскую помощь Рузаевскому районному Дому культуры. Заслуженный артист республики Б. Карпов — Торбеевскому и Ковылкинскому районным Домам культуры и Инсарскому народному театру. Этому театру, а также народному хору села Старая Теризморга помогает заслуженный деятель искусств РСФСР и МАССР композитор Г. Сураев-Королев. Много сил отдают работе с сельской молодежью заслуженные артисты МАССР М. Румянцев, М. Богданов и некоторые другие.

Только в 1983 году Республиканский театр кукол показал сельчанам такие спектакли, как «Сестрица Аленуш-

ка и братец Иванушка», «Сказка за сказкой», «Виртян-богатырь» и др. Их посмотрели тысячи юных зрителей.

В Кочкуровском районном Доме культуры много лет существует народный кукольный театр. Профессиональные артисты-кукольники, художники помогают его коллективу делать куклы, изготавливать декорации, ставить спектакли. С 1979 г. при Дубенском районном Доме культуры действует театр юного зрителя.

Впервые в селах нашей республики прозвучали фортепианные произведения русских и зарубежных классиков, мордовских композиторов в исполнении лауреата премии им. Д. Кабалевского преподавателя Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова И. С. Кобозевой, которая является активным пропагандистом музыкальной культуры.

Активно участвует в эстетическом воспитании тружеников села Республиканский музей изобразительных искусств. Он имеет два филиала: дом-музей Ф. В. Сычкова в селе Кочелаеве Ковылкинского района и дом-музей С. Д. Эрьзи в селе Баеве Ардатовского района.

Музей использует самые разнообразные формы работы: передвижные выставки подлинников и репродукций картин, лекции, вечера, участие в районных праздниках искусств. Только за последнее пятилетие на селе было организовано 47 передвижных выставок подлинников и репродукций картин, обслужено 134 населенных пункта, свыше 70 тысяч человек. За культурное обслуживание села музей четырежды (в 1977, 1980, 1981, 1982 годах) награждался дипломами Министерства культуры СССР, ЦК профсоюза работников культуры, ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок[14].

Охотно устраивают на селе выставки художники Мордовии. Так, за последние годы прошли тематические выставки «На земле мордовской», «На родных просторах», «Край мордовский», «Моя Мордовия» в Старошайговском, Торбеевском, Зубово-Полянском, Атюрьевском, Темниковском, Ардатовском районах.

Союз художников Мордовской АССР, Республиканский музей изобразительных искусств открыли две народные картинные галереи — в совхозе им. В. И. Ленина Рузаевского района и поселке Зубова Поляна. Кроме того, в последние годы жители даже отдаленных мордовских сел и деревень коллективно выезжают в Саранск, чтобы

посетить театры, музеи, парк культуры и отдыха им. А. С. Пушкина.

Дальнейшему росту духовного богатства сельчан способствует проведение Дней культуры Мордовии в соседних республиках и областях и дней культуры этих республик и областей в Мордовии, выступления профессиональных и самодеятельных коллективов в союзных, автономных республиках и областях и выступления их художественно-творческих коллективов в Мордовии, издание произведений мордовских писателей на языках народов СССР и издание произведений писателей братских республик на мордовском языке, обмен выставками произведений изобразительного искусства, участие в художественных фестивалях и спортивных соревнованиях и т. д. Дни национальной культуры, расширяя знания и представления о духовной жизни братских народов Поволжья, стимулируют процесс художественного воспитания в целом, способствуют созданию произведений литературы и искусства интернационального значения. В Дни фестиваля музыки композиторов России, например, в феврале 1982 г. в сельских Домах культуры и клубах звучала музыка композиторов Москвы, Ленинграда, Чувашской, Татарской, Удмуртской, Башкирской, Марийской и Мордовской АССР. Идет постоянный обмен опытом в сфере народного образования, культурно-просветительной работы, средств массовой информации.

Широкая сеть средств массовой информации дает жителю села возможность читать те же газеты и журналы, слушать и смотреть те же радио- и телевизионные программы, что и горожанину. Другое дело, когда речь идет о внесемейных общественных формах культурной жизни. Здесь все еще сказывается ограниченность выбора сферы культурной деятельности на селе, что является одной из причин превалирования у большинства сельского населения домашней формы культурной жизни над внесемейной. Так, согласно данным академика Т. И. Заславской (по СССР), «доля свободного времени сельских жителей, организуемого учреждениями культуры (клубами, библиотеками, кинотеатрами), составляет всего 5%. Еще около 15% его расходуется на просмотр телепередач, прослушивание радио, чтение книг, газет, журналов. Отдельная часть досуга не испытывает на себе никакого влияния со стороны культурно-просветительных работников»[15].

Цифровое, количественное сравнение «культурной» насыщенности города и деревни не дает полной картины различия уровней их духовного развития. Во-первых, потому, что при сравнении учитывается общее количество культурных точек в целом по всем населенным пунктам сельской местности независимо от их величины и без учета разбросанности сел и деревень. И оказывается, что преобладающая часть учреждений культуры, бытового обслуживания, здравоохранения и т. д. расположена в районном центре и крупных селах. Следовательно, в силу рассредоточенности сельского населения насыщенность деревни культурно-бытовыми учреждениями должна быть выше городской.

Во-вторых, культурные учреждения города и села значительно различаются по «качеству». Те же клубы, школы, стадионы и прочие культурные очаги села заметно хуже городских по оснащенности, оборудованию, оформлению и т. д. Сельский житель остро ощущает эту разницу.

И в-третьих, не учитывается в «номенклатуре» различие клубных учреждений города и деревни. Если горожанин в зависимости от интересов и вкусов может провести свой досуг в театре, филармонии, на выставке и т. д., то для сельского жителя, будь он учитель, колхозник, специалист сельского хозяйства, предоставлен один и тот же клуб[16].

Таким образом, одним из важнейших путей дальнейшего духовного сближения города и деревни, классов и социальных слоев нашего общества является качественное улучшение культурной среды села.

Показателем роста духовных потребностей мордовского колхозника служит его интерес к печатному слову, к вопросам общественной жизни. По данным 1979 года, на вопрос: «Какие Вы выписываете газеты и журналы?» получены следующие ответы (табл. 1)[17].

Таблица 1

Чтение периодической печати в сельской местности Мордовской АССР, в % от числа обследованных семей

Издания	Мокшанские районы, %	Эрзянские районы, %	Всего %
Центральная пресса	77,8	65,0	71,3
Республиканская пресса на русском языке	48,8	37,1	42,8
Национальные газеты и журналы	21,5	24,6	23,1
Районная газета	78,7	67,2	72,8
Не выписывают	6,1	5,0	5,5

Кроме того, колхозники читают в читальных залах общественных библиотек, клубов, в домах животноводов и механизаторов. В 1980 году процент сельского населения республики, обслуживаемого массовыми библиотеками, был равен 54,3[18].

Беседы с жителями сел, анализ библиотечных формуляров читателей позволяют выяснить не только количественную, но и качественную сторону дела. Читательские интересы сельчан находятся в прямой зависимости от возраста, образования, социальной принадлежности.

Анализ состава читателей по возрастному признаку указывает на большую читательскую активность сельских жителей в возрасте от 16 до 35 лет, доля которых в общем числе читателей составляет 30,9%, а также учащихся в возрасте от 7 до 15 лет.

С точки зрения образовательного уровня в составе читателей преобладают лица со средним, средним специальным или высшим образованием, и только 14% из числа имеющих начальное образование в селе являются читателями библиотеки[19].

Анализ состава читателей по роду занятий показывает, что наиболее активные из них — специалисты сельского хозяйства, механизаторы, животноводы. Значительно меньше читают полеводы, которые заняты неквалифицированным трудом.

Среди работающих в государственных учреждениях и организациях сравнительно много времени уделяют чтению работники просвещения, культуры, инженерно-технический состав, так как их труд требует более высокой спе-

циальной, общеобразовательной подготовки, расширения кругозора.

Что же больше всего интересует сельских жителей в книгах, периодической печати? Все категории читателей проявляют наибольший интерес к вопросам международной политики, и это естественно. Нет сегодня такого человека, который не хотел бы мира своему дому и всей планете. Затем идут новости политической жизни страны. Это тоже закономерно. Однако у животноводов и разнорабочих на втором месте стоят проблемы семьи и воспитания детей, а вопрос о политической жизни на четвертом месте.

Чем же это объясняется? Тем, что в животноводстве и среди разнорабочих большую часть составляют женщины, а женщин-матерей, конечно, все это интересует. У механизаторов, у специалистов-экономистов важное место занимает интерес к достижениям науки и техники. Но во всех случаях наши материалы показывают расширение политического кругозора современного крестьянина Мордовии, его интерес к событиям общественно-политической и культурной жизни, вопросам внутреннего и международного положения.

Интенсивность культурной жизни села зависит также от условий труда, упорядоченности рабочего времени (сменная работа, наличие выходных дней, отпуска, сезонность труда и т. д.).

Активным «противником» свободного времени сельских тружеников выступает и недостаточное благоустройство села, а именно: низкий в ряде мест уровень сельской торговли, бытового и транспортного обслуживания. На росте культуры тружеников села, их духовных потребностей отрицательно сказываются также черты относительно сохраняющейся и социокультурной однородности, некоторое однообразие сфер деятельности и форм общения. В частности, в литературе справедливо отмечена тенденция к некоторому обособлению сельских семей. Подобное явление наблюдается и в мордовских семьях. Это связано не только с традиционной психологией сельчанина, но и с наличием в домашнем обиходе средств культурной информации, ростом механизации труда, как общественного, так и личного. Более того, как уже отмечалось, на современном этапе сузились возможности развития традиционной культуры, так как сокращается число ее носи-

телей (старшее поколение), а молодежь по известным причинам в массе своей ориентируется на урбанизированные интернационалистские формы проведения повседневного и праздничного досуга.

Относительное «постарение» села, наблюдаемое в ряде районов республики, в отдельных случаях создает благоприятную обстановку для активизации околоцерковных кругов. Это требует значительного повышения роли учреждений народного образования, культуры и других форм организации сельского быта в усилении научно-атеистической работы с пенсионерами, домохозяйками, другими категориями лиц среднего и пожилого возраста. Принципиальное значение имеет указание июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС о необходимости активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию. Шире вовлекать верующих в общественную жизнь, настойчиво внедрять советскую обрядность[20]. Отсюда вытекает настоятельная необходимость создать хорошо налаженную систему духовного общения на селе. И главная роль в этом деле принадлежит учреждениям культуры, которые должны опираться не только на присущие им методы культурно-воспитательной работы, но и постоянно учитывать складываемые веками положительные формы народного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 137.
2. См.: Текущий архив Министерства культуры Мордовской АССР.
3. Там же.
4. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 23, с. 274.
5. Материалы этнографической экспедиции 1979 г. Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, И-1020.
6. **Горбаева З. С.** Обратная связь. — В кн.: Селу—богатства культуры. Саранск, 1981, с. 34.
7. **Наумкин Н. Я., Сыркин И. Г.** Культура преобразует село. — В кн.: Слово партии в массы. Саранск, 1982, с. 132.
8. **Великий П. П.** Духовная жизнь советского села. М., 1982, с. 95.
9. Стенограмма VII съезда работников культуры и искусства Мордовской АССР. Саранск, 1983, с. 14; Объединенный архив Министерства культуры Мордовской АССР.
10. Текущий архив Министерства культуры Мордовской АССР.
11. Там же.
12. **Бочкарев В. П.** Культура на марше: Учреждения культуры Мордовии за годы Советской власти. Саранск, 1970, с. 47.

13. **Житаев В. Л.** Право на художественное творчество. — Блокн. агитатора. 1981, № 9, с. 14.

14. Стенограмма VII съезда работников культуры и искусства Мордовской АССР, с. 71—72.

15. **Заславская Т. И.** К вопросу о социальной эффективности культурно-просветительной работы на селе. Проблемы развития культуры села. — Материалы Всесоюзного совещания работников культуры. М., 1979, с. 72.

16. **Сазкин Н. С.** Изменение культурных ориентаций общественных классов и социальных групп развитого социалистического общества. — Духовная культура зрелого социализма: Проблемы развития и управления. Саранск, 1980, с. 157.

17. Материалы этнографической экспедиции 1979 г. РФ МНИИЯЛИЭ, И-1020.

18. Текущий архив Министерства культуры Мордовской АССР.

19. **Кряжев П. Е.** О диалектике общения и обособления в обществе. Диалектика материальной и духовной жизни общества в период строительства коммунизма. М., 1966, с. 154; Великий П. П. Указ соч., с. 170—177.

20. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 72—73.

Ю. И. Сальников, Л. Г. Филатов

ПОВЫШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ОСНАЩЕННОСТИ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1959—1965 гг.

Важное значение для выполнения решений декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС, решений XXI съезда партии в области колхозного строительства, в подъеме земледелия и животноводства, увеличении производства сельскохозяйственных продуктов имело постановление декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства»[1].

Конкретизируя решения XXI съезда КПСС в области сельского хозяйства, Пленум дополнительно разработал комплекс мер, направленных на дальнейшее поднятие сельскохозяйственного производства и на основе этого добиться улучшения обеспечения населения страны продовольствием. Большие меры были намечены по обновлению материально-технической базы колхозов, росту их технической оснащенности, созданию новых форм организации и технического обслуживания, увеличению капитальных вложений, укреплению энергетической базы. «Для успешного выполнения задач, поставленных XXI съездом партии по дальнейшему развитию сельского хозяйства, — говорится в постановлении Пленума, — прежде всего необходимо обеспечить непрерывный технический прогресс в механизации и электрификации, усилить темпы оснащения колхозов и совхозов новой техникой для комплексной механизации и на этой основе значительно сократить сроки проведения сельскохозяйственных работ, повысить общую культуру земледелия, добиться нового роста производительности труда и снижения себестоимости продукции.

Важнейшим направлением в развитии механизации сельскохозяйственного производства на ближайшие годы

должен быть переход на повышенные рабочие скорости тракторов и основных сельскохозяйственных машин, создание для этого новых типов тракторов и сельскохозяйственных машин и орудий, оснащение колхозов и совхозов машинами и механизмами для тех процессов, которые отстали в общем комплексе механизации сельскохозяйственного производства (очистка зерна, погрузочно-разгрузочные работы, уборка хлопка, свеклы, картофеля, комплексная механизация животноводческих ферм, внутрихозяйственный транспорт, механизация работ в садоводстве и виноградарстве и другие)»[2].

17 августа 1962 г. принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению качества тракторов, сельскохозяйственных машин, запасных частей и комплектующих изделий, поставляемых сельскому хозяйству»[3]. В этом постановлении были вскрыты недостатки в изготовлении тракторов и сельскохозяйственных машин на ряде заводов сельскохозяйственного машиностроения и намечены меры по их устранению. «Учитывая, что усиление материально-технической помощи колхозам и совхозам,—говорится в постановлении,— является одним из коренных вопросов политики партии в области сельского хозяйства, считать выпуск сельскохозяйственной техники высокого качества, повышенной надежности и долговечности важнейшей задачей партийных, советских и хозяйственных организаций, всех работников промышленности»[4].

Важное значение для дальнейшего роста технической оснащенности колхозного производства имело постановление Совета Министров СССР от 26 сентября 1963 г. «Об улучшении работы Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» в области внедрения новой техники в сельскохозяйственное производство»[5].

В соответствии с постановлением на Всесоюзное, республиканские объединения «Сельхозтехники» и их органы на местах были возложены обязанности по улучшению технического состояния машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах путем внедрения прогрессивных способов комплексного технического обслуживания машин, организации ремонта поточно-узловым методом, создания фонда обменных агрегатов и узлов для быстрой замены вышедших из строя.

Районные отделения «Сельхозтехники» совместно с

производственными колхозно-совхозными управлениями выявляют новые прогрессивные приемы использования сельскохозяйственной техники, приспособления, устройства и усовершенствования машин и организуют внедрение в колхозах и совхозах тех приемов использования техники и усовершенствования машин, которые могут быть осуществлены местными силами. Колхозы и совхозы обязаны включать в годовые планы работы по внедрению новой техники, а также снижению затрат на производство сельскохозяйственной продукции в связи с внедрением новой техники, что усиливало ответственность руководителей хозяйств за ускорение научно-технического прогресса.

Постановление повышало требовательность к научно-исследовательским институтам и конструкторским организациям тракторного и сельскохозяйственного машиностроения в деле улучшения качества разработки конструкций тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин и орудий[6].

Большое значение для улучшения технической оснащенности сельскохозяйственного производства, внедрения научно-технических достижений имело постановление Совета Министров СССР от 30 июня 1964 г. «О мерах по улучшению дела изобретательства и рационализации в сельском хозяйстве»[7].

В постановлении, в частности, отмечалось, что число изобретателей и рационализаторов растет из года в год, их предложения позволили решить ряд проблем в области сельского хозяйства, особенно по механизации возделывания и уборки сельскохозяйственных культур.

Однако, как было подчеркнуто, внедрение изобретений и рационализаторских предложений в сельском хозяйстве осуществляется все еще медленно. Изобретателям и рационализаторам не оказывается необходимой помощи в разработке и осуществлении их предложений. Материальное стимулирование авторов изобретений и рационализаторских предложений, используемых в сельском хозяйстве, не упорядочено. Пропаганда достижений новаторов организована слабо[8]. Колхозам было рекомендовано систематически проводить работу по развитию изобретательства и рационализации, оказывать помощь сельским изобретателям и рационализаторам, создавая необходимые условия для их творчества и обеспечивая скорейшее внед-

рение их предложений в колхозное производство. Устанавливался порядок выплаты вознаграждения авторам изобретений и рационализаторских предложений.

Таким образом, непреходящее значение для подъема сельскохозяйственного производства, улучшения технической оснащенности имели постановления декабрьского (1963 г.), февральского (1964 г.), ноябрьского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС. Партия выдвинула в качестве неотложной задачи значительное увеличение производства зерна на основе интенсификации сельскохозяйственного производства, широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта. Задача интенсификации сельского хозяйства, как подчеркивалось в решениях февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, становится практически осуществимой в широких масштабах потому, что теперь коренным образом изменилась материально-техническая база колхозов и совхозов, значительно выросли капитальные вложения в сельское хозяйство, произошли огромные перемены в состоянии финансового хозяйства, увеличились доходы колхозов и совхозов[9].

Партийные и советские органы, рабочий класс и колхозное крестьянство Мордовии неуклонно претворяли в жизнь мероприятия Коммунистической партии и Советского государства, направленные на дальнейшее техническое оснащение и укрепление материально-технической базы колхозно-совхозного производства.

Если в 1959 г. колхозы на укрепление своей материально-технической базы израсходовали денежных средств 1264 тыс. руб., то в 1965 г. — 8010 тыс. руб. Количество тракторов увеличилось почти в 2 раза, а их мощность — в 1,9 раза. Количество автомашин возросло в 1,1 раза. Только в декабре 1960 г. правительство Российской Федерации выделило Мордовской АССР 724 трактора, 300 комбайнов и много другой сельскохозяйственной техники. Совхозы Мордовии получили 12 млн. руб. на новое капитальное строительство[10].

В 1962 г. колхозы и совхозы республики получили 1097 тракторов, 522 зерновых комбайна. Проведена значительная работа по обеспечению колхозов и совхозов надежными источниками электроэнергии за счет государственных энергосистем. С 1958 по 1962 г. на селе построено свыше 8 тыс. км линий электропередач, 1155 трансформаторных

подстанций. Сельское хозяйство нашей республики по мощности трансформаторных подстанций получило возможность ежегодно потреблять до 200 млн. киловатт-часов электроэнергии[11].

В 1963 г. тракторный парк увеличился на 4 тыс. 15-сильных тракторов, на 800 зерновых комбайнов, парк грузовых автомашин возрос в два раза. Поставки минеральных удобрений в республику увеличились с 10,2 тыс. до 53 тыс. тонн в год[12]. Произошли не только количественные, но и качественные изменения в составе сельскохозяйственной техники, улучшились ее конструкторские и эксплуатационные качества. Вместо тихоходных внедрялись скоростные, более мощные тракторы. За счет усовершенствованных машин полностью обновился парк комбайнов. Динамика количественных и качественных изменений технической оснащенности колхозов за 1959—1965 гг. показана в таблице 1.

Таблица 1*

Качественные и количественные изменения в составе сельскохозяйственной техники в колхозах Мордовии

Наименование сельскохозяйственной техники	1959 г.	1965 г.
1. Тракторы		
Колесные:		
«Беларусь»	711	—
«МТЗ»	168	1525
«ДТ»	110	268
Т-40, Т-28М	12	40
Самоходные шасси	—	—
2. Гусеничные:		
ДТ-54, ДТ-55	2035	1562
Т-74, Т-75, ДТ-75	—	659
Т-38	60	438
Т-50	—	—
3. Комбайны:		
Самоходные С-4	1251	—
Самоходные С-6	945	21
Самоходные СК-4, СКП-4	—	
СКПР-4, СКГ-4	339	1406

* Таблица составлена по данным ОА МСХ МАССР.

Внедрение комплексной механизации потребовало разработки новых систем машин, отвечающих прогрессивным

способам возделывания растений и механизации животноводческих ферм. Выпускались тракторы для обработки садов и проведения мелиоративных работ и т. д. Многие колхозы республики имели полные комплекты машин и орудий для возделывания основных полевых культур. Количество типов машин, поставляемых сельскому хозяйству страны, увеличилось с 400 в 1960 г. до 600 в 1966 г. В ноябре 1961 г. в республике было создано объединение «Сельхозтехника», которое стало снабжать колхозы необходимой техникой.

Получение сельским хозяйством новейших машин способствовало широкому осуществлению комплексной механизации, значительному росту производительности труда.

Повышение технической оснащенности сельскохозяйственного производства имеет не только производственно-техническое, но и важное социально-экономическое значение. Оно приближает колхозное производство по уровню технической вооруженности, организации и культуре производства к промышленности, содействует превращению сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального.

Важнейшим условием увеличения производительности труда являются механизация и электрификация трудоемких процессов в животноводстве. С продажей сельскохозяйственной техники колхозам количество машин, обслуживающих животноводство, стало быстро увеличиваться.

В повышении уровня механизации работ положительную роль сыграло укрупнение ферм. В конце 1965 г. в колхозах было 490 ферм крупного рогатого скота, которые имели по 482 головы, в том числе — по 152 коровы, свиноводческие — по 435 голов и овцеводческие фермы — по 731 голове[13].

Концентрация поголовья скота на крупных фермах создала лучшие условия для внедрения комплексной механизации в животноводстве. Если в 1960 г. на фермах механизированным водоснабжением обслуживалось 27,8% и внутрифермским транспортом — 6,8% голов крупного рогатого скота, то на начало 1966 г. — 63,3 и 13,2%. Повысился уровень механизации работ в свиноводстве и овцеводстве, в результате чего увеличилась производительность труда животноводов. В 1960 г. одна доярка-скотница обслуживала 28 голов крупного рогатого скота, а в на-

чале 1966 г. — 32 головы, одна телятница — соответственно 25 и 30 телят и одна свинарка — 46 и 60 свиней[14].

Важнейшую роль в техническом оснащении села и укреплении материально-технической базы колхозного производства в 1959—1965 гг. сыграла электрификация сельского хозяйства.

Большое значение для электрификации сельского хозяйства, повышения его энергетических мощностей имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 февраля 1961 г. «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961—1965 годах», которое наметило широкий комплекс мер по внедрению электрической энергии в сельскохозяйственное производство[15].

Большую роль в широком развертывании работ по электрификации сельского хозяйства сыграло постановление Совета Министров СССР от 18 января 1963 г. «О мерах по ускорению электрификации сельского хозяйства СССР»[16]. В нем отмечалось, что задания, намеченные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 февраля 1961 г. «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961—1965 годах», выполняются неудовлетворительно, в связи с чем потребность колхозов и совхозов в электрической энергии для сельскохозяйственного производства, а также культурных и бытовых нужд сельского населения обеспечивается недостаточно[17].

Придавая большое значение ускорению темпов электрификации сельского хозяйства, являющейся важнейшим средством осуществления комплексной механизации сельскохозяйственного производства, Советское правительство разработало и приняло ряд конкретных мер по повышению темпов строительства сельских линий электропередач, трансформаторных подстанций. На Всесоюзное и республиканские объединения «Сельхозтехника» были возложены разработка и осуществление мероприятий по внедрению электроэнергии в процессы сельскохозяйственного производства, а также ремонт электродвигателей и пускорегулирующей электроаппаратуры в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях.

Выполняя решения партии и правительства, колхозное крестьянство, все труженики села добились больших успехов по внедрению в сельскохозяйственное производство электроэнергии. Так, на начало 1966 г. сельское хозяйство республики получало электроэнергии почти в 42 раза

больше, чем в 1958 г., что составило 69,3 млн. кВт·часов. Если в первом году семилетки колхозы республики были электрифицированы на 38%, то в последнем году — на 99,7%.

Из 354 колхозов было электрифицировано 353. В Кочкуровском и Ромодановском районах завершена электрификация домов колхозников, а Дубенский, Инсарский, Ичалковский, Ковылкинский, Теньгушевский и Чамзинский были близки к ее завершению — на 95—98%.

Большинство колхозов снабжалось электроэнергией от государственных источников (57,6 млн. кВтчасов, или 95%), и только 2,7 млн. кВт·час., или 5%, — от межколхозных электростанций. Совхозы были подключены к государственной энергосистеме[18].

Основную роль в электрификации колхозов и совхозов республики стали играть государственные электросети и подстанции. Рост числа электрифицированных колхозов и совхозов за 1959—1965 гг. показан в таблице 2.

Таблица 2*

Динамика роста электрифицированных колхозов и совхозов Мордовии за 1958—1965 гг.

Годы	Колхозы			Совхозы		
	всего колхозов	из них электрифицировано	% электрифицированных	всего совхозов	из них электрифицировано	% электрифицированных
1958	585	154	26	21	21	100
1959	434	167	38	22	21	95
1960	356	180	51	31	29	94
1961	357	224	63	31	30	97
1962	358	263	73	31	30	97
1963	347	285	82	31	31	100
1964	349	330	95	31	31	100
1965	354	353	99,7	37	37	100

* Таблица составлена по данным ЦГА МАССР, ф.р.-662, оп. 31, д. 1062, л. 37—46.

Большинство хозяйств использовало электроэнергию на производственные нужды. Из 353 электрифицированных колхозов 272 — при очистке зерна, 29 — при сушке

зерна, 190 — при погрузке зерна, 7 — при поливе земель.

Широкое применение получило электричество в животноводстве. 173 колхоза использовали электроэнергию при водоснабжении и раздаче кормов, 29 — при очистке помещений, 21 — при доении коров, 2 — при стрижке овец.

Процент расходования электроэнергии на производственные цели в Теньгушевском районе составил 72%, в Темниковском — 90%. Вместе с тем, несмотря на некоторое увеличение использования электроэнергии на производственные нужды, ряд районов (Краснослободский, Дубенский, Атяшевский, Большеберезниковский и Торбеевский) использовал ее не более чем на 40%[19]. Совершенно очевидно, что расход электроэнергии на производственные нужды в размере 40—50% был явно недостаточным.

В приводимой ниже таблице 3 сопоставляются данные (в %) о расходе электроэнергии на производственные и другие цели в колхозах РСФСР и областях Волго-Вятского экономического района в 1964 г.

Таблица 3

Области	На производственные цели	Колхозникам своего колхоза
РСФСР	59	34
Горьковская	49	44
Кировская	58	37
Марийская АССР	47	48
Мордовская АССР	48	45
Чувашская АССР	39	55

Как показывают приведенные данные, в Мордовии израсходовано электроэнергии на силовую нагрузку несколько больше, чем в некоторых других автономных республиках Волго-Вятского экономического района. Так, в Чувашской АССР колхозы израсходовали на производственные нужды 39% электроэнергии, или на 9% меньше, чем в Мордовской АССР.

Однако в целом по РСФСР в колхозах на производственные нужды было израсходовано 59% — на 11% боль-

ше, чем в Мордовской АССР. Это говорит о том, что внедрение электроэнергии в производственные сельскохозяйственные процессы еще было недостаточно.

В 1959—1965 гг. значительно улучшилось оснащение колхозов и совхозов электрооборудованием, в частности электромоторами. Если в 1959 г. в колхозах имелось 1245 электромоторов, то в 1965 их стало 6475. В совхозах их число соответственно возросло с 449 до 2010 единиц.

В 1959—1965 гг. был сделан крупный шаг в снабжении сельского населения электроэнергией. В 1959 г. электроэнергией пользовались 39166 дворов, или 26% от общего количества дворов колхозников, а в 1965 г.—112794 двора, или 92%. Тем не менее достигнутый уровень электрификации села далеко еще не соответствовал возросшим потребностям.

Подключение колхозов и совхозов к государственной энергосистеме способствовало увеличению числа хозяйств, получающих электроэнергию от государственных энергоисточников.

Архивные данные свидетельствуют о резком снижении числа хозяйств, пользующихся электроэнергией от собственных и межколхозных электростанций, и о высоких темпах роста числа хозяйств, получающих электроэнергию от госсети. В колхозах количество хозяйств, получающих электроэнергию от собственных и межколхозных электростанций, уменьшилось с 70 до 5%, а количество хозяйств, получающих электроэнергию от государственных электростанций, возросло с 30 до 95%, соответственно в совхозах — с 67% до 1%, от государственных электростанций возросло с 33 до 99%[20].

Совершенствование новых форм материально-технического обслуживания на селе («Сельхозтехника», МСО и др.) благоприятно сказалось на всех сторонах материально-технической оснащенности сельского хозяйства. За период 1959—1963 гг. в сельской местности построено 4597 животноводческих помещений, 263 птичника. Построено и отремонтировано более 80 тыс. жилых домов для колхозников, рабочих и служащих, построено 9237 км электролиний, более 600 школ, 354 клуба и библиотеки, 164 больницы, фельдшерско-акушерских пунктов и родильных домов.

В республике создано 15 межколхозных строительных организаций, которые на 1 июля 1964 г. имели основных

средств на 3130 тыс. руб.; межколхозные строительные организации только в 1963—1964 гг. построили 131 животноводческое помещение, 12 птичников, 28 зернохранилищ, 27 жилых домов, 4 школы, 3 клуба, а всего выполнили строительно-монтажных работ на 7491,1 тыс. руб., в том числе для колхозов — на 5581,0 тыс. руб.[21]

Повысилась индустриализация строительства сельскохозяйственных объектов, увеличилось применение сборных железобетонных конструкций, возрос объем работ, выполняемых подрядным способом.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 8, 1959—1965. М., 1972, с. 18—36.
2. Там же, с. 31.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 5, М., 1967, с. 214—221.
4. Там же, с. 216.
5. Там же, с. 402—407.
6. См.: Там же, с. 404—405.
7. Там же, с. 468—472.
8. Там же, с. 468.
9. См.: КПСС в резолюциях и решениях..., т. 8, с. 475.
10. Мордовия: Этапы большого пути (1917—1977 гг.). Саранск, 1977, с. 89.
11. ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 197, л. 89.
12. Данные приводятся в сравнении с 1953 г.
13. **Куприянов А. Е.** Проблемы повышения эффективности колхозного производства. Саранск, 1968, с. 21.
14. Там же.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4, с. 720—726.
16. Там же, т. 5, с. 281—286.
17. Там же, с. 281.
18. ЦГА МАССР, ф.р.-662, оп. 31, д. 1061, л. 37—46.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же, л. 45.

А. П. Лебедев, Л. Г. Филатов

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА (1928—1937 гг.)

Перевод миллионов единоличных крестьянских хозяйств на путь социализма был глубочайшим революционным переворотом. Класс мелких товаропроизводителей в процессе преобразования своей классовой природы шел под руководством рабочего класса по линии социального прогресса, изменяя свою психологию и образ жизни, повышая степень своей активности в решении общенародных задач. Важную роль в процессе воспитания у колхозного крестьянства социалистического сознания играла деятельность сельских партийных и комсомольских организаций, Советов, развитие колхозной демократии.

Вопрос о росте политической и трудовой активности крестьянства в годы первых пятилеток не стал еще предметом специального исследования, хотя отдельные стороны этой проблемы получили освещение в трудах историков[1].

В настоящей статье делается попытка показать рост политической и трудовой активности крестьянства Мордовии.

Общественно-политическая жизнь деревни в решающей степени зависела от усиления роли Коммунистической партии, боеспособности ее низовых партийных организаций. В ходе социалистического преобразования сельского хозяйства в ее ряды влился новый отряд из лучших представителей колхозного крестьянства (на 1 января 1932 г. колхозники составляли 40,2% от общего числа областной парторганизации)[2], что было важным шагом на пути превращения партии рабочего класса в авангард всего советского народа. Наряду с количественным ростом произошла перестройка всей структуры деревенских партийных

организаций (см. табл. 1). Прежние сельские территориальные организации, слабо связанные с нуждами производства, к середине второй пятилетки были в основном перестроены по производственному принципу. Укреплению сельских партийных организаций в 1933—1934 гг. во многом содействовали политотделы МТС. В результате партийная сеть в деревне Мордовии к концу 1933 г. увеличилась в два раза. Из 4000 коммунистов, работавших на селе, 3174 человека (79,3%) были заняты непосредственно на производстве. Укрепилось партийное руководство производственными бригадами. Число партийных групп в колхозных бригадах возросло почти в три раза[3].

Таблица 1

Динамика развития сельских партийных организаций Мордовии в 1930—1937 гг. (на 1 января)[4]

Показатели	1930*	1931	1932	1933	1934**	1935	1936	1937
Колхозные								
число первичных парторганизаций и групп	62	107	310	370	579	476	296	231
в них коммунистов	616	—	—	4669	2833	2397	1523	1389
Сельские территориальные								
число первичных парторганизаций и групп	193	131	11	112	152	190	92	166
в них коммунистов	1820	—	—	599	565	469	391	1009
Совхозные								
число первичных парторганизаций и групп	6	10	51	38	52	45	40	36
в них коммунистов	52	—	—	639	581	558	442	371
МТС								
число первичных парторганизаций и групп	—	—	16	19	25	27	28	36
в них коммунистов	—	—	—	237	328	340	216	300
Всего организаций и групп	261	248	388	539	808	738	456	469
В них коммунистов	2488	—	—	6144	4307	3764	2572	3069

* на 1 апреля
** на 1 октября

На пути усиления боеспособности партийных организаций был осуществлен ряд мероприятий, направленных на улучшение качественного состава партийных рядов. В годы второй пятилетки прошли очередная (1933—1934 гг.) чистка, проверка и обмен партийных документов (1935—1936 гг.). До ноября 1936 г. прекращен прием в партию. В результате чистки и обмена партийных документов число коммунистов сократилось (за время проверки партийных документов число исключенных составляло 9,1% от всей численности организации)[5], но дееспособность партийных организаций возросла, стало более конкретным их руководство.

Партийные организации имелись почти во всех совхозах и МТС республики. Сеть же колхозных партийных организаций оставалась малочисленна: на 1469 колхозов в 1937 г. приходилась 131 первичная партийная организация. В среднем на одну колхозную партийную организацию приходилось около 12 колхозов. В Ичалковском, Темниковском, Рыбкинском и некоторых других районах имелось всего по две-три парторганизации. Весьма распространенным явлением было наличие в колхозах коммунистов-одиночек. На 1 сентября 1935 г. в колхозах республики их насчитывалось 908 человек[6].

В целях усиления партийного влияния пленум Мордовского обкома ВКП(б) предложил райкомам партии осуществлять перераспределение коммунистов партийных организаций, учреждений в сельские, особенно первичные партийные организации крупных мордовских сел: Болдово, Перхляй, Мордовская Пишля Рузаевского района, Кишалы Темниковского, Алово, Дюрки Атяшевского и др. В мае 1935 г. бюро обкома ВКП(б), заслушав доклады Кочкуровского и Темниковского райкомов партии «О работе с коммунистами-одиночками», обязало районные комитеты партии регулярно заслушивать их отчеты, поддерживать тесную связь через инструкторов[7].

Для решения поставленных перед партийными организациями задач первостепенное значение имело объединение вокруг них беспартийных активистов. Эта работа началась с создания групп сочувствующих, организация которых была рекомендована постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июня 1933 г. и XVII съездом партии. Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б), указав на особое значение групп сочувствующих как важнейшего резерва для по-

полнения рядов партии, предложил всем парторганизациям усилить работу с ними. Возникнув в 1934 г., группы сочувствующих быстро увеличивались:[8]

	число групп	число сочувствующих
На 1 июля 1934 г.	51	328
На 1 октября 1934 г.	130	808
На 1 октября 1935 г.	224	1460
На 1 октября 1936 г.	373	2576
На 1 января 1937 г.	405	2801

Партийные организации республики проделали значительную работу для того, чтобы вырастить многочисленный резерв для пополнения своих рядов.

Повышая работоспособность своих рядов, сельские партийные организации уделяли много внимания улучшению партийного просвещения, идейной закалке кадров. С каждым годом возрастало число слушателей школ и кружков политического просвещения. В 1932 г. в системе партучебы насчитывалось 306 кружков, в конце 1937 г.— 524 кружка, в которых обучалось соответственно 15 и 30 тыс. коммунистов, сочувствующих, комсомольцев и беспартийных[9]. Развитие партийного просвещения помогало кадрам усваивать основы марксизма-ленинизма, изучать историю Коммунистической партии и важнейшие решения партии и Советского правительства.

Политическая учеба тесно увязывалась с экономической. Наиболее распространенной формой экономического и технического образования кадров в сельских районах была агроучеба. За 1936—1937 гг. различные курсы в республике прошли более 40 тыс. колхозников-активистов. В 1936—1937 гг. в районных колхозных школах подготовлено и переподготовлено 6655 председателей, бригадиров, звеньевых и счетоводов колхозов. Особое внимание уделялось подготовке и воспитанию кадров из женщин мордовской национальности. По указанию обкома партии в районах организовывались специальные курсы для женщин. Большую роль в их политическом и экономическом воспитании сыграл Дом мордовки, где готовились организаторы работы среди женщин[10].

Росла активность коммунистов. На областной, районных конференциях, пленумах, партийных собраниях они

активно участвовали в обсуждении вопросов политической и хозяйственной жизни. В ходе отчетно-выборной кампании (март—апрель 1937 г.) свыше 75% коммунистов выступило в прениях по отчетным докладам[11].

Несмотря на свою относительную малочисленность и трудные условия развития, многие партийные организации, умело сочетая партийно-массовую работу с руководством хозяйств, на деле осуществляли руководящую роль в подъеме общественного производства, развитии социалистического соревнования, воспитании колхозников в коммунистическом духе. Это давало положительные результаты. Заслуживала положительной оценки, например, работа первичной партийной организации колхоза им. М. Горького Б.-Березниковского района. Несмотря на свою малочисленность (5 коммунистов), парторганизация, опираясь на широкий актив, сумела укрепить организационно-хозяйственное состояние колхоза, ликвидировать текучку руководителей. Коммунисты являлись зачинателями всех мероприятий, направленных на укрепление общественного хозяйства, каждый из них в течение 1933—1935 гг. вырабатывал не менее 400—500 трудодней за год. По инициативе коммунистов вся массово-политическая работа была перенесена на полевые станы и в бригады. Много внимания уделялось поддержке лучших форм социалистического отношения к труду, и это не замедлило сказаться на общих результатах колхозного производства. В течение 1934—1935 гг. не было ни одного случая падежа скота. Повысилась урожайность полевых культур (пшеница: 1932 г. — 2,6 ц/га, 1934 г. — 7,9 и 1935 г. — 13 ц/га). В 1935 г. колхоз выполнил план по зернопоставкам, натурплате и т. д. Вместе с тем вырос уровень оплаты трудодня[12].

Мордовский обком ВКП(б) на пути укрепления сельских партийных организаций, повышения их роли в производственной и общественно-политической жизни деревни стал более конкретно и систематически заниматься вопросами подготовки и проведения сева, уборки урожая, подготовки кадров, развертывания социалистического соревнования. Осуществляя конкретное руководство, обком партии провел совещание секретарей райкомов, начальников политотделов совхозов по вопросу о партийно-политических мероприятиях в связи с подготовкой к весеннему севу 1936 г. В результате в каждом колхозе и совхо-

зе республики были выработаны планы массово-политической работы в связи с задачами весеннего сева. Особое внимание уделялось тому, чтобы все основные участки производства были охвачены партийным влиянием. Так, в совхозе «Волна революции» Ардатовского района в каждой полевой бригаде работали коммунисты, комсомольцы, сочувствующие, которые до начала весеннего сева участвовали в ремонте тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Все члены бригад прошли курсы агротехучебы. На время полевых работ за каждой из бригад были закреплены передвижные жилые помещения, оборудованные всем необходимым для удовлетворения материальных и духовных запросов работников совхоза. Созданы агитколлектив, культбригады, которые должны были обслуживать полевые станы[13].

Улучшению партийной и массово-политической работы на селе было посвящено республиканское совещание парторгов колхозов в декабре 1936 г. Опытом по организации массово-политической работы, развитию партпросвещения, руководству общественными организациями, распространению стахановского движения поделились парторги лучших колхозов республики. В докладе заведующего сельхозотделом Мордовского обкома ВКП(б) П. В. Шапошникова «О задачах партийно-массовой и политико-воспитательной работы колхозных парторганизаций» намечались конкретные меры по улучшению работы первичных партийных организаций[14].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на все трудности, шел закономерный рост силы и авторитета партийных организаций, руководство которых заметно приблизилось к конкретным задачам колхозного строительства.

Вместе с тем в деятельности партийных органов Мордовии по руководству сельским хозяйством имелись недостатки, которые, как указывалось в постановлении крайисполкома и бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 16 января 1936 г., выражались в недостаточной работе с колхозными кадрами, неправильном исключении из колхозов, слабом внедрении колхозной демократии[15]. Имелись факты нарушения партийной демократии, ленинских норм партийной жизни. Областная партийная организация слабо занималась вопросами количественного роста партии: за 1936—1937 годы в партию принято 168 человек, хотя в республике имелось 387 групп сочув-

ствующих с количеством в них 2655 человек, и в рядах ВЛКСМ — 17549 комсомольцев[16].

Партийные организации не всегда чутко относились к апелляциям исключенных, проявляли медлительность в их рассмотрении. В 1937 г. в обком партии были поданы 473 апелляции и 311 решений РК ВКП(б) на исключенных, из которых обком ВКП(б) рассмотрел лишь 378, или 48%[17].

Негативные явления, порожденные культом личности, не были определяющими в жизни советского общества. ЦК партии неоднократно указывал на ненормальность такого положения. Большое значение в жизни партии имел январский Пленум ЦК ВКП(б) 1938 г., принявший постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков»[18]. Пленум осудил огульные исключения коммунистов из партии, потребовал привлекать к партийной ответственности клеветников и карьеристов, порочащих честных коммунистов. Это содействовало определенному оздоровлению обстановки в партийных организациях и вызвало новый рост партийных рядов.

Верным помощником партии в борьбе за упрочение колхозного строя, воспитание сельской молодежи выступал комсомол. За период с 1928 по 1937 г. общее число комсомольцев возрастает с 6364 до 17172 человек, из них комсомольцев-колхозников до 8377[19]. Значительно укрепились сельские комсомольские организации в период деятельности политотделов МТС, когда их работа была перестроена по производственному принципу. К концу 1933 г. примерно 56% колхозов имели самостоятельные комсомольские ячейки. Кроме того, во многих колхозах работали комсомольские организаторы. В целом непосредственным комсомольским влиянием было охвачено примерно 75% колхозов республики[20].

Комсомольцы занимали решающие участки в колхозном производстве. Уже в 1933 г. 85% комсомольцев работало на полях и фермах. Повышается их удельный вес в составе руководящих колхозных кадров. В 1935 г. на должности председателей колхозов работало 88 комсомольцев, а в 1937 г. — 144[21].

Сельские комсомольцы внесли значительный вклад в создание колхозов и их организационно-хозяйственное укрепление. По их инициативе в Мордовии создаются вербовочные и штурмовые бригады, а также инициативные группы. Члены бригад и групп вели систематическую работу среди крестьян за вступление в колхоз. В результате их деятельности только за период с 1930 г. по 1932 г. в Мордовии был организован 531 колхоз, или 40% к общему числу колхозов[22].

Активное участие приняли комсомольцы в развертывании движения мастеров высокого урожая, передовиков животноводства, трактористов-стахановцев. К началу 1937 г. в сельскохозяйственном производстве насчитывалось более 300 комсомольцев-стахановцев. В 1936 г. комсомол возглавил соревнование женских тракторных бригад, начатое П. Ангелиной. Всей стране была известна женская тракторная бригада И. Лазаревой (Ичалковская МТС), оказавшаяся в числе победительниц Всесоюзного соревнования женских тракторных бригад[23].

На основе решений X съезда ВЛКСМ (апрель 1936 г.) в деревне развернулся поход за политическое просвещение молодежи и комсомольцев. К началу 1937 г. в республике работало около 800 кружков и школ, в которых обучалось 8,5 тыс. комсомольцев. По сравнению с 1936 г. сеть кружков и школ утроилась, а количество обучающихся комсомольцев увеличилось в 4 раза[24].

После X съезда комсомола сельская молодежь республики продолжала самоотверженно трудиться, ликвидировать неграмотность, улучшать учебную и воспитательную работу, развивать физкультурное движение.

Партийные организации на пути укрепления колхозного строя, повышения общественно-политической жизни деревни опирались на сельские Советы, которые принимали активное участие в развитии самодеятельности масс, укреплении социалистических принципов хозяйствования, трудовой дисциплины, развертывании социалистического соревнования.

Выборы в Советы Мордовской автономной области, состоявшиеся в конце 1930—начале 1931 гг., показали возросшую активность трудящихся. Общая явка на выборы сельских Советов в 1930—1931 гг., по сравнению с выборами 1929 г., увеличилась с 52,6% до 69,3%, в том

числе явка мордвы — с 52,2% до 70,4%. Изменяется социальный состав Советов[25].

Пятый пленум Средне-Волжского крайисполкома, отмечая эти успехи, в постановлении от 25—29 декабря 1932 г. «О советском, хозяйственном и культурном строительстве Мордовской автономной области» указал, что Советы Мордовии за истекшие три года, со времени образования области, добились решающих успехов в деле перестройки своей работы, в соответствии с требованиями периода социалистической реконструкции[26].

Очередные выборы Советов, проведенные в 1934 г., укрепили достигнутые успехи. Участие в выборах повысилось с 69,3% в 1931 г., до 77,8% в 1934 г., в том числе мордвы — до 76,3%. Число женщин, принявших участие в выборах, повысилось с 56,8% до 71%[27]. В составе сельсоветов произошли следующие изменения.

Таблица 2

Состав сельских Советов Мордовии в 1931—1934 гг. в %[28]

Социальное положение, партийность, пол	1931 г.	1934 г.
Колхозники	20	73,7
Рабочие	2,8	5,4
Члены и кандидаты ВКП(б)	9,5	15,6
Члены ВЛКСМ	3,7	8,3
Женщины	19,1	27

В составе сельсоветов преобладали колхозники. Выросла партийная и комсомольская прослойка, увеличилась доля женщин. Среди председателей сельсоветов колхозники составляли 43,6%. По мере социалистического строительства доля колхозников в составе сельских Советов возрастает (в 1937 г. до 80%)[29].

Сельсоветы пополняли и укрепляли состав сельского актива, вовлекали его в работу Советов, правлений колхозов, непосредственно в колхозное производство. С этой целью была широко развернута организация секций и депутатских групп при сельсоветах, правлениях колхозов и колхозных производственных бригадах. Количество секций и депутатских групп увеличилось с 2316 в 1933 г. до 4866 в 1937 г., число членов в них—с 7340 до 35739 человек[30].

Сельсоветы проводили большую работу по выполнению практических предложений по улучшению хозяйственного, материального и культурного положения трудящихся. В течение первого полугодия 1932 г. на пленумах и президиумах сельских Советов Мордовии разрешено 24217 вопросов, из них: по культурному строительству — 6005. Заслушано докладов о работе секций при сельсоветах — 667, депутатских групп при правлениях колхозов—1727, колхозных бригадах — 245[31].

Большую роль в активизации работы секций и депутатских групп, в подъеме отстающих отраслей народного хозяйства и укреплении звеньев советского аппарата, в вовлечении в государственное управление и социалистическое строительство широких трудящихся масс сыграли конкурсы-соревнования Советов. В 1935 г. из 1200 Советов в конкурсах участвовало 963. В ходе соревнования значительно увеличился актив Советов. Так, количество секций выросло на 10%, а численность актива в них — на 63 процента[32].

Несмотря на отдельные, порой существенные недостатки, конкурсы сыграли большую роль в оживлении работы Советов. Многие из них стали глубже вникать в нужды развития сельского хозяйства. Так, Старокорсаковско-Майданский сельсовет Инсарского района объединял три колхоза. Все члены Совета были распределены по производственным бригадам, причем трое из них работали бригадирами. На пленумы Совета, ставшие хорошей школой политического воспитания, как правило, приглашались активисты. На пленумах рассматривались планы развития животноводства и подготовки к севу, итоги соревнования колхозов, утверждались бюджеты и т. д.

Не случайно Старокорсаковско-Майданский сельсовет добился неплохих результатов в развитии сельского хозяйства. Так, урожай зерновых в колхозе «Красный выборжец» составил 10,3 ц с гектара. Лучшие колхозники-ударники получили в счет своих доходов по 250—300 пуд. хлеба[33].

Построение социализма сделало возможным осуществление дальнейшей демократизации советского общественного строя, что получило законодательное закрепление в Конституции 1936 г. Проведенные на ее основе в 1937 г. выборы в Верховный Совет СССР стали демонстрацией

единодушной поддержки всем советским народом, в том числе и колхозным крестьянством Мордовии, политики коммунистической партии. В голосовании приняло участие 98% избирателей, из них за блок коммунистов и беспартийных голосовали в Совет Союза 98,7, в Совет Национальностей — 98,2%. Этому, несомненно, способствовали успехи социалистического строительства, агитационно-массовая работа партийных организаций, рост культурного уровня трудящихся.

Колхозное крестьянство Мордовии было представлено не только в местных Советах депутатов трудящихся. Оно непосредственно участвовало и в высших государственных органах власти, где обсуждались и решались важные вопросы внутренней и внешней политики Советского государства. Трудящиеся Мордовии послали в Верховный Совет СССР 15 лучших своих представителей, среди них трактористку К. Д. Волгаеву, бригадира тракторной бригады В. Е. Курмышкина и др[34]. Выборы в Верховный Совет явились демонстрацией морально-политического единства советского народа, показателем прочности союза рабочего класса и крестьянства, свидетельством политического роста тружеников города и села.

Ярким показателем политического и культурно-технического роста колхозного крестьянства за годы пятилеток явилось широкое развитие социалистического соревнования. «Социализм, — указывал В. И. Ленин, — не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно **широко,** действительно в **массовом** размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[35].

Зародившись в промышленности, социалистическое соревнование охватывает и тружеников села. Осенью 1929 г. в Мордовии соревнованием было охвачено более 1500 населенных пунктов. Уже в этот период в движение включились 113 колхозов[36].

Принимаемые обязательства были направлены прежде всего на лучшее решение основных производственных задач — таких, как сортирование семян, сбор семфондов, расширение посевных площадей, увеличение числа колхо-

зов и членов сельхозартелей, полное выполнение плана землеустройства и контрактации посевов и т. д.[37]. В результате социалистического соревнования к началу 1930 г. на 100% были выполнены обязательства по закладке сортовых посевов, на 115—по расширению посевных площадей, на 105 — по повышению производительности труда в сельском хозяйстве[38].

Развертывание социалистического соревнования способствовало подъему активности трудящихся масс в подготовке условий к массовому колхозному движению.

Вместе с тем данные о ходе социалистического соревнования в Мордовии показывают, что вплоть до лета 1931 г. его нельзя еще было считать достаточно широко развитым. К этому времени только 34,2% колхозов Мордовии имели ударников, в то время как в целом по СССР эта цифра была равна 45,4%, а по Средней Волге — 57,3%[39].

Партийные и советские организации Мордовии, наращивая темпы развития соревнования, проводят ряд мероприятий, направленных на повышение результативности и действенности его. Значительное внимание было обращено на внедрение прогрессивных методов труда в коллективные хозяйства, передового опыта.

Значительную роль в распространении передового опыта колхозного производства сыграл областной слет переловиков колхозов Мордовии, проведенный в 1932 г. Участники слета, обсудив договор о соревновании 30 ведущих сельскохозяйственных районов СССР, единодушно включились во всесоюзную перекличку по обмену социалистическим опытом. Слет взял обязательство перенять опыт ведущих районов и их передовых коллективных хозяйств в борьбе за завершение коллективизации области и организационно-хозяйственное укрепление колхозов[40].

После слета на местах была проведена большая работа по распространению и внедрению передового опыта в сельскохозяйственное производство. По мере роста общественного производства появляется настоятельная потребность дальнейшего повышения трудовой активности масс, поиска более приемлемых форм проявления инициативы и творческой работы. Характерной особенностью социалистического соревнования в период ор-

ганизационно-хозяйственного укрепления колхозов являлось привлечение к проверке его результатов широкого круга крестьянской общественности. Инициативу в применении новых форм общественного контроля в ходе соревнования в Мордовии проявили труженики Кочкуровского района, организовавшие в апреле 1932 г. 14 внутрирайонных самопроверочных буксирных бригад. А к концу 1932 г. уже во всех колхозах проводили свою работу общественные комиссии по проверке договорных обязательств и более 400 внутрирайонных самопроверочных бригад[41].

Новый этап в развитии социалистического соревнования связан с работой I Всесоюзного съезда колхозников-ударников, проходившего в феврале 1933 г. На предсъездовскую ударную вахту встало более 1050 коллективных хозяйств Мордовии. 16 из них получили право послать на Всесоюзный съезд колхозников-ударников своих представителей[42].

После съезда партийные и советские организации развернули большую работу по разъяснению его решений. Были проведены межколхозные и районные конференции колхозников-ударников, а также областной съезд колхозников-ударников в июне 1933 г., на которых был проанализирован опыт работы передовых колхозов и бригад, определена программа дальнейшего развития социалистического соревнования и ударничества в колхозах и улучшения работы по организационному укреплению и налаживанию производства в них.

Отмечая первые успехи в налаживании колхозного производства, делегаты областного съезда обратили внимание на причины и недостатки, препятствующие этой работе. Прежде всего говорилось о больших неполадках с оплатой труда, что вело к ослаблению трудовой дисциплины, срыву производственных планов и подрыву заинтересованности колхозников в общественном труде и обесцениванию трудодня[43].

Успешная пропагандистская и организаторская работа партийных и советских органов по выполнению решений Всесоюзного и областного съездов колхозников-ударников способствовали дальнейшему развитию творческой активности крестьянства, дальнейшему росту числа участников социалистического соревнования. Только в 1933 г. в соревнование включилось 510 колхозов, 1557 производствен-

ных бригад, 1257 полеводческих бригад и 2754 колхозника-ударника[44].

В 1934 г. наблюдался новый подъем трудовой активности сельских тружеников, вызванный решениями XVII съезда партии. За качественное и быстрое проведение весенних работ Мордовия в 1934 г. была награждена переходящим Красным Знаменем Наркомзема РСФСР[45].

1935 год, как известно, положил начало качественно новому этапу в развитии социалистического соревнования: возникло движение новаторов производства — стахановское движение. Вслед за рабочим классом в стахановское движение включилось колхозное крестьянство, мастера колхозного земледелия. Тракторист Чамзинской МТС Борисов добился выполнения ежедневной нормы выработки 5,5 га в смену, при средней норме 3,4 га. У тракториста Ардатовской МТС Карпова выполнение ежедневной нормы составляло 6,2 га, при средней норме 3,3 га за смену. В сентябре 1936 г., по данным МТС, из 2299 трактористов республики 172 являлись стахановцами[46]. В 1936 г. МТС республики по использованию тракторного парка заняли третье место по СССР, а по выработке на один комбайн — пятое место по РСФСР. В 1937 г. механизаторы республики добились новых больших успехов. Весной этого года МТС выработали в среднем на трактор в переводе на мягкую пахоту 210 га, что значительно превысило средние показатели по СССР.

Под руководством партийных организаций стахановское движение все шире охватывало и колхозное животноводство. Уже в 1936 г. многие колхозники-животноводы добились высоких производственных результатов. Имена М. М. Пушкиной из колхоза «Большевик» Зубово-Полянского, Назарова из колхоза «Валдо ки» Ичалковского районов и многих других были широко известны в республике.

За большие успехи в стахановском движении тракторист П. И. Казанцев из Ромодановской МТС, машинист молотилки Атемарской МТС В. Е. Курмышкин, знатный коноплевод колхоза им. Крупской Кочкуровского района Ф. И. Ледяйкин и другие были награждены орденами.

Соревнование колхозников содействовало достижению высоких показателей в развитии колхозного производства. В 1937 г. в Мордовской АССР 177 (12,0%) колхозов получили урожай по 12—14 ц с га, 58 (3,9%) — по 14—

16, 22 (1,5%) — свыше 16 ц с га; в 43 колхозах надой на корову достигали 1600—2000 л, в 24 — от 2001 до 3000 л[47].

Социалистическое соревнование не меньшее значение имело и для воспитания социалистического сознания у крестьянства. Под его влиянием крестьяне преодолевали частнособственнические взгляды и представления, у них формировалась коллективистская психология, социалистическое сознание.

Победа социализма не только преобразила характер всей экономической системы, но и качественно изменила социально-политическую природу рабочих и крестьян, союза между ними. Союз рабочих и крестьян перерос в дружбу двух классов. Политическим организатором дальнейшего сотрудничества двух классов выступал рабочий класс. Наряду с государственной помощью, как основной формой руководства рабочего класса колхозным движением, В. И. Ленин придавал большое значение также непосредственному участию широких слоев рабочего класса в строительстве социализма в деревне.

В социально-экономическом и культурном развитии Мордовии шефство рабочих промышленных предприятий имело большое значение. Летом 1929 г. началось шефство рабочих Замоскворецкого (Ленинского) района Москвы над восемью районами Мордовской автономной области. Этому примеру последовали рабочие Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения[48]. Шефы промышленных предприятий Москвы, Самары, завода «Красное Сормово» в течение 1929 г. организовали десятки колхозов в Мордовском округе. На проведение весенне-посевной кампании 1929 г. ими было послано в районы 15 рабочих бригад, объединивших 175 человек и 13 ремонтных бригад с общим количеством рабочих 85 человек[49].

В течение года рабочие отремонтировали 27 тракторов, 102 молотилки, 69 жнеек, 21 триер и много другой техники.

Кроме того, рабочие бригады провели большую политико-воспитательную и организаторскую работу среди крестьянства Мордовии. Характеризуя работу 10-й Самарской рабочей бригады, бюро Козловского райкома ВКП(б) отметило, что «бригада в лице тт. Шабрамова, Брусянцева и Николаева за время пребывания в Козловском

районе с 18 июля по 10 сентября 1929 г. с возложенными на них задачами по усилению смычки рабочего класса с крестьянством справилась. Личным примером пролетарской сноровки помогали налаживать работу партийных и советских организаций»[50]. Вместе с тем бюро райкома выразило благодарность областной партийной организации и рабочему классу Самары за посылку в деревню рабочей бригады[51]. Такие же отзывы даны о работе шефских бригад Ромодановским, Чамзинским, Ковылкинским и другими райкомами партии[52].

В период переустройства всего уклада жизни деревни трудящиеся крестьяне понимали, что без шефства рабочего класса им не справиться с огромной задачей, поставленной перед ними. Они обратились за помощью и поддержкой к рабочему классу, и прежде всего к рабочим Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров страны. С просьбой о шефстве к рабочим Ленинградского завода «Красный Выборжец» обратилось крестьянство села Старокорсаковский Майдан Инсарского района, а колхозники села Морга Дубенского района с такой же просьбой обратились к бакинским рабочим[53].

Понимая, какое большое значение имеет шефство для преобразования Мордовии, в мае 1930 г. бюро Мордовского обкома партии обратилось в Московский городской комитет партии с просьбой расширить шефство Ленинского района на всю Мордовскую автономную область. Вскоре Ленинский районный шефский совет, идя навстречу пожеланиям трудящихся, заключил с Мордовией договор о социалистическом соревновании и шефстве[54].

С этого времени шефская помощь Ленинского района Москвы стала приобретать более плановый организованный характер. Шефские бригады вели разностороннюю работу на территории большинства районов. Всего в 1930 г. в порядке оказания шефской помощи в области работали около 2 тыс. человек. Кроме помощи колхозам в чисто хозяйственных делах, они провели огромную политико-просветительную работу. Ими было прочитано свыше 1700 лекций и докладов, организовано около 150 новых колхозов, которые объединяли примерно 5800 крестьянских хозяйств[55].

Шефы осуществляли большую работу по подготовке кадров для социалистического сельского хозяйства. В 1931 г. Леншефсовет выделил подшефной Мордовии 200

тыс. руб. для подготовки кадров массовой квалификации[56]. На курсах, организованных с помощью шефов на территории области, обучалось 1200 руководителей различных звеньев коллективных хозяйств, 1657 трактористов, 700 счетоводов. Кроме того, непосредственно в Москве обучалось 85 председателей колхозов, 50 счетоводов и т. д. Шефами было направлено на учебу в высшие учебные заведения из крестьянства 15 человек[57].

Большая организаторская и политико-массовая работа, проводимая рабочими в деревне, помогала добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов, пробудить политическую активность колхозников, приобщить их к политической деятельности. При всесторонней помощи рабочего класса повышался общественно-политический и культурный уровень крестьянства, формировалось его коммунистическое мировоззрение.

В свою очередь крестьянство Мордовии, внося свой вклад в индустриализацию страны, в укрепление ее обороноспособности, увеличивало производство и поставки сельскохозяйственных продуктов промышленным центрам страны, а промышленности — сырья. Мордовия поставляла большое количество продовольствия во многие индустриальные центры страны: рабочим Урала, Магнитогорска, Челябинского тракторного завода, Уралмаша, и других гигантов черной металлургии, а также в Среднюю Азию.

Поставка продовольствия в промышленные центры Урала и хлопкопроизводящие районы Средней Азии рассматривалась как почетное государственное задание. В постановлении Мордовского обкома ВКП(б) и облисполкома от 20 сентября 1933 г. подчеркивалось, что от выполнения обязательств по поставке картофеля в фонд государства зависит нормальная работа металлургии Урала и ход заготовок хлопка для текстильной промышленности[58]. В 1934 г. только труженики сельского хозяйства Темниковского района отгрузили в Среднюю Азию более 1000 т картофеля. В 1936 г. торгующие организации Мордовской АССР заключили договор на поставку продуктов сельского хозяйства районам Сибири и Дальнего Востока[59].

Линии связи, взаимодействия рабочего класса и крестьянства становились все более тесными и действенными.

В результате большого идейно-политического воздействия партийных, советских и общественных организаций

произошли глубокие изменения в духовной жизни крестьянства. Участие широких масс колхозного крестьянства в решении общественно-политических, хозяйственных вопросов свидетельствовало об огромном росте их социалистического сознания и идейной убежденности. Политическая и трудовая активность крестьянства Мордовии позволяла успешно решать труднейшие задачи социалистического строительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Куяцов В. П., Филатов Л. Г.** Основные тенденции и некоторые особенности развития социалистического соревнования в ходе коллективизации Мордовии. — В кн.: Социальные преобразования в деревне Мордовии. Горький, 1972, с. 41—62; Куяцов В. П. Рост и укрепление партийных организаций Мордовии в годы социалистического преобразования сельского хозяйства. — В кн.: Краеведение Мордовии. Саранск, 1973, с. 97—107; Тягушев В. С. Борьба за укрепление местных Советов Мордовии в период подготовки массовой коллективизации. — В кн.: Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Труды, вып. XXX. Саранск, 1966, с. 65—90 и др.

2. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 496, л. 3.

3. Там же, д. 616, л. 23.

4. Там же, оп. 1, д. 164, л. 3, д. 496, л. 31, д. 527, л. 63, д. 795, л. 147, д. 928, л. 26, оп. 2, д. 168, л. 1, 1 (об), д. 173, л. 2 (об).

За 1934—1937 гг. в число парторганизаций и групп, а также входящих в них коммунистов, включены также партийно-комсомольские группы.

5. Мордовская партийная организация в документах и цифрах. Саранск, 1975, с. 120.

6. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 864, л. 34; оп. 3, д. 3, л. 40.

7. Очерки истории Мордовской организации КПСС, изд. 2-е, Саранск, 1979, с. 301, 318.

8. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 795, л. 67, 147, д. 864, л. 18; оп. 2, д. 305, л. 97.

9. **Купцов В. П., Филатов Л. Г.** Из истории развития марксистско-ленинского образования сельских партийно-пропагандистских кадров Мордовии в годы первой пятилетки. — В кн.: Социальные преобразования в деревне Мордовии. Горький, 1972, с. 40; ПАМО, ф. 269, оп. 2, д. 752, л. 14.

10. Очерки истории Мордовской организации КПСС, изд. 2-е, с. 317.

11. Там же, с. 328.

12. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 893, лл. 1—4.

13. Там же, оп. 2, д. 273, л. 28.

14. Там же, оп. 2, д. 271, л. 15.

15. Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1917—1937 гг.). Документы и материалы. Куйбышевское кн. изд-во, 1970, с. 523—524.

16. Очерки истории Мордовской организации КПСС, изд. 2-е, с. 331.
17. Там же.
18. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 303—312.
19. Мордовская партийная организация в документах и цифрах. Приложение. с. 231; **Попков Т. В.** Комсомол Мордовии за 40 лет. Саранск, 1958. с. 76.
20. ПАМО, ф. 956, оп. 1, д. 134, л. 8—9.
21. **Попков Т. В.** Комсомол Мордовии за 40 лет, с. 77.
22. Очерки истории Мордовской организации КПСС, изд. 2-е, с. 272.
23. Красная Мордовия, 1937, 12 февр.
24. ПАМО, ф. 956, оп. 1, д. 191, л. 4.
25. Итоги перевыборов Советов Средневолжского края 1931 г. М., — Самара, 1931, с. 21, 78, 79.
26. ЦГА МАССР, ф. р.-238, оп. 5, д. 196, л. 70.
27. Образование Мордовской АССР. Док-ты и мат-лы. Саранск, 1981, с. 176.
28. Итоги перевыборов Советов Средневолжского края 1931 г., с. 78—79; Образование Мордовской АССР. Док-ты и мат-лы, с. 176.
29. ЦГА МАССР, ф. р.-175, оп. 1, д. 46, л. 51.
30. ЦГА МАССР, ф. р.-175, оп. 1, д. 13, л. 16; ПАМО, ф. 269, оп. 2, д. 305, л. 44.
31. **Ивашкин С. С.** Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957, с. 103.
32. ЦГА МАССР. ф. р.-175, оп. 1, д. 63, л. 43—47.
33. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Сборник док-в и мат-в. Саранск, 1970, с. 400—401.
34. Очерки истории Мордовской организации КПСС, изд. 2-е, с. 330.
35. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.
36. ЦГА МАССР, ф. р.-149, оп. 2, д. 59, л. 359.
37. ПАМО, ф. 326, оп. 1, д. 469, л. 50.
38. ЦГА МАССР, ф. р.-149, оп. 2. д. 58, л. 358.
39. Колхозы весной 1931 г. Статистические разработки отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г. М., 1931, с. 114—115.
40. Красная Мордовия, 1932, 27 марта.
41. ЦГА МАССР. ф. р.-175, оп. 3, д. 31, л. 95.
42. Очерки истории Мордовской АССР, т. 2, Саранск, 1961, с. 231.
43. Там же.
44. **Ивашкин С. С.** Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии, с. 129.
45. На аграрном фронте. 1934, № 8, с. 73, 75.
46. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 389, л. 1.
47. Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сборн. М.—Л., 1939, с. 92, 94.
48. **Чижова Л., Спектор Н.** Плечо друга. М., 1972, с. 97.
49. Под звездой Октября. Мордовская АССР за 50 лет Советской власти. Саранск, 1967, с. 58.
50. ПАМО, ф. 326, оп. 1, д. 907, л. 44.
51. Там же, л. 6—7.
52. Там же, л. 23—24.

53. Красная Мордовия, 1931, 18 февр.

54. **Спектор Н.** Партия — организатор шефства рабочих над деревней. М., 1957, с. 166; ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 26, л. 315—317.

55. Красная Мордовия, 1931, 15 окт.

56. ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 458, л. 6—9.

57. **Чижова Л., Спектор Н.** Плечо друга, с. 99; ПАМО, ф. 269, оп. 1, д. 458, л. 6—9.

58. Сталинэнь киява, 1933, 29 сент.

59. ЦГА МАССР, ф. р.-1572, оп. 1, д. 34, л. 3; р-448, оп. 1, д. 23, л. 105.

В. А. Юрченков

СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ МОРДОВСКОГО СЕЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ (1918—1920 гг.)

Работа съездов Советов в первые годы пролетарской диктатуры явилась конкретным воплощением марксистско-ленинского учения о государстве диктатуры пролетариата. В. И. Ленин указывал: «...вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким **демократическим** учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата»[1].

Задача данной статьи — выяснение того, как через уездные и волостные съезды Советов утверждалась и обеспечивалась руководящая роль большевистской партии в Советском государстве. В связи с этим возникает необходимость раскрытия роли съездов в сплочении трудящихся масс вокруг пролетариата, показа их значения в деле упрочения союза рабочего класса с крестьянством.

Съезды Советов явились ареной ожесточенной борьбы большевиков с представителями мелкобуржуазных партий. Наибольшее влияние среди крестьянства имела партия социалистов-революционеров. Объяснялось это тем, что ее аграрная программа наиболее полно выражала мелкобуржуазную психологию крестьянства, его частнособственнические инстинкты и традиции[2]. В первые месяцы

Советской власти эсеры укрепили свои позиции, их партия численно возросла. На 12 апреля 1918 г. Пензенская губернская организация левых эсеров насчитывала до 2000 членов, в то время как большевиков было около 1000 человек[3]. Довольно крупные эсеровские организации имелись в Рузаевском и Инсарском уездах. Об увеличении числа членов партии сообщал на III съезде ПЛСР (28 июня — 1 июля 1918 г.) делегат Пензенской губернии[4]. Используя массовый приток в партию зажиточной верхушки деревни и части середняков, 30 июня 1918 г. на II Пензенском губернском съезде Советов эсеры получили в губисполкоме 22 места, тогда как большевики — 17[5]. Показателем силы эсеров явились выборы делегатов на Всероссийские съезды Советов. На IV съезд были делегированы от Пензенской губернии 12 левых и 1 правый эсеры из 23 делегатов, от Тамбовской губернии 18 левых и 2 правых эсера из 37 делегатов. На V съезд от Пензенской губернии были избраны 16 левых эсеров и 1 эсер-максималист из 39 делегатов, от Симбирской губернии — 9 левых эсеров из 16 делегатов[6].

Первые столкновения большевиков с эсерами на съездах Советов относятся к периоду упрочения Советской власти. Прения разгорались в основном по двум вопросам — вопросу о власти и земельному. 11 января 1918 г. состоялся Саранский уездный крестьянский съезд, на котором присутствовало 77 делегатов от 20 волостей. По текущему моменту было предложено две резолюции: эсера И. Г. Десятскова и большевика Ф. С. Каплева. При голосовании большевики получили 32 голоса, эсеры — 24. В принятой резолюции говорилось: «Вся власть должна быть передана Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, истинным выразителям нужд трудящихся». Эсеры пытались протащить свою резолюцию по земельному вопросу, в которой предлагалось распределение земли производить после соответствующего решения Учредительного собрания. Съезд склонялся к принятию эсеровских предложений. Однако по настоянию большевиков слова резолюции «Всенародное Учредительное собрание» были заменены словами «той законной властью, которая будет признана всем народом». В ходе работы съезда эсер Я. П. Трубчиков обвинил большевиков в установлении диктатуры, насилии. Съезд окончил работу, так и не выработав четкой после-

довательной позиции по вопросу о внутреннем положении республики[7]. Основная борьба разгорелась 28 января на более представительном съезде, в работе которого приняло участие 145 делегатов. Правые эсеры сразу же пошли в наступление. Они заявили о том, что Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным является временным правительством и, так как он распустил Учредительное собрание и применил насилие, необходима новая демократическая власть. В предложенной эсерами резолюции нашла отражение местническая тенденция неподчинения центральной власти. В ней говорилось, что правительство «должно вести свою политику соответственно воле Советов и быть им подотчетно». Большевики призвали признать роспуск Учредительного собрания правильным. При голосовании правые эсеры потерпели сокрушительное поражение — за них голосовало только 19 делегатов. За большевистскую резолюцию подали голоса 111 человек. Прошли резолюции РСДРП(б) и по другим вопросам. Съезд признал Совет высшим органом власти в уезде. При выборах в уисполком все места получили большевики[8]. Несмотря на то, что правые эсеры лишились руководящих постов в Совете, они неоднократно пытались внести путаницу в деятельность съездов Советов. В апреле 1918 г. на Саранском чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов правый эсер Коновалов вновь поднял вопрос об Учредительном собрании, заявив: «Спасение страны заключается в восстановлении Учредительного собрания»[9]. Мало того, ряд правых эсеров занимал позицию насильственного свержения Советской власти и установления власти Учредительного собрания[10].

Явно контрреволюционная позиция правых эсеров разоблачила их в глазах трудящихся масс. К весне 1918 г. они лишились голосов большинства своих избирателей. Их место заняли левые эсеры, вокруг которых группировались кулацкие и колеблющиеся элементы середняков и за счет их голосов левым эсерам удавалось в некоторых случаях проводить свои резолюции. Прикрываясь революционной фразой, ПЛСР повела решительную борьбу против заключения Брестского мирного договора. На волостных и уездных съездах Советов этот вопрос неоднократно поднимался левыми эсерами вплоть до осени 1918 года. На II Инсарском уездном съезде Советов левые эсеры заявили: «Большевистские эксперименты вредны на-

роду, власть не отражает желаний всенародных». Большевики дали решительный отпор «революционерам фразы». Съезд принял резолюцию: «Только Советская власть трудового народа является действительной защитницей интересов рабочих и крестьян»[11].

ПЛСР выражала интересы кулацкой верхушки деревни, что нашло выражение в материалах съездов Советов. Выступая 20 мая 1918 г. на заседании ВЦИК, Я. М. Свердлов говорил: Отчеты целого ряда съездов, как губернских съездов Советов, так и уездных, показывают, что в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу, который приклеивает тот или иной партийный ярлык, по преимуществу ярлык «левых» эсеров, и пытается входить в советские учреждения и через них осуществлять свои кулацкие интересы[12]. Это отразилось на работе уездных съездов. Уже в документах Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов, проходившего 26—27 апреля 1918 г. в Саранске, чувствуется сильное левоэсеровское влияние. В резолюции по продовольственному вопросу съезд запретил под страхом предания революционному суду вывозить хлеб из уезда, что отвечало интересам кулацких и середняцких слоев деревни. Позиции левых эсеров упрочились к лету 1918 г., свидетельство чему — уездный съезд Советов 17—27 июня 1918 г. В центре его работы находились два вопроса — военный и продовольственный. Причем эсерам удалось раздробить военный вопрос на ряд подвопросов (об армии, о всеобщем вооружении, о выдаче пенсий семьям убитых красноармейцев и т. п.) и затянуть его обсуждение до последнего дня работы съезда. Однако делегаты приняли большевистскую резолюцию по вопросу о Красной Армии. При обсуждении продовольственного вопроса разгорелись основные прения. Середняцкая часть съезда пошла за левыми эсерами. Съезд отменил хлебную реквизицию в уезде и постановил, что «если какие хлебные продукты и найдутся излишними у населения, то распределение оных... доверить обществам на местах». Левым эсерам удалось протащить еще одну резолюцию — о свободе печати. Съезд снял предварительную цензуру и разрешил свободную продажу газет всех направлений[13].

Прикрываясь левоэсеровскими лозунгами, кулачество выступало против организации комитетов бедноты, продразверстки. 25 июня 1918 г. на Наровчатском уездном

съезде Советов левые эсеры под аплодисменты кулацких делегатов провозгласили свое несогласие на строительство комбедов, так как это, с их точки зрения, «разделит деревню на два лагеря». Левые эсеры, стоящие во главе земельных отделов, саботировали выполнение декретов о пропаганде преимуществ коллективного труда[14].

Борьбой большевиков с левыми эсерами руководили фракции РКП(б), создаваемые в ходе работы съезда или же перед его созывом. В сентябре 1918 г. коммунисты Инсара, обсуждая на общем собрании вопросы предстоящего съезда Советов, приняли решение организовать на съезде свою фракцию и поручили это прибывшим из центра агитаторам Шерстневу и Андрееву[15]. На деятельность советских органов Саранска благотворное влияние оказало создание мобилизационного отдела I армии Восточного фронта. Они были очищены от случайных лиц, мелкобуржуазных попутчиков, укреплено их пролетарское ядро. На работу в местные органы моботделом были направлены Кизеи, Захаров, Корешков, Сударев, Александров. Эти меры отразились на работе уездного съезда Советов 25—28 сентября 1918 г. Его можно считать переломным, поскольку он проходил под несомненным большевистским влиянием. Об этом, в частности, говорил делегат Зыковской волости Прытков. На повестке дня съезда стояло шесть вопросов, и по всем приняты большевистские резолюции. Общее настроение делегатов нашло отражение в воззвании, с которым обратился съезд к населению: «Пусть каждый чем может содействует укреплению Советской власти, созданию крепкой и мощной Красной Армии и борьбе против кулаков, мародеров, спекулянтов и контрреволюционеров всех цветов и всех рангов»[16].

Осенью 1918 г. окончательно утвердилась большевистская политическая линия в работе съездов Советов. В частности, это нашло отражение в прениях при рассмотрении вопроса о хлебной монополии, который вновь и вновь поднимался крестьянами. Однако отношение к нему изменилось. Делегат Инсарского уездного съезда Советов Степанов, выступая 26 сентября 1918 г. по этому вопросу, говорил: «Хлебная монополия — это такой порядок распределения хлеба, когда все излишки хлеба земледельцы продают не купцам, мешочникам или спекулянтам или же потребителям, а отдают эти излишки прямо госу-

дарству за деньги или в обмен на городские товары». В принятой съездом резолюции говорилось: «Спасение продовольственного дела, а вместе с ним и Октябрьских завоеваний революции пролетариата зависит от строгого и неуклонного проведения в жизнь закона о хлебной монополии»[17]. Изменился и партийный состав съездов Советов. На III Инсарском уездном съезде присутствовало 213 делегатов, из них: 198 коммунистов и сочувствующих им, 2 левых эсера, 3 максималиста, 1 социалист-революционер, 9 беспартийных. Из 151 делегата IV Темниковского уездного съезда Советов (декабрь 1918 г.) было 54 коммуниста, 95 сочувствующих им, 1 левый эсер и 1 беспартийный. На VI Темниковском уездном съезде (май 1919 г.) не было ни одного эсера, тогда как коммунистов — 19. Левым эсерам удалось провести одного кандидата на VII Темниковский уездный съезд (октябрь 1919 г.). Коммунистов было избрано 19 человек[18]. Таким образом, состав делегатов съездов Советов, решения, принятые ими, свидетельствуют о том, что осенью 1918 г. резко возросло политическое сознание крестьянских масс. Мелкобуржуазные партии разоблачили себя как пособники контрреволюции, и единственное, что им удавалось с этого времени, — это использовать трибуну съездов Советов для клеветы и дискредитации политики Советской власти.

Складывающаяся в ходе борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями система съездов Советов юридически была закреплена Конституцией РСФСР, принятой в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов. В условиях острой классовой борьбы наиболее целесообразной формой организации этих органов власти съезд признал не вполне равные, многоступенчатые, открытые выборы, которые обеспечивали бы осуществление государственного руководства страной со стороны рабочего класса. «Мы не обещаем, — подчеркивал В. И. Ленин, — что Конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода, — но для какого класса и для какого употребления? Равенство, — но кого с кем? Тех, кто трудится, кого эксплуатировала десятки и сотни лет буржуазия и кто сейчас борется против буржуазии? Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии»[19]. Съезд решительно осудил местнические тенденции; конституционное закрепление получил принцип, согласно которому местные Советы являются

органами общегосударственной власти на местах, обеспечивающими выполнение решений центральных органов и полномочными решать все вопросы местного значения.

Руководствуясь принятой Конституцией РСФСР, губернские исполкомы Советов определяли нормы представительства и порядок проведения уездных и волостных съездов Советов. При этом учитывались местные особенности, расстановка сил должна была обеспечивать реализацию классового принципа при проведении выборов. 14 сентября 1918 г. Саранский уисполком получил телеграмму Пензенского губисполкома, в которой говорилось: «Уездные съезды Советов созываются уездными исполнительными комитетами. Норму представительства определяют уисполкомы по расчету одного депутата на тысячу жителей, но не свыше трехсот депутатов на весь уезд. В тех волостях и селах, где Советы насчитывают менее тысячи человек, население для избрания депутатов на уездный съезд Советов объединяется с другими. Выбор на уездный съезд Советов производится волостными, сельскими Советами под руководством и наблюдением уисполкома. Уисполкомы отвечают за правильность выборов депутатов»[20]. Аналогичные инструкции получили и другие уездные центры Пензенской губернии.

Конституция установила периодичность созыва съездов Советов: уездные — не реже одного раза в три месяца, волостные — раз в месяц. Однако созывать съезды в конституционные сроки не представлялось возможным. Практика показала, что наиболее реальным сроком для созыва уездных съездов является шестимесячный срок, а для волостных — два-три месяца. К тому же частое проведение съездов отнимало много сил и средств. В 1918 г. в Саранском уезде было проведено восемь уездных съездов, что отрицательно сказалось на работе уисполкома и его отделов. В 1919 г. в с. Чеберчино состоялось семь волостных съездов Советов: четыре очередных и три по выборам новых составов волисполкома[21]. В декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов были внесены изменения в порядок проведения съездов Советов. В связи со сложностью созыва в условиях войны уездные съезды могли теперь созываться не реже двух раз в год, волостные — через каждые три месяца. Однако в ходе мирной передышки начала 1920 г. съезды Советов на местах созывались чаще установленных сроков, что было вызвано

необходимостью решения сложных хозяйственных задач. Так, в Саранском уезде в Новотроицкой волости с декабря 1919 по июнь 1920 г. было проведено семь съездов, в Большевьясской с января по июль — семь, в Пензятской с января по апрель — шесть, в Чирковской с февраля по июль — семь, в Ладской с марта по июнь — пять. Всего же, по неполным данным, в Саранском уезде в первой половине 1920 г. состоялся 61 волостной съезд, где рассмотрено 259 вопросов[22]. На практике это означало, что многие вопросы, входящие в компетенцию волисполкомов и сельских Советов, рассматривались на съездах. Кроме того, низовые работники вынуждены были при столь частых съездах постоянно отрываться от работы для поездки в волость. VIII Всероссийский съезд Советов (декабрь 1920 г.), проанализировав создавшееся положение, счел важным подчеркнуть необходимость точного проведения в жизнь постановления VII Всероссийского съезда Советов о сроках созыва съездов на местах.

Решение о созыве уездного съезда и сроках его проведения принимал уисполком местного Совета, волостного — волисполком. Порядок работы уездного съезда начинал планироваться, как правило, за две-три недели до его открытия. Так, 27 ноября 1918 г. Темниковский уисполком предложил всем отделам уездного Совета подготовить доклады о деятельности и финансовые отчеты ввиду предстоящего съезда. 3 декабря уисполком избрал мандатную комиссию. Регистрация, проверка и замена мандатов были поручены отделу управления. На президиум уисполкома возложена задача разработать регламент съезда[23]. Разработанный и утвержденный порядок работы в ходе съезда четко соблюдался. Уисполкомы стремились организовать работу без лишней болтовни, по-деловому. 26 апреля 1919 г. Рузаевский уисполком принял следующий регламент созывавшегося съезда Советов. Основному докладчику было предоставлено 45 минут, содокладчику — 20. Ораторам, выступающим в первый раз, давалось 15 минут, второй — 5. На обсуждение спорных вопросов отпускалось 5 минут, выступление по личному вопросу — 3 минуты. Принято решение всех говорящих не по существу после трехкратного предупреждения лишать слова[24]. На заседании уисполкома рассматривалась и утверждалась повестка дня предстоящего съезда. 16 мая 1919 г. Темниковский уисполком принял повестку дня уездного

съезда Советов, которая сводилась к обсуждению следующих вопросов: 1) текущий момент; 2) доклад уисполкома; 3) доклады отделов уездного Совета; 4) доклад ревизионной комиссии; 5) доклады с мест; 6) текущие дела; 7) выборы уисполкома. Президиум уисполкома предлагал представить доклады с мест за три дня до начала работы съезда[25]. В ходе подготовки могли возникнуть непредвиденные обстоятельства. Так, 28 августа 1918 г. Рузаевский Совет Народных Комиссаров обсуждал вопрос о созыве уездного съезда. В ходе обсуждения выяснилось, что в селах под влиянием кулаков на съезд избраны антисоветские элементы. Было внесено предложение отложить съезд, а избрание делегатов считать недействительным. Обсуждение было прервано, в перерыве проведено заседание фракции РКП(б), которая приняла решение не откладывать съезд, а использовать его трибуну для разоблачения кулацких делегатов и их программы. При возобновлении прений большевистская позиция признана правильной[26]. После того как уисполком местного Совета принимал решение о созыве съезда, отделом управления рассылались в волости уведомления о его сроках и повестке дня и предписывалось присылать делегатов.

Выборы на уездные съезды Советов проводились волостными съездами из расчета один делегат на тысячу жителей, но не свыше трехсот человек на весь уезд. М. И. Калинин отмечал: «Выборы являются, пожалуй, самым главным фактором воспитания в нашей политической жизни, когда мы можем приковать внимание самых широких рабоче-крестьянских масс к советской государственности»[27]. Волостные съезды были немногочисленными, в среднем по 25—30 делегатов. В редких случаях избиралось большее или меньшее число. Так, на Чирковских волостных съездах 1920 г. присутствовало по пять-шесть делегатов. А на проходивших в это же время Белоключевских волостных съездах число делегатов составляло сорок человек. Аналогичное положение наблюдалось на съездах в Макаровской и Архангельско-Голицинской волостях Саранского уезда. Наиболее представительный волостной съезд Советов состоялся 9 января 1920 г. в Большевьясской волости. На нем присутствовало 108 делегатов[28]. Однако не всегда делегаты уездных съездов избирались волостными съездами. В докладе мандатной комиссии IV Темниковскому уездному съезду Советов (де-

кабрь 1918 г.) указывалось, что 7 человек избрано волостными съездами, 44 делегата направлено волисполкомами, 42 — волкомбедами, 25 делегировано волостными съездами комбедов. Уездная и волостные организации РКП(б) направили на съезд 8 человек, уисполком — 16 и чрезвычайная комиссия — 1 делегата. Анализ мандатов участников VI Темниковского уездного съезда Советов (май 1919 г.) показывает, что из 123 делегированных только 14 человек (11,4%) избраны волостными съездами Советов. Основная масса делегатов (56 человек — 45,5%) была направлена волостными Советами. Делегаты Бутаковской, Жегаловской, Кишалинской волостей (13 человек — 11,4%) были избраны на сходе крестьян волости. На общем собрании рабочих и служащих выбирались делегаты Кондровской фабрики. Везде выборы были открытыми. Незначительные нарушения основного закона диктовались соотношением классовых сил на местах и допускались центральной властью, так как в ходе выборов всегда соблюдался основной принцип — сохранялся классовый подход к кандидатурам избираемых. Изменение обстановки влекло за собой более четкое следование букве Конституции РСФСР. Из 150 делегатов VII Темниковского уездного съезда Советов (октябрь 1919 г.) 64 человека (42,7%) избрано волостными съездами[29].

В ряде случаев уисполкомы предоставляли право избирать делегатов на съезд, обходя установленный порядок. 9 января 1919 г. Рузаевский уисполком дал один мандат Союзу советских служащих и два — городскому населению. Тогда же было принято решение предоставить избирательные льготы железнодорожным рабочим. Они проводили выборы по числу мастеровых. 13 января уисполком разрешил избрать делегата железнодорожному батальону[30]. Делалось это для усиления пролетарской прослойки в составе делегатов съездов Советов. Преимущества рабочих на выборах способствовали обеспечению их руководящей роли в системе диктатуры пролетариата.

М. И. Калинин писал: «На почве выборов мы стремимся привлечь не только рабочих, но и огромные, многомиллионные крестьянские массы к активной строительной работе»[31]. Пробуждение крестьянских масс нашло свое отражение в наказах избранным на съезды Советов делегатам, в которых трудящиеся излагали свои пожелания и требования к органам власти. Так, 22 декабря 1918 г.

Ладский волостной съезд Советов открытым голосованием единогласно избрал трех делегатов на уездный съезд Советов. Крестьяне поручили своим представителям выяснить на съезде вопрос о снабжении населения продовольствием и продуктами первой необходимости[32].

Условия гражданской войны затрудняли точное проведение в жизнь положений Конституции РСФСР об организации органов Советской власти на местах. Но, несмотря на это, выборы на съезды Советов являлись средством массового привлечения широких слоев трудящихся к управлению государством. Разнообразие в формах представительства на съездах диктовалось стремлением Советов увеличить количество делегатов от трудящихся масс, укрепить связь с их организациями.

Повестка дня уездного съезда Советов разрабатывалась и утверждалась уисполкомом до начала работы съезда. В ряде случаев она обсуждалась непосредственно перед открытием съезда на заседании фракции РКП(б). Так, например, было в феврале 1919 г. на V Темниковском съезде Советов. Иногда в ходе съезда возникали новые вопросы, и тогда порядок работы менялся, соответственно менялся и регламент. 17 сентября 1918 г. Инсарский уисполком выработал повестку III уездного съезда Советов: 1) текущий момент, 2) продовольствие, 3) лесной вопрос, 4) выборы уисполкома. Начавшийся 25 сентября съезд изменил порядок работы, добавив два вопроса: о народном образовании и выборы делегатов на губернский съезд Советов[33]. Число вопросов, разбираемых на съездах Советов, росло, что свидетельствовало, с одной стороны, о расширении полномочий органов Советской власти на местах, а с другой — о росте их авторитета, доверии со стороны трудящихся масс. В январе-феврале 1918 г. на повестке дня уездных съездов обычно стояло два-три вопроса. Так, состоявшийся 28 января 1918 г. Саранский уездный съезд Советов крестьянских депутатов рассмотрел три вопроса: 1) текущий момент, 2) организация Советской власти в уезде, 3) выборы депутатов Совета. По прошествии некоторого времени, в июне 1918 г., перед Саранским уездным съездом Советов был поставлен уже 21 вопрос. Семь вопросов были признаны наиболее важными, однако даже решение второстепенных имело большое значение, в частности вопросы о Красной Армии, народном образовании, Брестском мире, отделении церкви от государства и

т. п.[34]. Аналогичное положение складывалось и в других уездах. В сентябре 1918 г. Рузаевский уездный съезд Советов рассмотрел только два вопроса, в декабре 1918 г. следующий съезд разбирал пять вопросов, а съезд, состоявшийся в июне 1919 г., — уже восемь[35].

Открытие уездного съезда Советов происходило в торжественной обстановке, сопровождалось пением Интернационала и революционных песен. На пленарном заседании избирался президиум съезда (5—7 человек) и мандатная комиссия. Затем оглашались и принимались регламент и повестка дня, выработанные уисполкомом. Заседания съезда проходили в присутствии всех желающих. На пленарном заседании заслушивался доклад о текущем моменте, в котором давалась характеристика международного и внутреннего положения страны. Если на съезде существовали фракции, то доклад о текущем моменте предлагался от каждой из них. После обсуждения текущего момента принималась резолюция съезда. В резолюциях уездных съездов четко прослеживается позиция крестьянства по отношению к Советской власти, к защите завоеваний революции. В резолюции по текущему моменту V Инсарского съезда Советов (апрель 1919 г.) отмечалось, что крестьяне отдадут все силы для победы Советской власти[36]. Одновременно с принятием резолюции по текущему моменту принималась приветственная телеграмма на имя В. И. Ленина и Совета Народных Комиссаров РСФСР. После революции в Германии многие уездные съезды Советов принимали приветствия немецкому пролетариату и его вождю К. Либкнехту.

Одним из основных вопросов, рассматриваемых уездными съездами Советов, был отчет уисполкома, в котором, как правило, давалась общая характеристика положения в уезде. В связи с острой классовой борьбой, хозяйственной разрухой, голодом главное внимание в отчетах уисполкомов уделялось вопросам подавления контрреволюции и задаче продовольственного обеспечения населения. Более детальное обсуждение создавшегося положения происходило при заслушивании отчетов отделов уисполкома. Все отчеты, представляемые вниманию делегатов съезда, предварительно рассматривались на собраниях местной организации РКП(б). Анализ отчетов уисполкомов свидетельствует о том, что деятельность съездов Советов охватывала все стороны жизни трудящихся.

«Съезды Советов, являющиеся высшим органом Советской власти на местах... играют большую роль в деле организации и руководства всей советской работой, контроля и учета ее ответственных органов»[37].

В годы гражданской войны идеи большевизма получили широчайшее распространение среди пролетариев города и деревни. Задачи, вытекающие из потребностей жизни, практики, трудящиеся понимали прекрасно. Вопросы же теории, вследствии их сложности, с одной стороны, и недостаточной грамотности беднейших слоев населения — с другой, понимались весьма упрощенно. На этой базе стихийно выработалась и сложилась совокупность эмоций, чувств, настроений, представлений, иллюзий, привычек, интересов, потребностей, которую с оговоркой можно характеризовать как общественную психологию эпохи «военного коммунизма». Однако при ее возникновении еще большую роль сыграли материальные условия жизни, сложившиеся под влиянием войны и вызванной ею хозяйственной разрухи. На съездах Советов подобные настроения часто выливались наружу. Тягу народа к осмыслению марксизма, его учения о будущем обществе отразил в своем выступлении делегат IV Темниковского уездного съезда Советов Леонов: «Когда речь идет о коммунизме, всегда приходится задумываться над этой новой жизнью». Делегат III Рузаевского уездного съезда Титов так охарактеризовал будущее общество: «Все должно быть общее, при соблюдении общих интересов будут соблюдены личные интересы». Люди понимали, что путь в светлое будущее лежит через борьбу. Отсюда глубокая и искренняя вера в скорую мировую революцию, надежда на быстрое построение «царства равенства, свободы и братства». Делегат III Рузаевского съезда Советов Петраков выразил надежду, что скоро пролетариат других стран свергнет буржуазную власть. Делегат III Инсарского уездного съезда Свентер говорил: «Сильнее будем раздувать пламя революционного пожара, который пожрет векового врага — капитал»[38].

Большое влияние уделяли уездные съезды Советов докладам делегатов с мест. В сентябре 1918 г. на Саранском уездном съезде Советов выступили представители 21 волости. Каждый из них подробно охарактеризовал положение дел, дал оценку деятельности уездных органов. В 1918 г. в выступлениях делегатов с мест часто проскаль-

зывала тревога по поводу кулацкого засилия в Советах. На IV Темниковском уездном съезде Советов (декабрь 1918 г.) на это указывал делегат Абрашкин. Представитель Козловской волости Макаров сообщал о том, что в Совете кулацкие ставленники: председатель — бывший старшина, председатель кредитного товарищества кооператива — священник. Депутат Бутаковской волости Козлов образно охарактеризовал такое положение дел: «Члены волостного Совета большей частью в красной рубашке, но с черной душой»[39]. На подобные явления указывали и делегаты Ардатовских, Инсарских, Краснослободских, Саранских уездных съездов Советов, проходивших летом-осенью 1918 г. Лишь к началу 1919 г. кулацкое засилье в волисполкомах было ликвидировано.

В. И. Ленин писал: «...Гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы»[40]. В связи с этим понятно внимание съездов Советов к вопросам подавления контрреволюционных выступлений, к деятельности чрезвычайных комиссий. 26 сентября 1918 г. Саранский уездный съезд Советов принял решение организовать чрезвычайные комиссии в волостях при комитетах бедноты, дав им право самостоятельно действовать в пределах волости и подчинив их УЧК. Съезд постановил принять меры к вооружению организуемых волостных ЧК[41]. В ходе создания УЧК были допущены серьезные ошибки, которые рассматривались на съездах Советов. На IV Темниковском съезде в декабре 1918 г. делегаты заслушали доклад Горбенко о деятельности УЧК. В ходе прений ряд сторон работы комиссии подвергся критике. Было отмечено, что ЧК должна работать на совесть, что нужна она для борьбы с кулаками и мародерами. Подчеркивалось, что чекисты должны быть кристалльно честными людьми, не брать взяток. Был задан вопрос: «Почему ЧК не арестовала ни одного священнослужителя, хотя их контрреволюционная позиция явственна?»[42]. На том же съезде отмечалась роль УЧК в поддержании порядка в уезде. Делегат Черменской волости Застаков говорил: «Был голод, ели уже колоб. Сделали заседание, постановили взять по пять фунтов с едока. Кулаки думали, что мы этого не возьмем. Приехала ЧК и помогла». Делегат Веденяпинской волости Афонин выразил от имени крестьян благодарность чекистам, которые остановили расхищение леса и навели порядок в волости[43]. Без сомнения, ошибки, со-

вершенные чрезвычайными комиссиями, явились ошибками роста, неизбежными при отсутствии должного опыта управления государством. Рассмотрев их и подвергнув критике, съезды Советов создали почву для преодоления недостатков в работе ЧК, позволили избегать их в будущем.

Основными вопросами, решаемыми на съездах Советов, были хозяйственные. В начале 1918 г. в центре внимания делегатов находился земельный вопрос. Однако при его рассмотрении съезды шли в хвосте крестьянского движения, лишь законодательно оформляя, констатируя создавшееся положение. Большую инициативу они проявили при рассмотрении вопроса об использовании имущества частновладельческих экономий. В январе 1918 г. Саранский уездный съезд Советов выработал инструкцию по данному вопросу. В ней предписывалось занимать постройки под школы, народные дома, кооперативы, читальни, общественные мастерские и т. п. Было решено сельскохозяйственный инвентарь передать наиболее нуждающимся крестьянам, а более сложные орудия (трактора, сеялки и т. п.) поступали в ведение волостных земств для устройства прокатных пунктов. Туда же передавались мельницы и маслобойни. Земства получили право сдавать их в аренду сельским обществам, кооперативам. Съезд особо подчеркнул, что не должны быть разрушены винокуренные заводы. Их необходимо переоборудовать в крахмальные, маслобойные предприятия, мельницы[44]. Таким образом, съезд принял курс на окончательную ликвидацию в уезде частновладельческих имений. Итоги этого процесса подвел в сентябре 1918 г. очередной уездный съезд Советов. Делегат Зыковской волости Прытков доложил: «С организацией Совета всех помещиков из их гнезд мы выгнали и все их имущество взято Советом в пользу крестьян-бедняков». Аналогичное положение сложилось и в других волостях уезда. В отчете земотдела отмечалось, что всего ликвидировано 102 имения, из них 9 передано в распоряжение уземотдела[45].

Одним из наиболее острых был продовольственный вопрос. Молодое Советское государство видело единственный выход — продразверстка и хлебная монополия, введение которых было негативно встречено населением деревни. 25 июня 1918 г. на Наровчатском уездном съезде Советов отмечалось: «Когда приступили к реквизиции

хлеба в деревне, крестьяне прятали хлеб в солому, зарывали в землю, увозили в леса и овраги и, кроме того, немало встречали от крестьян сопротивления и таким образом, по мере того как голод в уезде увеличивался, то борьба на почве голода все усиливалась»[46]. Наблюдались случаи отказа выполнять продразверстку. В апреле 1918 г. подобное решение принял Керамсурский волостной съезд. Ардатовский уисполком был вынужден направить в волость агитатора с задачей переизбрать Совет[47]. В апреле 1918 г. на Саранском уездном съезде Советов комиссар продовольствия Бажанов докладывал: «В Саранском уезде крестьяне не допускают делать реквизицию хлеба у богатых крестьян». В декабре 1918 г. на IV Темниковском уездном съезде Советов делегатом Серебряковым был поставлен вопрос о том, нужны ли продотряды и нельзя ли производить реквизицию другим путем. Об остроте продовольственного вопроса в уезде свидетельствовало то, что в прениях по нему заслушано 35 выступлений[48]. Некоторые противоречия, возникшие между политикой Советской власти в деревне и интересами середняка, привели к временному ослаблению деятельности Советов, главным образом в продовольственном вопросе. Немалую роль в оживлении деятельности советских органов сыграли съезды Советов. III Рузаевский уездный съезд обратился к делегатам с мест: «Проснитесь от той спячки, в которой вы находитесь. Сейчас нет места тому, кто думает только о себе»[49]. К началу 1919 г. деятельность Советов вновь оживилась. Особый интерес в этом отношении представляет 1920 год — год кульминации политики «военного коммунизма». Из 183 хозяйственных вопросов, рассмотренных 61 волостным съездом Советов Саранского уезда в первой половине 1920 г., только 25 вопросов касалось продразверстки[50]. Причем все они решались положительно и без особых прений. Это свидетельствовало о том, что крестьянство осознало вынужденную необходимость политики «военного коммунизма», согласилось с ней.

Большое внимание съезды Советов уделяли налаживанию сельскохозяйственного производства с целью решения продовольственной проблемы. Предпринимались попытки внедрения в практику последних достижений науки. 22 марта 1918 г. Саранский уездный съезд Советов выделил землю для семи агрономических участков по 20 десятин каждый, 60 десятин было отведено опытному по-

лю и 60 десятин — сельскохозяйственной школе г. Саранска. Проходивший в июне 1918 г. очередной уездный съезд призвал всячески распространять агрономические знания, оборудовать показательные хозяйства по полеводству, огородничеству и садоводству. Саранский уездный съезд в сентябре 1918 г. принял решение употребить все меры по поддержанию племенного животноводства. Тогда же было предложено всячески поддерживать пчеловодство как важную отрасль сельского хозяйства[51].

На протяжении всей гражданской войны перед съездами Советов остро стояли финансовые вопросы. 26 апреля 1918 г. на Саранском чрезвычайном съезде комиссар финансов Бубляев говорил: «В Саранском уезде средств нет». 13 мая 1918 г. Наровчатский уездный Совет докладывал в иногороднюю коллегию губсовета: «Второй причиной натянутости отношений населения к местному Совету — отсутствие кредитов на содержание волостных и сельских Советов»[52]. В создавшемся положении съезды Советов видели два источника финансирования: за счет налогов на буржуазные элементы города и деревни и продажи инвентаря имений. На Саранском чрезвычайном съезде Советов комиссар финансов Бубляев отмечал: «Я делаю обложение 15% на имущих и таким образом изыскиваю средства на нужды Советов». 13 июля 1918 г. Усть-Рахмановский волостной съезд (Краснослободский уезд) обложил буржуазию волости единовременным подоходным налогом. Уездный Совет утвердил решение съезда. В сентябре 1918 г. на очередном Саранском уездном съезде делегат Зыковской волости Прытков доложил, что вырученные при продаже инвентаря имений 16 тысяч переданы в уездный совет. На съезде говорилось и о другом источнике — штрафах за нарушение обязательных постановлений власти. К сентябрю 1918 г. был оштрафован 31 человек на сумму 30087 рублей[53]. Несмотря на тяжелое финансовое положение, налог на все население встретил отрицательное отношение середняка и бедняка, и Советы, как выразители интересов трудовой части населения деревни, прекратили сборы. Это отмечалось на съезде уездных комиссаров финансов Пензенской губернии 17 июня 1918 г[54]. Совсем по-иному было встречено известие о чрезвычайном налоге на буржуазные элементы. 27 ноября 1918 г. Инсарский уездный съезд представителей Советов и комбедов принял резолюцию: «Всеми силами, всеми мерами взыскать с кулаков и спекулянтов

и тем как можно скорее дать нашему рабоче-крестьянскому правительству те средства, которые нужны для борьбы с надвигающимся империализмом...»[55]. На съездах Советов не только изыскивались новые источники денежных средств, но и давался финансовый отчет как Совета в целом, так и его отделов. Финансовые вопросы поднимались и рассматривались всеми без исключения уездными съездами Советов. Так же остро стояли они и в волостях. Из 183 хозяйственных вопросов, рассмотренных 61 волостным съездом Советов Саранского уезда в первой половине 1920 г., 48 касались финансов. Ряд из них сводился к установлению твердого жалования служащим волостного Совета[56].

С особой остротой хозяйственные вопросы встали на повестку дня в 1920 г.: заканчивалась гражданская война, и нужно было приступать к восстановлению разрушенного хозяйства. Анализ материалов 61 волостного съезда Советов Саранского уезда, состоявшихся в первой половине 1920 г., показывает, что из 259 рассмотренных вопросов 183 (70,6%) были хозяйственными. Причем преобладали вопросы восстановления старых зданий или строительства новых, пуска стоявших мельниц, восстановления мостов, распашки запущенных земель. Так, 8 мая 1920 г. Саранский волостной съезд Советов принял решение о пуске мукомольной ветряной мельницы и просодранок, о запашке земель артели «Клещи и Молот» общественными силами. 9 января Большевьясский волостной съезд выделил строительный лес для граждан. 8 марта Ладский волостной съезд постановил приступить к ремонту водяной мельницы и расчистке плотины[57].

Длительное время перед съездами Советов стояла проблема советского строительства. До принятия Конституции РСФСР организационные вопросы являлись одними из центральных в повестке дня. 11 января 1918 г. делегаты Саранского уездного съезда установили порядок проведения выборов в уездный Совет. Избрание делегатов должно было проводиться на волостных сходах уполномоченных от обществ (один уполномоченный от 50 человек населения). Количество депутатов устанавливалось пропорционально численности населения: волость до 5000 человек избирала трех представителей, от 5000 до 10000 — четырех, свыше 10000 — пять. Организационные вопросы более детально рассматривались 28 января на пос-

ледующем уездном съезде. Право избирать в Советы предоставлялось представителям трудового крестьянства обоего пола при достижении ими возраста 18 лет. Сельсоветы избирались общим собранием граждан, волостные Советы — депутатами от селений. Уездный Совет избирался на съезде Советов (депутат от 1000 избирателей). Уездный съезд созывался по инициативе уездного Совета не менее трех раз в год. Каждые 100 человек населения избирали одного делегата. Все Советы подлежали переизбранию в полном составе через каждые 4 месяца. Депутат мог быть отозван избирателями в любое время. Уездный Совет собирался не менее раза в месяц, волостные и сельские Советы — по мере надобности, исполкомы работали ежедневно. Первое время Совет содержался за государственный счет, затем за счет добровольных пожертвований избирателей. Последующий съезд Советов (апрель 1918 г.) принял решение о реорганизации уездного Совета. Он был разделен на 13 коллегий (внутренних дел, продовольствия, земледелия, юстиции, народного образования, труда и др.). Во главе коллегии стоял комиссар. Был установлен численный состав Советов в 25 депутатов. Содержание члена Совета определялось в 400 рублей[58]. Принимаемые съездами Советов резолюции свидетельствовали об интенсивном поиске организационных форм советского строительства. Этот процесс характеризовался определенной противоречивостью. С одной стороны, излишняя демократичность (право избирать и быть избранным предоставлялось всем, в том числе и кулацкой верхушке деревни), с другой стороны, ограничение демократии (исполкомы избирались не всеми делегатами съезда, а только депутатами Совета). Несмотря на это, следует подчеркнуть положительное значение вышеназванного процесса. Он подготовил принятие первой Конституции РСФСР, на практике выявил и опробовал наиболее целесообразные формы советской организации.

Первая советская Конституция воплотила в себе весь предшествующий опыт советского строительства. На ее основе съезды Советов вырабатывали конкретные меры по упрочению Советской власти. В первую очередь следует отметить то, что логика классовой борьбы требовала известного ограничения демократии. Эксплуататорские элементы города и деревни лишались права голоса. I съезд председателей и секретарей волостных Советов

Саранского уезда (ноябрь 1918 г.) вынес решение: «В выборах главенствующую роль должна играть беднота, среднее крестьянство должно допускаться постольку, поскольку оно защищает бедноту, а богатый класс от всего отстраняется»[59]. Новый порядок выборов обеспечивал преобладание в исполкомах коммунистов, твердое проведение в жизнь большевистской политической линии. Выступления на съездах свидетельствовали об изменении социального состава делегатов. На IV Темниковском уездном съезде Советов (декабрь 1918 г.) делегат Макаров говорил: «Ни одна политическая партия не предвидела так далеко вперед, как партия коммунистов-большевиков». Здесь же делегат Николаев заявил: «Говорилось будто данный съезд не доверяет фракции коммунистов. Это неправда». Делегат III Инсарского уездного съезда (сентябрь 1918 г.) Зоткин заявил: «Для коммунистов необходимо дать большинство в исполкоме»[60]. Состав избираемого исполкома предварительно обсуждался местной партийной организацией, она же выдвигала основные кандидатуры, которые, как правило, проходили. Голосование было открытым, в редких случаях тайным (например, на IV Темниковском уездном съезде Советов в декабре 1918 г.). Избранный исполком получал большие права и обязанности. III Инсарский уездный съезд Советов (сентябрь 1918 г.) избрал уисполком в составе 20 человек, которому было предоставлено право карать всех, кто противодействует проведению в жизнь указаний и распоряжений власти. Исполком получал право отзыва неработоспособных и право кооптации. Ни один член исполкома не мог самовольно оставить порученную ему работу. Съезд постановил: «Весь исполком должен быть как один человек. Съезд не допускает, чтобы в него, в столь тяжелые моменты для Советской России, могли пройти люди, не стоящие на платформе Советской власти»[61].

Оканчивался съезд принятием наказа новому составу исполкома. Наказ включал в себя ряд пунктов, которые охватывали буквально все стороны деятельности Совета, намечали план работы каждого из отделов Совета на ближайшее время. Так, II Саранский уездный съезд Советов (январь 1919 г.) принял наказ из восьми пунктов. Конкретные задачи ставились перед отделами управлениями, продовольствия, здравоохранения, народного образования, совнархозом. Особо было выделено направление рабо-

ты исполкома: «Обратить самое серьезное внимание на правильную постановку работы во всех отделах и учреждениях, строго руководствуясь всеми декретами и постановлениями центральной власти»[62].

В ходе организации и деятельности съездов Советов сложился конкретный опыт трудящихся масс в области строительства и укрепления пролетарского государства, осуществления революционных социально-экономических преобразований. В 1920 г. В. И. Ленин говорил: «То, что дает Советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать. Взять простое число съездов, — ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю»[63].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 41, с. 32.
2. См.: **Трапезников С. П.** Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М., 1976, с. 123, 126.
3. См.: Знамя революции, 1918, 13 апр. № 2; Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями. Март-июль 1918 г. т. III. М., 1967, с. 286.
4. См.: **Ионкина Т. Д.** Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1974, с. 142—143.
5. См.: Известия Пензенского Совета, 1918, 5 июля, № 132.
6. См.: **Ионкина Т. Д.** Указ. соч., с. 120, 161.
7. ЦГА МАССР. ф. р.-27, оп. 1, д. 20, л. 20—22 об.
8. См.: Протокол заседания Саранского уездного крестьянского съезда, состоявшегося 28 января 1918 года в час дня в помещении учительской семинарии. Саранск, 1918, с. 1—4.
9. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 19, л. 110.
10. См.: Известия Рузаевского Совета. 1918, 21 июля, № 5.
11. ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. 106, л. 72.
12. **Свердлов Я. М.** Избранные произведения, т. 2. М., 1959, с. 212.
13. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 19, л. 83—103, 111 об-112; ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. 117, л. 336.
14. ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. III, л. 89, 92; АПОК КПСС, ф. 36,оп. 1, д. 7, л. 23.
15. АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 26, л. 21.
16. ЦГАСА СССР, ф. 157, оп. 1, д. 5, л. 79; ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 31, л. 1—18.
17. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 26, л. 628-628 об.
18. Там же, л. 623; ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 4 об; д. 15, л. 11—140, 151—300.
19. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 39, с. 424.
20. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 9, л. 152.
21. См.: **Клеянкин А. В.** Отчий край. Саранск, 1983, с. 38.
22. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 43.

23. Там же, ф. р.-62, оп. 1, д. 15, л. 3—4.
24. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 10, л. 258.
25. Там же, ф. р.-62, оп.1, д. 15, л. 9—10.
26. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 26, л. 354.
27. **Калинин М И.** Выборы и советская демократия: Статьи и речи. М., 1958, с. 13.
28. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 43, л. 37—38, 53, 194—195, 299, 313, 332, 556.
29. Там же, ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 4 об; д. 15, л. 11—140, 151—300.
30. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 10, л. 35.
31. **Калинин М. И.** Выборы и советская демократия: Статьи и речи, с. 67.
32. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 43, л. 21—22.
33. Там же, д. 26, л. 403 об, 623.
34. Там же, д. 20, л. 18—19; д. 19, л. 83.
35. Там же, д. 10, л. 30, 115—116, 332—333.
36. АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 116, л. 14—15.
37 Власть Советов, 1919, сент. № 10, с. 11.
38. ЦГА МАССР, ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 12 об; ф. р.-37, оп. 1, д. 10, л. 115—116; д. 26, л. 623 об.
39. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 31, л. 2—3; ф р.-62, оп. 1, д. 13, л. 17—18.
40. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 34. с. 215.
41. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 31, л. 3.
42. Там же, ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 15.
43. Там же, л. 15 об., 17.
44. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 20, л. 21—22.
45. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 31, л. 3—7 об; ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. 119, л. 622—624.
46. ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. III, л. 90.
47. ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 72, л. 63.
48. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 19, л. III об; ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 9—12.
49. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 10, л. 115.
50. Там же, д. 43.
51. Там же, д. 20, л. 15 об; д. 19, л. 101 об; д. 31, л. 10.
52. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 9, л. 110; ГАПО, ф. р.-2, оп. 1, д. 95, л. 38.
53. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 19, л. 110; д. 26, л. 285; д. 31, л. 3—4.
54. ГАПО, ф. р.-313, оп. 4, д. 7, л. 5—6.
55. Цит. по кн.: Дорожкин М. В. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957, с. 271—272.
56. ЦГА МАССР, ф. р.-37, оп. 1, д. 43.
57. Там же, д. 43, л. 390—393, 54, 276—277.
58. Там же, д. 20, л. 22 об, 18—19; д. 19, л. 110 об—111.
59. Там же, д. 9, л. 200.
60. Там же, ф. р.-62, оп. 1, д. 13, л. 20 об; ф. р.-37, оп. 1, д. 26, л. 629 об.
61. Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 26, л. 629—629 об.
62. Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Документы и материалы. Саранск, 1959, с. 201—203.
63. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 40, с. 309.

Г. И. Катайкина

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ МОРДОВИИ В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Конец XVIII—первая половина XIX вв. является для России важным этапом социально-экономического развития. В этот период продолжали развиваться и углубляться процессы, начавшиеся в XVII—XVIII вв. и приведшие во второй половине XIX в. к смене феодализма капитализмом. Рост общественного разделения труда, порайонная специализация сельского хозяйства и промышленного производства свидетельствовали о существенных сдвигах в развитии производительных сил страны, вели к неизбежному превращению натурального хозяйства в товарно-денежное. В недрах деревни складывались новые, капиталистические отношения. Об этом свидетельствуют возникновение буржуазной поземельной собственности, распространение земельной аренды, наемного труда, развитие торгово-промысловой деятельности крестьян и др. Развитие капитализма в сфере производства сопровождалось крупными социальными изменениями. Основой социальных изменений, происходивших в деревне, служило расслоение крестьянства.

Данные процессы четко проявились и в деревне на территории уездов, вошедших в состав современной Мордовии. Однако протекали они неодинаково в разных уездах и у различных категорий крестьянства.

Многочисленные аспекты проблемы разложения крепостничества, зарождения и развития новых капиталистических отношений привлекают пристальное внимание историков Мордовии. Имеются обобщающие работы, раскрывающие основные тенденции социально-экономического развития в первой половине XIX в. помещичьих крестьян[1], удельного крестьянства Симбирской губернии[2], мо-

настырского хозяйства[3]. Слабее изучены новые явления в государственной деревне Мордовии.

Одним из характерных явлений, присущих переходной эпохе от феодализма к капитализму, выступает начало процесса формирования буржуазной собственности на землю. Историками отмечено постепенное уменьшение надельной крестьянской земли в первой половине XIX в. с одновременным увеличением платежей как в помещичьей, так и в удельной и государственной деревне. Это вынуждало крестьян искать новые источники получения доходов. Такими источниками в условиях развития товарно-денежных отношений являлись аренда казенной, удельной и господской земли, мельниц, рыбных ловлей, лавок и других «оброчных статей», развитие промыслов, отходничество на заработки, торговля, покупка земельных участков. И если отходничество, промысловая деятельность, аренда небольших участков земли, сенокосов были доступны большей части крестьянства, то аренда крупных «оброчных статей», торговля, покупка земли, несомненно, были по плечу лишь зажиточной части крестьянства. Вместе с тем сами эти процессы вызывали дальнейшее расслоение крестьянства.

Покупка земли крестьянами, хотя и носила в предреформенный период ограниченный характер, тем не менее, подрывая господство феодального землевладения, имела прогрессивное значение.

Сведения об индивидуальных покупках крестьянами земель в первой половине XIX в. весьма скудны. Часть из них удалось извлечь из фондов Департамента уделов, Алатырской удельной конторы, уездных судов (копии купчих, свидетельства на землю), уездных землеустроительных комиссий.

Отмечено несколько случаев покупки земельных участков крепостными крестьянами. Так как крепостные не обладали имущественными правами, они покупали эти земли с согласия своих господ на их имя. Так, на имя дворян Жилиных в с. Сосуновка Ардатовского уезда крепостные крестьяне совершили несколько купчих. В 1796 г. Федот Федоров купил у прапорщика Мантурова 15 десятин земли[4], в 1835 г. Иван Яковлев — у мещанина г. Алатыря Стеньшина 6 дес. 1200 саж.[5], в 1842 г. Никита Егоров — у дьяконицы Руговской 6 дес.[6], в 1841 г. Иван Муратки — у дворян Салтаказина и Юрасова — 6 дес. 1240 саж.,

и он же в 1840 г. — у прапорщика Череватова 6 дес.[7]. В 1846 г. Ефим Егоров купил у дьякона Русаковского 5 дес. 600 саж.[8]. В описи имения умершего штабс-капитана А. С. Жилина в с. Сосуновка отмечено в 1858 г. 105 дес. 1417 саж. «земли собственной крестьян»[9].

В 1854 г. дворянка Тимашева продала крестьянину коллежской ассесорши Рыбушкиной Ефиму Иванову 1 дес. за 20 руб. серебром[10].

Ряд покупок земельных участков совершили крестьяне-отпущенники помещиков. Так, в 1839 г. отпущенник графа Мусина-Пушкина-Брюса Василий Смирнов купил у надворной советницы Филатовой в Ардатовском уезде в с. Апухтине 130 дес. 270 саж. за 1314 руб. серебром. Примечательно то, что из этой земли в 1839—1840 гг. Смирнов подарил (причина дарения неизвестна) удельным крестьянам д. Тазнеевой Тюгаеву 50 дес., д. Балдасеевой Абрамову 10 дес. и с. Резоватова Бруснигину и Маштакову по 10 дес.[11].

В 1848 г. крестьяне Ардатовского уезда с. Керамсурка помещика Загарина (8 душ мужского пола и 13 женского) подлежали продаже за долги своего хозяина — 890 руб. серебром. Однако они, внеся долг, не только выкупились на свободу сами, но и выкупили земли, которыми владели, в количестве 54 дес. 513 саж.[12].

В 1837 г. отпущенник помещицы Кузнековой Леонтий Макаров купил 4 четверти земли у татарина Юскаева при с. Мачказерове, полторы десятины из них он продал в 1840 г. своему племяннику, отпущеннику той же помещицы[13].

Собственные участки земли, иногда больших размеров, имели выкупившиеся на волю в разряд свободных хлебопашцев крестьяне[14]. Например, вольные хлебопашцы с. Конопати Инсарского уезда имели земли в 1844 г.: Самойла Степанов — 38 дес., Федор и Константин Ивановы, Захар и Аника Савельевы — 43 дес. 2240 саж., Ананий Емельянов — 5 дес. 96 саж.[15]. В 1829 г. свободный хлебопашец с. Тургенева Ардатовского уезда Григорий Куликов купил у полковника Сафонова 36 дес. земли, которые после его смерти в 1854 г. перешли к внукам[16].

Относительно земель, являющихся собственностью государственных крестьян, имеются обобщающие сведения за 1858 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

Земельная собственность государственных крестьян в 1858 г.[17]

Уезды	Количество крестьян, водворенных на собственных землях	Земли, являющиеся собственностью крестьян (в десятинах)
Наровчатский	19	193
Саранский	16	199
Инсарский	96	1703
Краснослободский	332	1365
Темниковский	25	1823
Спасский	3	3
Итого	491	5286

Таким образом, 491 крестьянин владел 5286 дес. земли. Покупка земли удельными крестьянами получила широкое распространение. Указ 21 марта 1800 г. дозволил крестьянам удельного ведомства покупать земли у частных владельцев и совершать купчие на имя Департамента уделов[18].

Вопрос о купчих землях удельных крестьян Симбирской губернии изучен подробно, отмечено, что к концу 50-х—началу 60-х гг. в мордовских селениях Алатырского удельного имения среди удельных крестьян насчитывалось 63 «домохозяина», владевших в общей сложности 1557 дес. купчих земель, не считая 626 дес. 2497 саж., купленных «всем миром» деревни Бузаевой, а позже в с. Лобаски и д. Орловке[19].

Обнаружены случаи покупки земель удельными крестьянами Пензенской и Тамбовской губерний, находившихся до 1835 г. в ведении Департамента уделов, но покупка земель крестьянами этих губерний производилась реже, чем крестьянами Алатырского удельного имения, а размеры участков были меньше.

В Краснослободском уезде земельные участки были куплены крестьянами с. Аксел и с. Ковыляй Введенского приказа. В 1802 г. удельные крестьяне с. Аксел (5 душ) купили у мещанской жены г. Темникова Подшиваловой более одной дес., у татарина Лапшева — 13 дес.[20]. В 1823 году крестьянин этого села Кузьмин получил 3 дес. от татар Шерионовых за неплатеж ими долга 200 руб.[21]. В

этом же году Лука Павлов приобрел 5 дес. за 500 руб., а в 1835 г. купил еще 7 дес. за 500 руб. — всего 12 десятин[22]. Крестьянин Антон Агапов купил в 1834 г. 2,5 дес., в 1835 г. — 11,5 дес. пашни и 1 дес. покоса[23]. В 1831 г. крестьяне с. Аксел Петр Степанов и Астафий Иванов купили 5 дес. за 400 руб.[24], в 1835 г. Василий Марков — 6 дес. за 300 руб.[25]. Таким образом, удельные крестьяне с. Аксел купили с 1802 по 1835 гг. около 56 дес. земли. В 1805 г. удельный крестьянин с. Ковыляй Степан Родионов купил земли около 2,5 дес. за 50 руб.[26].

В Темниковском уезде выявлен один случай покупки земли: в 1833 г. удельный крестьянин д. Селищи Павел Алексеев купил пашенную землю 2 дес. за 140 руб.[27].

Все эти данные наглядно свидетельствуют о начале процесса формирования земельной собственности крестьян Мордовии в предреформенные десятилетия.

Гораздо шире, чем покупка земли, в деревне Мордовии была распространена аренда крестьянами земельных участков, казенных, удельных промысловых «оброчных статей». Аренда земли, отмеченная в XVIII в.[28] и в первой половине XIX в., приняла огромные размеры. Цена сдаваемых с торгов земельных участков и других «оброчных статей» иногда была очень высока, поэтому, несомненно, вступать в арендные отношения с казной, удельным ведомством в этот период могла только зажиточная прослойка деревни. Остальная часть крестьянства, чтобы избежать малоземелья, прибегала к аренде земельных участков сообща, «всем миром» или небольшими группами.

В. И. Ленин в работах «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» и в других выделил крепостнические и буржуазные черты аренды. Крепостнические черты аренды В. И. Ленин видел в распространении натуральной аренды, т. е. аренды не за деньги, а исполу, или обработки. Он отмечал, что натуральные аренды развиты всего сильнее в беднейших группах крестьянства[29]. Капиталистической формой аренды является денежная аренда. В. И. Ленин отмечает, что арендовали землю за деньги зажиточные крестьяне, «...не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньгу»[30]. В первой половине XIX в. на территории Мордовии нашла широкое распространение денежная аренда. Цена за аренду участков земли была высока. Так, в 1818 г. священник

с. Киржеманы Ардатовского уезда Дмитрий Селиванов сдал в аренду крестьянам помещиков Арсентьевых Григорию Ефимову, Герасиму Григорьеву и Евдокиму Герасимову 22,5 дес. в трех полях на шесть лет по 400 руб. ежегодно[31]. На протяжении первой половины века значительно возросло количество земли, сдаваемой крестьянам Департаментом уделов. В «Описной книге о имении удельном в Симбирской губернии состоящем», составленной в 1798 г., записаны за крестьянами д. Дубровок «оброчная поляна, за которую обыватели платят оброчные деньги по 17 руб.», у крестьян д. Ардатовой «оброчное дикое поле, в них пашни и покосов» 1063 дес. 522 саж., д. Чамзинки — пашни и покосов 408 дес.[32].

В указе от 5 апреля 1797 г. «Учреждение об императорской фамилии» предписывалось «привести все земли удельные в такое положение, чтобы каждому работнику доставалось на тягло, кроме усадьбы и покосов, в трех полях, в каждом по три десятины»[33]. Однако это предписание не было выполнено: крестьяне удельных имений имели недостаточное количество земли. Удельные конторы поэтому получили разрешение отдавать крестьянам малоземельных селений земельные оброчные статьи беспереоброчки с торгов. В 1797 г. такие земли имели крестьяне с. Кабаева, д. Кулясовой, с. Атяшева, с. Игнатова, д. Качаевой, д. Андреевки, с. Нижнее-на-Нуе, д. Кечушевой, д. Селище, д. Б. Маресева, с. Хлыстовка Ардатовского и Алатырского уездов[34]. В 1827 г. в Ардатовском уезде состояло земельных «оброчных статей» 3874 дес. 2084 саж[35]. В 1848 г. у крестьян Ардатовского приказа в содержании было 8 участков, Моргинского — 2, Козловского — 1, Бузаевского — 7, Киржемановского — 1[36]. В 1840—1850 гг. содержателями крупных земельных «оброчных статей» были крестьяне Киржемановского приказа: д. Андреевки Алексей Фролов — 200 дес. пашни и 100 дес. покосов, с. Горок Иван Кузьмин — 200 дес. пашни, Моргинского приказа с. Наченал Егор Иванов — 42 дес. 1150 саж., д. Старой Качаевой Федор Гаврилов — 125 дес., д. Новой Чамзинки Николай Анисимов — 50 дес.[37]. В 1840 г. удельные крестьяне г. Ардатова Василий Шепелев, Александр Мякиньков, Яков Галочкин, Матвей Дадонов, Федор Арбузов взяли в арендное содержание при с. Болятине 867 дес. 549 саж. пашни и 32 дес. 731 саж. покоса[38]. Это наиболее крупный из обнаруженных

контрактов.

Широкое распространение имела сдача удельным ведомством земельных «оброчных статей» и в Пензенской губернии. В 1-й половине 1808 года доход удела со сданных в аренду земель составил: по Старофедоровскому приказу — 15 руб., Ефаевскому — 577 руб., Троицкому — 785 руб., Покровскому — 1244 руб., Наровчатскому — 180 руб.[39]. В 1808 г. были отданы в содержание 736 дес. 1518 саж. сенных покосов крестьянам д. Роткиной, 448 дес. 1559 саж. пашни и сенных покосов крестьянам д. Мамангиной. На состоявшихся в 1833 г. в Пензенской удельной конторе торгах из 14 «оброчных статей» 7 отданы крестьянам Мордовии с ежегодным платежом денег: Рыбкинского приказа при д. Зайцевой 249 дес. 1646 саж. пашни по 504 руб. 50 коп. и 67 дес. 337 саж. пашни и сенокоса за 166 руб. 60 коп. крестьянину д. Старой Потьмы С. Михайлову; при д. Поникидовке поляна и сенокос 24 дес. 133 саж. Емельяну Дмитриеву; Покровского приказа при д. Старой Сазоновке сенных покосов 436 дес. 516 саж. по 201 руб. 52 коп. крестьянину д. Старой Мамангиной Степану Тимофееву; Наровчатского приказа 268 дес. 342 саж. земли крестьянам с. Рябки и Нагорная Шепина Василию Дементьеву и Федору Степанову по 105 руб.; Краснослободского приказа при д. Колопино сенных покосов 186 дес. 353 саж. крестьянину с. Рябки Дементьеву по 28 руб.; Троицкого приказа при д. Шенгориной сенных покосов 188 дес. 232 саж. крестьянам д. Русской Лашмы, Курниной и Шенгориной Петру Евсевьеву, Павлу Григорьеву и Тимону Конову по 45 руб.[40]. Кроме земельных «оброчных статей» крестьянами брались в содержание мельницы, рыбные ловли. В начале XIX в. значительная часть промысловых «оброчных статей» Департамента уделов сдавалась с торгов помещикам, купцам. В середине XIX в. картина изменилась: почти все «оброчные статьи» сдавались крестьянам. Этот факт еще раз свидетельствует о все более широком вовлечении крестьянства в товарно-денежные отношения. Ряд крестьян Ардатовского уезда имел в содержании по нескольку «статей». Так, удельный крестьянин с. Сыреси Алексей Пименов содержал в 1818—1826 гг. три мельницы, платя за них ежегодно Департаменту уделов по 435 руб., крестьянин д. Чиндяновой Ефим Алексеев — две мельницы по 420 руб., Степан Алексеев из с. Лобаски — две мельни-

ны за 310 руб. и др.[41]. Только в 1826 г. были сданы с торгов в содержание мельницы с платежом ежегодно от 100 до 300 руб. 27 крестьянам Ардатовского, Сыресевского, Лобаскинского, Урусовского приказов[42]. В конце 30-х годов удельный крестьянин г. Ардатова Иван Додонов содержал мельницу с платой оброка по 333 руб. в год, крестьяне д. Бузаевой Максимов, Артемьев, Ефремов, Яковлев — по 500 руб., крестьянин д. Соснового Гарта Матвей Иванов — 500 руб.[43].

В 1854 г. только у крестьян Наченальского приказа находилось в содержании 94 ветряные мельницы, из них: с. Наченал — 11, с. Маколова — 6, с. Собаченок — 7, с. Курмачкас — 5, с. Маресева — 11, с. Хлыстовки — 7, с. Дубровок — 5, с. Б. Манадыш — 10, с. Чебудас — 3, д. Киржеман — 4, д. Саигуш — 8, д. Чамзинки — 4, д. Полковки — 2, с. Альзы — 5, д. Кечуш — 3, д. Кузьминой — 3[44].

На 1 января 1849 г. в Алатырском удельном имении состояло срочных «оброчных статей», 498 и 782 ветряные мельницы, доход с которых равнялся 24941 руб. 83 коп.[45].

Продажа хлеба, полученного на купленных и арендованных землях, поступления с мельниц были не единственными статьями дохода зажиточной прослойки деревни. Эта часть крестьянства занималась также ростовщичеством, мелким предпринимательством.

Факты дачи в долг денег под проценты обнаружены как среди удельных крестьян, так и среди крепостных. У ряда крестьян была постоянная клиентура, нуждавшаяся в деньгах, — разорившиеся помещики, купцы. Свободный хлебопашец с. Полого Александр Гераснмов дал в долг купцам в 1816 г. 2100 руб., в 1817 — 1500 руб., в 1818 — 2000 рублей[46]. В 1818 г. крестьянин с. Смольковой помещицы Ошаниной Алексей Каренков дал в долг ардатовскому купеческому сыну Коленеву 1790 руб[47], в 1815 г. крестьянин графа Салтыкова Федор Щепеков — чиновнику 5 класса Астафьеву 500 руб[48], в 1819 г. удельный крестьянин с. Маколова А. Тихонов — мирскому обществу своего села 2200 руб.[49].

В уездах Мордовии в первой половине XIX в. была развита мелкая перерабатывающая промышленность. Согласно «Ведомости фабрик и заводов частных людей Симбирской губернии» в 1800 г. из 72 предприятий губернии 53

были расположены в Саранском и Инсарском уездах в 1798—1801 гг. данные уезды входили в состав Симбирской губернии). Среди владельцев кожевенных, мыловаренных, поташных заводов имелись и крестьяне. Крестьянам с. Пушкина Инсарского уезда помещика Загряжского Василию Михайлову и д. Саловки поручика Салова Осипу Семенову принадлежали поташные заводы, на которых вырабатывалось и продавалось на ярмарках в разных городах до 2000 пудов поташа[50].

Государственные крестьяне д. Татарского Умыса Саранского уезда Ромашкин и Городищенского уезда Пензенской губернии Кудмышев, имея собственную полубарку, доставляли до Нижнего Новгорода хлеб, поташ, получая при этом большие доходы[51].

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX в. на территории Мордовии проходил процесс формирования буржуазной земельной собственности в деревне, аренды зажиточной частью крестьянства земельных участков, промысловых «оброчных статей», образования мелких крестьянских предприятий. Данные явления свидетельствуют о вовлечении крестьянства в товарно-денежные отношения, зарождении капиталистических отношений в деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: **Тюгаев Н. Ф.** Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX века. Саранск, 1975;
   Клеянкин А. В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века. Саранск, 1974 и др.
2. См.: **Клеянкин А. В.** Указ. соч.
3. См.: **Смирнова В. Б.** Вотчинное хозяйство в XVIII—первой четверти XIX в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970.
4. ГАУО, ф. 122, оп. 76, д. 39, л. 4.
5. Там же, д. 38, л. 4.
6. Там же, д. 87, л. 4.
7. Там же, д. 40, л. 4.
8. Там же, д. 41, л. 4.
9. Там же, ф. 732, оп. 2, д. 55, л. 11 об.
10. Там же, ф. 122, оп. 76, д. 45, л. 4—5.
11. Там же, оп. 62, д. 31, л. 1—3.
12. Там же, оп. 70, д. 65, л. 1—3.
13. Там же, д. 35, л. 1, 4.
14. См.: **Тюгаев Н. Ф.** Указ соч., с. 202.
15. ЦГА МАССР, ф. 22, оп. 1, д. 268, л. 7 об.

16. ГАУО, ф. 122, оп. 76, д. 33, л. 3—5.
17. Таблица составлена по кн.: Статистический обзор государственных имуществ за 1858 г. СПб., 1861, с. 380—383, 534—537.
18. ПСЗ-1, т. XXVI, № 19334.
19. **Клеянкин А. В.** К вопросу о землепользовании и купчих землях удельных крестьян Мордовии в первой половине XIX в. — В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII — начало XX в.): Межвузовский сборник. Саранск, 1979, с. 100—101.
20. ЦГИА, ф. 515, оп. 5, д. 233, л. 3—3 об.
21. Там же, оп. 10, д. 727, л. 1.
22. Там же, оп. 10, д. 726, л. 1; д. 1034, л. 1, 9.
23. Там же, оп. 10, д. 859, л. 1, 6; д. 1032, л. 1; д. 1034, л. 1, 8.
24. Там же, д. 728, л. 1.
25. Там же, д. 1034, л. 1, 10.
26. Там же, д. 1031, л. 1, 3 об.-4.
27. Там же, д. 894, л. 1.
28. **Заварюхин Н. В.** К вопросу о землепользовании дворцового крестьянства Мордовии (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.). — В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVIII — начало XX в.), Саранск, 1979, с. 37—38.
29. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 17, с. 85—86.
30. Там же, с. 88.
31. ГАУО, ф. 118, оп. 1, д. 69, л. 9 об.
32. ЦГИА, ф. 515, оп. 5, д. 161, л. 38 об.-39, 44 об.-45.
33. ПСЗ-1, т. XXIV, № 17906, отд. 6, ч. 1, § 113, п. 1.
34. ЦГИА, ф. 515, оп. 5, д. 161, л. 47, 62 об.-63, 64 об.-65, 65 об.-66, 66 об.-67, 72 об.-73, 76 об.-77, 81 об.-82, 84 об.-85.
35. ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 256, л. 459.
36. ЦГА ЧАССР, ф. 193, оп. 1, д. 679, л. 33—66.
37. Там же, д. 1023, л. 166—167, 147 об.-183.
38. ЦГИА, ф. 515, оп. 10, д. 2151, л. 5.
39. Там же, оп. 5, д. 1005, л. 15—19.
40. Там же, оп. 13, д. 1511, л. 2—3.
41. Там же, оп. 13, д. 629, л. 1—29.
42. Подсчитано по делу 629, л. 1—29.
43. Там же, д. 2572, л. 7, 8 об.-9, 25.
44. Подсчитано по делу ЦГА ЧАССР, ф. 193, оп. 1, д. 1023, л. 147—149.
45. ЦГА ЧАССР, ф. 193, оп. 1, д. 647, л. 8, 13 об.
46. Подсчитано по делу ГАУО, ф. 118, оп. 1, д. 62, л. 15 об.-16, 34, 34 об.; д. 67, л. 5 об., 6 об.; д. 69, л. 2.
47. ГАУО, ф. 118, оп. 1, д. 68, л. 4.
48. Там же, д. 67, л. 10.
49. Там же, ф. 122, оп. 65, д. 12, л. 97.
50. ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 285, л. 25—29.
51. ЦГА ЧАССР, ф. 92, оп. 1, д. 1084, л. 56.

Н. М. Арсентьев

ИДЕОЛОГИЯ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН ПРИОКСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Весь ход социально-экономического и политического развития России в первой половине XIX в. необратимо вел к необходимости ликвидации крепостного права.

Сознание народных масс в изучаемый период развивалось в условиях активизации, особенно после героической эпопеи 1812 г., антифеодальной, буржуазной, по существу, идеологии, которая пропагандировала ценность личности, новые антифеодальные идеи свободы, равенства и братства[1]. В этом аспекте анализ антикрепостнической мысли работных людей, того класса, который был, по словам Маркса, более или менее развитым предшественником современного пролетариата[2], представляет немалый интерес.

В качестве основного источника при написании статьи использовались материалы о волнениях, собранные в архивах Горьковской, Владимирской, Тамбовской, Пензенской областей, Центральном государственном архиве Мордовской АССР, Центральном государственном историческом архиве СССР.

Работные люди металлургической промышленности дореформенной России были особой категорией феодально-зависимого населения, с собственными традициями в производстве и во всем строе жизни. Они подразделялись на мастеровых, составляющих основное производственное ядро предприятий, и на заводских крестьян, которые выполняли вспомогательные работы на заводе: добывали руду, жгли уголь, занимались извозом и т. п. Мастеровые не имели пашенной земли, а только усадьбы, где выращивали огородные культуры и частично коноплю и лен для из-

готовления одежды. Основным источником дохода для них являлась заработная плата, а прибавкой к ней — домашний скот и другая живность. Были они более зажиточными, чем крестьяне, имели даже определенную «роскошь» в одежде. Но зависимость от зарплаты вносила в их положение неустойчивость, шаткость, что грозило порой голодом.

Заводские крестьяне имели пашенную землю и должны были отрабатывать на заводе за нее оброк, после выплаты которого они могли получать поденную и понедельную плату.

Уровень социально-экономического влияния мануфактуры на две эти группы заводских людей был не одинаков. Наиболее глубокие перемены наблюдались в мировоззрении мастеровых. Потомственные кадры не питали иллюзий относительно возврата в деревню. Материалы исследований по бывшим заводским селам Ермишинскому, Мердушинскому, Вознесенскому, Темниковского уезда Тамбовской губернии показывают, что после реформы 1861 г. лишь единичные мастеровые возвратились в крестьянство. Большинство же отказались от земли, с чувством гордости подчеркивая, что их деды и прадеды хлебопашеством не занимались и навыка к этому делу не имеют. После закрытия заводов они пополнили состав фабрично-заводского пролетариата[3]. А. М. Панкратова, анализируя происшедшие под влиянием мануфактуры изменения социальной активности различных категорий заводских людей, относительно мастеровых пишет: «Сами условия производственной жизни этой категории рабочих ставили их в положение, способствующее большему сплочению и активности, чем приписных и иных крестьян, выполняющих вспомогательные работы»[4]. Это же отмечали и современники. Журнал «Дух журналов» еще в 1818 г. писал: «Земледельческий народ есть набожный, а также самый миролюбивый, крепкий и благонравный он, вместе, и самый покорный царю ...мастеровой ничего не ожидает от бога, а все от машины ...сообщество несколько сот и тысяч мастеровых, живущих и работающих вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа»[5].

Заводские крестьяне по своей психологии и мироощущению во многом оставались крестьянами: они идеализировали свой деревенский труд, противопоставляли его

фабрично-заводскому[6]. В волнениях предреформенных лет они выдвигали чисто крестьянские требования, сводившиеся к тому, что «земля есть их собственность и они имеют право распоряжаться ею как хотят»[7], как это было, например, в волнении на Авгорском заводе Красно-слободского уезда Пензенской губернии в 1858 году.

Таким образом, работные люди дореформенной России были крайне неоднородной массой. Часть из них по своей психологии тяготела к крестьянству, а в другой — постепенно выкристаллизовывались черты пролетариата.

В изучаемом Приокском регионе действовало 17 металлургических заводов. По материалам 9-й ревизии значилось более 30000 душ работных людей, более половины которых — заводские крестьяне. С 1801 по 1860 г. по заводам нами выявлено 40 волнений. Тогда как по данным «Хроники рабочего движения в России» на указанных заводах отмечено только 27 волнений[8].

Наиболее примечательны в этом отношении 1822 — 1830 и 1856—1858 гг., отмеченные заметным подъемом антикрепостнического движения. Иногда волнения охватывали несколько заводов не в одну тысячу человек, как мастеровых, так и заводских крестьян. Однако заводские крестьяне в изучаемом регионе были более пассивны.

Основное направление всех волнений — это протест против крепостного подневольного труда. Мастеровые протестовали против низкой заработной платы, против частых и длительных ее задержек, против жестокого обращения. Заводские крестьяне наряду с этим — и против отягощения их заводскими работами.

Прямо выраженное требование воли отсутствовало, но в лозунгах этих волнений наметился ее собирательный образ, ее понимание работными людьми — чтобы хорошо платили, кормили, обращались, чтобы они могли свободно работать, чтобы их не угнетали.

Так или иначе, это была программа будущего социального устройства, за которое они боролись. Боролись под любым предлогом: менялись ли владельцы, ухудшалось ли заводское производство, появлялись ли слухи о каком-то скрытом начальством указе и др. За первую половину XIX в., по неполным данным, по указанным заводам откупился на волю 121 человек[9].

Наиболее распространенными среди простого народа в изучаемое время были толки о воле[10].

Среди работных людей были и грамотные. Они отстаивали свои права перед хозяевами. В записке шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу о настроениях работных в 1828 г. отмечается, что «между людьми, принадлежащими к заводам.., есть много ума хитрого, напитанного духом своеволия и неповиновения начальству. А как в числе таковых находится немалая часть людей грамотных, то и не удивительно, что с сими расположениями бывает там всегда довольно коварных просителей и ябедников»[11].

Перемены в настроении работных людей не остались долго не замеченными. Министр финансов в сообщении управляющему Министерством внутренних дел от 1822 г. отмечает, «что дух своевольства и неповиновения местному начальству вообще в заводских мастеровых с некоторого времени более обнаруживается, ибо в короткое время вскрылись возмущения на Березовских золотых промыслах, на заводах Расторгуева и в четырех губерниях по заводам Баташевых»[12].

Особенность выступлений заводских крепостных заключалась, наряду со стремлением к единению, солидарности, и в том, что участники волнений свой бунт стремились оправдать. «Что им за это никакой беды не будет, что бог за них заступаться будет, а когда придет суд, то бог всех покроет и заговорит, а кто мир выдаст, тот на том свете антихристом будет»[13]. Подобные мысли отмечены на заводах всех пяти губерний приокского края.

Во время волнений бунтующие перед началом каких-либо решительных действий или «приходили в церковь и требовали от священника отслужить молебен, а потом приложиться к кресту и евангелию»[14], или же, «собравшись на площади и вынеся стол и поставя образ, утверждались в своем намерении»[15], или же, «собравшись толпою, пригласили священника, с причтом и с выносом из церкви икон» творили беззаконие[16].

Волнения работных людей были проникнуты идеей о царе-освободителе, от которого господа скрывают правду об их горьком житье. Крепостные верили в царскую волю, боролись за царское прозрение. Жалобами на высочайшее имя, которыми они засыпали все канцелярии, и даже бунтами они старались донести до него правду об истинной их жизни. Любой ценой: «всех не пересекут»[17], «хотя бы за это не только всех их посадили в тюремный замок, но даже если и сослали в Сибирь или лишили жизни»[18].

Эти моменты были характерны для большинства форм народного протеста. Об их широком распространении свидетельствует отчет Бенкендорфа за 1839 г. В нем он отмечал: «В народе толкуют беспрестанно, что ...одни русские православные — невольники вопреки священному писанию; что всему злу причина господа, т. е. дворяне. На них сваливают всю беду. Что господа обманывают царя и клевещут пред ним на православный народ и т. п.»[19].

Работные люди еще не обладали четким классовым сознанием, но они ясно видели непосредственных виновников своего бедственного положения. Как показывает анализ волнений заводских крепостных, борьба против непосредственных притеснителей была наиболее распространенным мотивом движений. Однако вместе с этим продолжала жить вера в хорошего барина, кормильца. Лозунгом самого крупного в изучаемом регионе волнения 1822—1823 гг. на Баташевских заводах, находившихся в четырех губерниях, стала борьба за единовластное правление П. Баташева. В делах следствия сказано: «Последствия временного самовольства П. Баташева и его поверенных, непозволительные выражения, что они рано или поздно останутся во владении одного Петра Баташева, для черного народа были поводом к заблуждению и вольнодумству. Они были обольщены некоторой прибавкой платы, самовластными поступками П. Баташева, частыми попойками за свой счет вином и пивом. Мастеровые во всяком случае выхваляют правление Петра Баташева и не хотят думать, что есть другие наследники»[20].

Идеализация доброго хозяина, его противопоставление плохому еще раз подчеркивает характер мечтаний крепостных о новом жизнеустройстве как об обществе, где могли ужиться и господа, и простой народ.

Мысли крепостных о новом социальном устройстве затрагивали и религию, церковь. Конфликт зрел по всем направлениям — не только с представителями местной власти, но и с духовенством.

Когда в волнении 1822—1823 гг. на Гусевском заводе Владимирской губернии священники в церкви «увещали и внушали мастеровым, что их намерение противно, во-первых, богу и великому государю, а во-вторых, правительству и начальству, что они должны начальству сво-

ему повиноваться и из границ повиновения не выходить», — то мастеровые в ответ на это покинули церковь, буйно крича, что «вы должны нас защищать»[21].

Брожение умов проявлялось не только в форме волнений, жалоб и т. п., но и в виде еретичного движения, которое в первой половине XIX в. носило антикрепостнический характер[22]. Наиболее распространенными были эсхатолого-хилистические идеи. В основу этой теории положена идея чудесного сверхъестественного спасения людей после конца света, «светопредставления». Исстрадавшиеся по воле крепостные ждали перемен любыми путями. За первую половину XIX в. четырежды объявлялся конец света (1819, 1832, 1843, 1846 гг.).

В первой половине XIX в. налицо была антикрепостническая направленность общественной мысли работных людей, осознание неестественности своего рабского состояния и частично причин его, с каждым годом обострявшаяся классовая борьба, а с другой — крепостные продолжали пребывать в плену монархических и религиозных иллюзий.

Пусть расплывчато, схематически, намеками выделился и основной социальный идеал нового жизнеустройства работных людей первой половины XIX в. — это общество изобилия, в потреблении, общество гуманизма, свободы, равенства, где бы ни было угнетения, где бы все были хорошими, где бы жили, не мешая друг другу и господа, и крестьяне, и рабочие. Дальше патриархального равенства свободной общины массовое сознание работных людей не выходило. Для них это была вполне реальная программа, которая могла бы осуществиться путем царских реформ.

Основной пафос антикрепостнической мысли работных людей состоял в отрицании крепостничества, подневольного труда, в проповеди гуманизма, свободы, равенства, которыми они ограничивались в противопоставлении, причем весьма наивном, абстрактном, эксплуататорских порядков обществу без эксплуатации, тем самым углубляя, по существу, буржуазные лозунги, наполняя их новым, более революционным звучанием, предвосхищая новые революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. подробнее: **Каменский З. А.** Философские идеи русского просвещения. М., 1971; **Базанов В. Г.** Русские революционные демократы и народосознание. М., 1974; **Сухов А. Д.** Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980.
2. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 19, с. 191.
3. См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 4, Тамбов, 1883, с. 216—218.
4. **Панкратова А. М.** Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX в. Вступительная статья в сб.: Рабочее движение в России в XIX в. т. 1. М., 1951, с. 56.
5. Цит. по кн.: Окунь С. Б. История СССР. Ч. 2. Л., 1978. с. 128.
6. См. подробнее: Китайник М. Г. Устное поэтическое творчество рабочих. — Русское народное поэтическое творчество. М., 1969, с. 409—460.
7. ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 843, л. 2.
8. Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов, т. 1. Госполитиздат, 1951, с. 903—922.
9. ЦГИА СССР, ф. 1583, оп. 14, д. 648; ф. 37, оп. 5, д. 102, д. 2038.
10. См. подробнее: Граф А. Х. Бенкендорф о России 1827—1830 гг. Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов. — Красный архив. 1929, № 6, с. 151—152.
11. Цит. по кн.: **Пажитнов К.** Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860): По данным 3-го отделения собственной его величества канцелярии. — Архив истории труда в России. Пгд., 1921, кн. 1, с. 88.
12. Рабочее движение в России в XIX в., т. 1, с. 375.
13. ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 843, л. 162.
14. ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 6062, л. 43—45.
15. Там же, д. 8870, л. 8.
16. Рабочее движение в России в XIX веке, т. 1, с. 761.
17. ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 9524, л. 1—2.
18. ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 843, ч. 2, л. 15.
19. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. документов. М., 1951, с. 343—344.
20. ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 6026, л. 58.
21. Рабочее движение в России в XIX в., т. 1, с. 393—394.
22. См. подробнее: **Клибанов А. И.** Народная социальная утопия в России. М., 1978.

Н. В. Заварюхин

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В МОРДОВИИ В XVIII в.

В XVIII в. для крестьянства Мордовии характерны в целом те же процессы, что и для большинства населения России. Крестьянское хозяйство приспосабливалось ко все большему развитию товарно-денежного обращения, с одной стороны, и к усилению феодально-крепостнической эксплуатации — с другой.

Экстенсивный характер земледелия при увеличении крестьянского населения за XVIII в. в два с лишним раза привел к освоению под пашню практически всех площадей, пригодных для землепашества. В оборот начали вводиться малоплодородные земли: супески — в Темниковском уезде, суглинки и щебенчатые — в Алатырском. В степных участках на территории Инсарского и Саранского уездов черноземные участки уже были распаханы в XVII в. В XVIII столетии под пашню осваивались пойменные луга, заболоченные места и водоразделы.

Главной отраслью сельского хозяйства являлось земледелие. Для XVIII в. его уровень в этом районе обусловливался природными условиями и особенностями натурального хозяйства. У русских, мордовских и татарских крестьян господствовала паровая трехпольная система полеводства. В документах того периода указывается, что «землю обыкновенно делят на три поля, на которых сеют аржаной и еровой с переменою, а именно: на одном — рожь, на другом — еровой, на третьем — озимной ржаной хлеб»[1]. О чередовании озими, яра и пара свидетельствуют материалы о государственной десятинной пашне в Починковской волости, находящейся при селе Рождественском, сельце Кармалеях и деревне Тагаевке. В каждом поле было 155 дес.[2]

Вместе с тем в ряде случаев размеры озимого и яро-

вого клинов отличались от указанных выше. Это видно на примере засеваемых площадей десятинной пашни в дворцовых волостях в Троицком, Наровчатском, Краснослободском уездах. По указу от 31 марта 1745 г. здесь устанавливалось 2058 десятин в поле. Но фактически было заведено намного меньше. Так, в 1746 г. под озимыми и яровыми числилось 1458 дес., а в 1752 г.—1517 десятин.

Количество высеваемого озимого и ярового хлеба за 7 лет и его распределение между дворцовыми волостями показывает таблица 1.

Таблица 1

Динамика посева ярового и озимого хлеба в 1746—1752 гг.[3]

Годы	Волости						
	Троицкая		Наровчатская		Краснослободская		
	под рожью (десятин)	под яровыми (десятин)	под рожью (десятин)	под яровыми (десятин)	под рожью (десятин)	под яровыми (десятин)	Всего (десятин)
1746	273	247	192	165	290	290	1457
1747	261	198	175	184	298	396	1512
1748	147	330	184	184	396	294	1535
1749	285	261	184	184	290	298	1502
1750	261	147	184	184	298	401	1475
1751	132	285	184	184	401	290	1476
1752	300	261	184	184	290	298	1517
Итого	1659	1729	1287	1269	2263	2267	10474

Колебания в площадях высеваемых культур были вызваны погодными условиями. Нередко, несмотря на тяжелый труд, крестьянину не удавалось засеять озимый и яровой клин в срок. Поэтому крестьяне высевали на своих полях такие культуры, которые при имеющихся орудиях труда и агротехнике давали бы максимум урожая.

По многочисленным документальным сведениям, основными зерновыми культурами являлись рожь и овес. Рожь занимала от 40 до 60% посевов, овес — от 20 до 30%. Около 10% отводилось под гречиху. Широко было распространено возделывание проса, полбы, ячменя. Посевы гороха, пшеницы, конопли и льна были незначительны.

В структурах яровых хлебов и крупяных культур у кре-

стьян помещика В. П. Поспелова в селе Исса в 1735 г. имелись овес, гречиха, просо и полба. Овес занимал 200 десятин, (44%) ярового клина, гречиха — 100 (22,2%), просо — 100 (22,2%), полба — 50 десятин (11,2%)[4].

На этот же год в 22 помещичьих имениях Саранского уезда под овсом было занято 56,5% ярового клина, под гречихой — 25,8, под просом — 8,8, под полбой — 6,3, под пшеницей — 1,2, под горохом — 0,5, под ячменем — 0,7, под коноплей — 0,1%. Во всех барских запашках высевались овес и гречиха, в большинстве — полба и просо, а ячмень, горох, пшеница и конопля — лишь в редких хозяйствах. Большинство перечисленных культур и в таком же соотношении высевалось и на дворцовой десятинной пашне. В 1747 г. по Троицкой волости под рожью было занято 58,2%, под овсом — 24,4, под просом — 9,8, под гречихой и пшеницей — по 4,3% всей площади[5].

Структура посевов на дворцовой и государственной десятинной пашнях, у помещиков и в крестьянских общинах различалась незначительно. Обращает на себя внимание то, что во всех этих владельческих группах высевали гречиху, и причем ее доля в некоторых случаях достигала четверти всех посевов. Из крупяных много также высевалось проса и полбы. Эти культуры при отсутствии картофеля решали главным образом проблему питания населения. Кроме того, высевая гречиху, крестьяне имели возможность заниматься пчеловодством практически повсеместно. Несмотря на сокращение липовых рощ и луговых угодий, медосбор за счет увеличения посевов гречихи не уменьшался. С каждого гектара посева этой культуры при благоприятных погодных условиях можно было получать до 70 кг меда и больше, что являлось существенным подспорьем в обеспечении крестьянской семьи продуктами питания.

Овес выращивали с целью получения фуража как для личного скота, так и для армейских лошадей.

Главная зерновая культура Мордовии — рожь — употреблялась как пищевой продукт. Из нее пекли хлеб, получали солод и варили кулагу*. Много ржи вывозилось на

* Кулага — мордовское национальное блюдо. Ее варили из ржаного солода, добавляя лесные кислые яблоки, сушеную клубнику, вишню, калину, землянику, смородину в разных пропорциях. Это кушанье не являлось обрядовым и употреблялось в течение всего года как обычная еда.

рынок и закупалось винокуренными заводами.

Крестьяне Поволжья сажали репу, которая считалась важным продуктом и употреблялась для приготовления щей, супов и других блюд.

Соотношение возделываемых культур и результатов труда земледельцев зависело и от качества почвы. Территория Мордовии является переходной полосой от нечерноземного севера к черноземному югу. Поэтому на ее территории встречаются различные почвы: от супесков и суглинков на западе и севере до черноземов в левобережье Мокши, в междуречье Алатыря и Суры. По рекам Мокша и Алатырь и сейчас находятся пойменные почвы.

Приведем сведения очевидцев о качестве земли в мордовском крае в XVIII в. Подполковник В. И. Свечин при обследовании заповедных лесов уездов Казанской и Нижегородской губерний отмечал, что в Алатырском уезде земли «к хлебородию способные, требующие несколько навозу»[6]. Указания на качество почв Мордовии имеются и в записках ученых-путешественников. Так, П. С. Паллас, вступая в пределы Саранского уезда, в августе 1768 г. писал: «Здесь показалась та тучная пахотная земля, которая находится при Суре...»[7]. Черноземные участки были богаты перегноем и удобрений не требовали. «Земледельцы никогда не унавоживают своих полей, но обыкновенно дают только на третий год отдыхать», — отмечал Паллас. Более того, он считал, что вредно удобрять черноземную почву. «Есть ли бы похотели сию тучную землю унавоживать, то бы хляб выбежал очень скоро и высоко, после того повалился и погниль бы до созрения»[8].

Не вся пашня удобрялась и в Алатырском уезде. В документе за 1766 г. отмечается, что «на поля навоз хотя и вывозят на озимые пашни в половине лета, а на яровое в середине осени, и на новоунавоженных полях сеют всякой хлеб, однако же очень мало унавоживают»[9]. В западных районах Мордовии на суглинистых и супесчаных землях пашню удобряли[10].

Основными пахотными орудиями крестьян являлись плуг и соха. Плугом распахивали залежные и целинные земли, а также суглинки, сохой — уже введенные в оборот черноземные и супесчаные почвы.

Применение плуга на территории Мордовии ограничивалось тем, что большинство крестьянских хозяйств не

имело нужного количества лошадей и поэтому, где только было возможно, довольствовалось сошной обработкой земли, требовавшей в качестве тягла одну лошадь.

На крестьянских полях применялась борона с деревянными зубьями. Борона с железными зубьями была редкостью.

Крестьяне тщательно готовили землю к посевам. Все циклы полевых работ были строго расписаны по времени и последовательности. Оптимальные сроки сева (в зависимости от условий года) неукоснительно выполнялись. В Алатырской провинции «земледелие ж производится следующим образом: — отмечается в документе, — под рожь земля впервые пашется и боронуется в июне месяце, которую достаточные и тщательные земледельцы двоят, а некоторые однако ж очень редкие, троят, а потом в августе месяце сеют рожь и оную запахивают, а весною, во-первых, землю пашут и боронуют под конопли и под пшеницу, а потом сеют горох на непаханную, а овес и полбу достаточные и тщательные земледельцы на паханую, а недостаточные на непаханую землю, и посев тогда ж запахивают и забоpанывают. А после посеения гороха, овса и полбы на вышеозначенной паханной и выборованной земле сеют конопли и пшеницу, которую также запахивают и забоpанывают, а потом пашут и боронют землю под гречуху и под лен, приготовя показанным порядком землю, сеют гречуху и лен, и посев гречуху запахивают и забоpанывают, а лен некоторые также запахивают и боронуют, а прочие только забоpанывают»[11].

Много сил и времени требовал от крестьян уход за посевами. При неглубокой вспашке сорняки быстро набирали силу и душили посевы, особенно страшны они были для яровых. Поэтому повсеместно практиковалась прополка яровых культур, местами она проводилась два раза.

Большой вред посевам и сенокосным лугам наносили потравы их скотиной. Об этом свидетельствуют многочисленные челобитные крестьян и помещиков. Отдельные общины свои надельные пахотные участки и луга огораживали. Например, мордва деревни Польской Цыбаевы Темниковского уезда делала городьбу вокруг озимого поля[12].

Хлеба убирались косами (гречиха, полба, горох, частично овес) и серпами (рожь, пшеница). Сжатый хлеб как русские, так и мордовские крестьяне складывали в скир-

ды прямо на полях; если позволяло время и расстояние до жилья, то частично свозили к себе на гумна во время уборки. На гумне размещались овины с огуменниками и другие постройки[13].

Молотьбу хлебов производили цепами, иногда и лошадьми, гоняя их по кругу, застланному необмолоченным хлебом.

Травы скашивались косами, копны и стога ставились на лугах. Осенью в хорошую погоду, а чаще в начале зимы, с установлением санного пути, они перевозились в деревню[14].

Приемы обработки земли мордвой, русскими и другими народами Среднего Поволжья имели много общего. Трудолюбие мордвы при обработке пашни отмечал П. С. Паллас: «..должно им приписать похвалу, что они рачительные пахари, и почти Российских мужиков в том превосходят»[15]. Сравнивая чувашей, татар и мордву, другой очевидец, путешественник И. И. Лепехин писал: «Они все упражняются в хлебопашестве, но с тем только различием, что мордва больше сеют других»[16].

Наравне с мужчинами во всех сельскохозяйственных работах принимали участие женщины и дети. Этот же исследователь отмечал: «Женский пол как у мордвы, так и у чуваш весьма рабоч, и не только способствует своим мужьям, но и сами пашут, косят сено и возят, и почти всякую работу, какую и их мужья, отправляют»[17].

Кроме того, женщины занимались прядением и ткачеством, всевозможными домашними работами: готовили еду, стирали, убирались, ухаживали за посевами, огородом.

Неблагоприятные погодные условия, трудоемкость полевых работ, низкая агротехника, уничтожение посевов саранчой служили причиной частых неурожаев. Нередко погибал весь урожай. В Саранском уезде в неурожайный 1735 год в некоторых селениях яровые хлеба полностью погибли. Так, в вотчине помещика И. Ю. Бахметьева в селах Покровском (Акшино тож) и Богородском (Низара тож) с деревнями было посеяно овса 60 десятин, гречихи — 10, гороху — 5, проса — 5 десятин. Из-за поздней весны и холодного лета хлеб не созрел, «запал весь в поле снегом»[18]. В Мордовии недороды и неурожаи повторялись примерно через три-четыре года. Особенно тяжелыми для населения края были неурожаи 1722, 1733—

1735, 1748—1749 годов. Капитан Назарьев, обследовавший 118 русских и мордовских сел и деревень Алатырского уезда, в связи с неурожаем 1722 г. в своем доношении от 27 мая 1723 г. на имя казанского губернатора генерал-майора С. А. Салтыкова писал, что большая часть людей «...питаются с великою нуждою покупным и лебедным хлебом. У мордвы отдельных деревень, как, например, Чиндяново и Нижние Чукалы, «никакого хлеба нет». Не было хлеба той весной и у крестьян многих русских деревень уезда. Невыносимо трудными были голодные 1733—1735 гг. В донесении Нижегородской губернской канцелярии в Сенат отмечалось, что «в прошлом 733 и в нынешнем 734 годах ржаной и еровой хлеб, не родился, и многия в полях полосы к предбудущему 735 году рожью не посеяны и залегли пусты и не токмо как в пред крестьяном пропитание иметь, но и помирают голодом и ядют макину и траву лебеду, и дубовые желутки с малым к тому примешанием ржаной и еровой муки, и от такого гладу многие крестьяне бежали, а другие бродют по миру»[19]. Чуть поправившееся сельское хозяйство снова было подорвано неурожаями 1748—1749 гг., тогда посевы уничтожались еще саранчой. В приговоре Сената от 26 февраля 1749 г. указывалось Воронежской губернской канцелярии на необходимость принятия срочных мер по спасению от голодной смерти крестьянского населения, потому что они «питаются лебедой и травою и желудмя и оного недостаточно»[20].

Обеспокоенное падением платежеспособности населения, что явилось следствием неурожайных годов и усиления эксплуатации крестьян владельцами, правительство принимало меры по сохранению налогоплательщиков. На время указами запрещалось винокурение, голодающим отпускался хлеб из государственных запасов, помещикам и монастырям предписывалось выдавать крестьянам хлеб на прокормление и на семена. Зимой 1735 г. для мордовских и русских дворцовых крестьян Алатырского, Арзамасского, Краснослободского, Троицкого и Наровчатского уездов и запасов Тамбовских дворцовых волостей отпущено ржи — 2700 чт., овса — 5700 чт., гречневых круп — 400 чт., ячменя — 200 чт., проса — 100 чт.[21]. Всего крестьяне указанных волостей получили около 73000 пудов разного хлеба.

Частичные неурожаи, и особенно голод 1734—1735 гг.,

заставили правительство изыскивать меры по созданию запасов хлеба на случай неурожая. В Троицкой, Красно-слободской, Наровчатской волостях с 1746 г. была возобновлена десятинная пашня[22]. В некоторых помещичьих имениях на случай недорода из крестьянского хлеба создавался как бы страховой фонд, который хранился в господских амбарах. В селе Большие Березники в имении графа М. Головкина с 1740 г. хранилось 1000 чт. (8000 пудов) овса. Этот хлеб раздавался нуждающимся взаймы[23]. Однако эти меры были единичны, требовавшегося запаса зерна на случай неурожаев в первой половине XVIII в. создано не было. При производственных отношениях, господствовавших при феодализме, не могло быть и речи об удовлетворении потребностей большинства населения.

Единичные меры по решению этой жизненно важной для крестьянства задачи сталкивались с феодально-крепостнической эксплуатацией и, как следствие, — с низким уровнем развития производительных сил, обусловливавшим в свою очередь уровень агротехники. Общеизвестно, что одним из основных показателей состояния земледельческого производства является урожайность озимых и яровых культур. При скудности сведений на этот счет нельзя указать урожайность культур по годам за XVIII век. Те данные, которыми мы располагаем, позволяют в целом говорить об урожайности тех или иных культур только по некоторым годам. Так, у дворцового крестьянина Керенского уезда Кузьмы Герасимова в 1734 г. урожай ржи составил сам — 5, овса — 7, примерно столько же и гречихи[24]. Урожай яровых культур на десятинной пашне в Троицкой волости в 1746 году был: овса — сам — 3,4, ячменя — 2,3, полбы — 3,5, гречихи — 3,7, проса — 16[25]. В имении убитого в «бунт» Константина Языкова в селе Своятинове Саранского уезда урожайность по онекунским книгам в 1766 г. равнялась: ржи — сам — 4,5, овса — 3, пшеницы — 4,7, полбы — 1,2, гречихи — 4[26]. В Алатырском уезде, по данным 1766 г., «урожай в обыкновенные годы против семян ржи и пшеницы вчетверо, а полбы и овса и протчих хлебов впятеро бывает»[27]. В неблагоприятные годы урожайность составляла сам — 2 и меньше. В доношении в Сенат из Алатыря от 20 августа 1735 г. об урожайности ржи и от 15 октября об урожайности яровых культур указывается, что озимые и яровые хлеба дали с десятины сам — 2 и

меньше. Такой же урожай был в этом году и в Арзамасской провинции. Хлеба, которые были побиты морозами, — «с тех во многих местах семян собрано в полы, а с иных и семян не взято». Несколько лучше в 1735 г. обстояло дело в Шатской провинции. В дворцовых Краснослободских селениях, например, ржи в умолоте против сева «втрое и вчетверо»[28].

Таким образом, средняя урожайность хлебов в XVIII в. не превышала, по-видимому: ржи — сам — 4-6, яровых культур — сам—5-7.

В Мордовии наряду с хлебопашеством занимались огородничеством и хмелеводством. Огородничество как у русских, так и у мордвы было сравнительно развито. В Алатырском уезде выращивали капусту, огурцы, лук, свеклу, редьку, морковь, тыкву, бобы, чеснок, репу. Картофель стали сажать лишь в конце XVIII в. и то в небольшом количестве. Садоводство делало только первые шаги. Сады появлялись в имениях помещиков, у жителей городов и у дворцовых крестьян. В вотчине И. П. Шафирова в селе Троицком в 1748 г. был сад «яблоневый», в котором насчитывалось 18 деревьев. Помещик В. Ф. Прокофьев продал в 1751 г. капитану В. Ф. Пушкину деревню Мизярян Саранского уезда «с людьми и со крестьяны: с землей и с садом»[29]. Сады были и в хозяйствах некоторых русских крестьян Алатырской и Краснослободской дворцовых волостей. Занятие садоводством, хмелеводством, пасечным пчеловодством поощрялось указами Дворцовой канцелярии. Среди дворцовой мордвы Алатырского и государственной Саранского уездов имело широкое распространение хмелеводство. Больше всего товарного хмеля собиралось в Алатырском уезде, где уже в первой половине XVIII в. перешли на культурное хмелеводство. По переписи 1746 г., в дворцовых селах и деревнях этого уезда площадь хмельников составляла «76 десятин с третью и 19 сажен». С этой площади снимали урожай в год «525 пуд с полу и более»[30]. Кроме культурных хмельников у мордовских крестьян имелось много лесных хмельников, с которых снимали «дикий» хмель. Хмель являлся в XVIII в. одним из главных товаров, вывозимых мордовскими крестьянами.

Животноводство, наравне с землепашеством, являлось главным занятием крестьян Мордовии. Товарного значе-

ния животноводство Мордовии практически не имело. Оно служило, главным образом, для потребления внутри собственного хозяйства. Мордвины, как и русские крестьяне, содержали лошадей, коров, овец, свиней и коз. Татары содержали всякий скот, кроме свиней. Большое значение для крестьянского хозяйства имели лошади. Одну голову содержали только маломощные хозяйства. Больше скота было у мордовских, русских и татарских дворцовых и государственных крестьян. Крепостные крестьяне многих селений не имели своих лошадей. На их дворе содержались господские лошади и то в минимальном количестве[31]. Опись семи мордовских хозяйств, бежавших из дворцовых селений Алатырского уезда в 30-х гг. XVIII в. и проживавших в деревне Старое Багино Казанского уезда, показывает, что в среднем на один двор приходилось 2,1 лошади, 1,4 коровы, 8,3 овцы, 2,6 свиньи[32]. Опись 83-х хозяйств русских крестьян села Дмитриевского, Царевщины тож, вотчины царицы Елизаветы Петровны, в среднем на одно хозяйство дает те же показатели: лошадей — 2,3, коров — 1,1, овец — 8,4, свиней — 1,1[33].

Многоотраслевое крестьянское животноводство требовало и различных построек для содержания скота. У многих были конюшни, хлевы, а иногда огораживался один общий двор, и каждый вид скота содержался отдельно.

Скот летом пасся на общинных пастбищах и в лесу. Использовалось под пастбище и паровое поле. Для некоторых общин помещичьих крестьян эта система полеводства при отсутствии достаточного количества пастбищ, лесных участков, заболоченных и заовраженных мест, давала единственную возможность содержать скот. Нередко рогатый скот и конское стадо паслись вместе, на одних и тех же угодьях. Свиней также пасли, но отдельно от другого скота[34]. Крестьянский скот не везде равномерно был обеспечен естественной кормовой базой. К этому, как известно, добавлялось неравномерное (причем гораздо в большей степени, чем надельной земли) распределение пастбищных и сенокосных угодий между различными крестьянскими обществами. Зимой скот кормили сеном и «полбяною и яровою сечкою», в которую подмешивали муку, и смесь обдавали кипятком[35]. Рабочих лошадей во время зимних выездов и весенней пахоты кормили еще и овсом. Основным же кормом для большинства видов скота являлись гуменные и полевые отходы сельскохозяйст-

венных культур: солома, мякина и т. п. Наиболее ценным кормом считалась яровая солома — овсяная и просяная. На это указывает очевидец И. И. Лепехин[36].

В неурожайные годы крестьяне лишались возможности заготовить необходимое количество сена, соломы и отходов яровых и озимых культур; для скота практически не отпускались овес и мука. Бескормица и плохое содержание, отсутствие зооветеринарной помощи вели к падежу крестьянского скота. Эпизоотии наносили большой ущерб животноводству на территории Среднего Поволжья. Падеж скота периодически охватывал все уезды Мордовии. Моровые язвы распространялись очень быстро: заразившийся скот погибал в течение нескольких часов. Так, в 1739 г. в донесении в Темниковскую ратушу староста Василий Приезжев так описывал эпизоотию, свирепствовавшую в июле во всем уезде: «...выкидывается шишка на плече, и под брюхом и по прочим местам, и оттого час от часу прибавляется опухоль, и егда появится та шишка или опухоль, то уже лошади и протчей скот, в которой та язва будет, через полдня жива быть не может»[37]. Академик И. И. Лепехин, находясь в Алатыре в августе 1768 г., несколько страниц своих «записок» посвятил причинам падежа скота и советам, как лечить скот[38].

Птицеводство товарного значения не имело. Для собственных нужд крестьяне всех национальностей содержали небольшое количество кур. Индейки, утки и гуси были во всех крестьянских дворах.

Крестьяне Мордовии, особенно мордовской национальности, занимались частично и бортничеством. Бортничество по-прежнему сохранялось в лиственных массивах по рекам Суре, Мокше, Алатырю и их притокам. Однако ареал их распространения в связи с вырубкой лесов для нужд поташной промышленности, винокуренных и железоделательных заводов, крестьянских промыслов*, расчисткой под пашню и сенокосы резко сокращается. Падению бортного промысла во многом способствовало и то, что с увеличением численности населения участились

* Например, только для изготовления так называемых парей (долбленых кадушек с крышкой, нередко богато орнаментированных, служивших в те времена вместо сундука, куда складывалось приданое невесты) требовалось большое количество вековых лип. Подробнее см. о парях: Мартьянов В. Н. Памятники прикладного искусства мордовы. Саранск, 1971.

случаи воровства меда из бортей, сопровождавшиеся, как правило, вырубкой самого дерева или «выжжением». В том и в другом случае пчелосемьи погибали, труд бортника пропадал. О таких фактах источники начинают сообщать уже со второй половины XVII в. В северных районах расселения мордвы значение бортничества как самостоятельной отрасли крестьянского хозяйства утрачивается еще раньше. Поэтому не случайно, что бортники нередко почти за бесценок продавали свои дальние ухожаи. В некоторых случаях они переселялись поближе к своим далеко расположенным от их места жительства промысловым угодьям. Расселение мордвы на большей части Среднего Поволжья продолжалось и в XVIII веке. И не последней причиной этого, на наш взгляд, была хозяйственная необходимость дальнейшего освоения принадлежащих им лесных массивов. Бортные ухожаи и находящиеся в них бортные деревья, обозначенные знаком бортника, являлись объектом продажи и обложения в пользу казны. Первоначально продаже подлежали, по-видимому, знаки (знамена), олицетворявшие собой собственность и распространявшиеся на довольно большом пространстве промыслового района какой-либо конкретной группы мордвы. В XVII—XVIII вв. эта форма продажи собственности эволюционирует в сторону конкретного объекта — борти. Так, князь Ромаданов в первой половине XVII в. приобрел бортные ухожаи группы деревень Темниковской мордвы. В лесных дачах графа Михаила Головкина, доставшихся ему как приданое жены, по реке Суре был бортный ухожай, в котором в 1742 г. насчитывалось 107 бортей[39]. Бортные угодья облагались с давних пор специальным оброком в пользу казны. Крестьян заставляли платить даже тогда, когда бортный промысел в некоторых местах уже потерял свое значение и вследствие сокращения числа бортей пришел в упадок. Например, дворцовые крестьяне Троицкой волости в 1731 г. за владение такими угодьями должны были заплатить 97 руб. 40 3/4 коп.[40].

Крестьяне и раньше занимались пасечным пчеловодством. Но в XVIII в. по сравнению с бортничеством этот вид занятий становится основным. Прибыльщики времен Петра I установили специальный налог с пасечных ульев по 8 денег с улья, который взимался в первой четверти XVIII в., согласно переписям «пчелиных заводов». Этот

вид податей взимался отдельно от оброка за содержание бортневых ульев. Пасечным пчеловодством, как видно из документов, в основном занималась мордва. Редкая мордовская семья в XVIII в. не имела пасеку. В Темниковском уезде в 1724 г. у 309 мордовских семей насчитывалось 3283 пчелиных улья, не считая бортей. В среднем на одну семью приходилось 10,4 улья[41]. В Алатырском уезде в 1746 г. у русских и мордовских дворцовых крестьян было 7145 ульев, в том числе у мордвы 5793, у русских 1352[42]. То, что многие мордовские крестьяне содержали пасеки, подтверждают слова П. С. Палласа: «Они же обыкновенно имеют пчельники, и столько оных содержат, сколько им возможно, и время к тому допущает»[43]. Согласно таможенным книгам, мордва торговала медом и воском. Русское население в основном содержало ульи для своего обихода. Сведениями о наличии пасек у татарского населения в XVIII в. мы не располагаем.

Не последнее место в хозяйствах крестьян тех селений, которые располагались по рекам и их притокам, занимало рыболовство. Следует иметь в виду, что в XVIII в. на притоках Суры, Алатыря, Мокши имелось много плотин, обслуживающих водяные мельницы и различные заводы. В реках и в прудах водилось много рыбы. Только в бассейне реки Суры насчитывалось в те времена более 40 видов рыб. Отлов в значительном количестве таких видов, как осетр, севрюга, стерлядь, белорыбица, зафиксирован различными документами той эпохи. В Сурском бассейне водились, кроме указанных, ныне исчезнувшие: хариус, ручьевая форель, черноспинка, шип и др. В большом количестве вылавливалась менее ценная рыба: щука, голавль, язь, жерех, лещ, сазан, линь, сом, судак, окунь и др., которая в основном шла на крестьянский стол и частично на продажу[44]. Места отлова ценных рыб захватывались помещиками, монастырями и поэтому для крестьян они были недоступны. Вылавливаемая ценная рыба шла в виде столовых запасов в домовые канцелярии помещиков, Дворцового ведомства и царя. Рыба вылавливалась сетями, самоловами, бреднями. На реках Суре, Алатыре, Мокше у некоторых помещиков были свои рыболовные ватаги (артели) из крепостных крестьян, отлавливающих рыбу для своих господ и на продажу[45].

Определенную роль в жизни мордовских крестьян в XVIII в. играла охота. Этим промыслом они занимались

осенью и зимой. В лесах Мордовии тогда водились лоси, медведи, волки, рыси, хори, бобры, куницы, зайцы, белки и промысловые птицы: тетерева, глухари, утки. Занятие охотой давало крестьянской семье мясо, а шкуры зверей поступали на рынок. Об этом сообщает и П. С. Паллас. «Живущие в лесистых странах ходят зимою и на звериные промыслы, и не пропускают никакого случая, при котором можно получить себе прибыль»[16]. Однако следует отметить, что роль охоты, как и других лесных промыслов, для мордовского крестьянства падает. Основным и едва ли не единственным занятием большинства населения остается землепашество, роль которого неизмеримо возрастает.

Таким образом, сельскохозяйственное производство на территории Мордовии в XVIII в. по системе полеводства, составу возделываемых культур, технике земледелия, методам сельскохозяйственных работ, видам разводимых домашних животных и птиц и другим занятиям населения мало чем отличалось от центральных и поволжских областей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по кн.: **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, с. 80.
2. ЦГАДА, ф. 1091, оп. 3, д. 46, л. 52.
3. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 62, д. 30151, л. 364.
4. Там же, ф. 248, оп. 15, д. 847, л. 434—444.
5. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 66, д. 31058, л. 28.
6. Цит. по кн.: **Димитриев В. Д.** Указ. соч., с. 83.
7. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1809, с. 90.
8. Там же, с. 91.
9. **Димитриев В. Д.** Указ. соч., с. 84.
10. **Заварюхин Н. В.** Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII — начале XVIII в. — В кн.: Исследования по истории Мордовской АССР. Труды, вып. 55. Саранск, 1975, с. 83.
11. Цит. по кн.: **Димитриев В. Д.** Указ. соч., с. 87.
12. ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, д. 193, л. 1, 3 об.
13. Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 30, л. 5—13; ф. 896, оп. 1, д. 29, л. 2; д. 15, л. 358.
14. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 70, д. 32712, л. 6.
15. **Паллас П. С.** Указ. соч., с. 93.
16. **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768—1769 гг., ч. 1, СПб., 1871, с. 141.
17. Там же, с. 141.
18. ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 751, л. 12.
19. Там же, оп. 15, д. 902, л. 498.

20. Там же, д. 847, л. 440.
21. Там же, оп. 13, д. 751, л. 202—203.
22. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 66, д. 31056, л. 20 об.-21.
23. ЦГАДА, ф. 569, оп. 1, д. 76, л. 94.
24. Там же, ф. 248, оп. 15, д. 876, л. 523—524.
25. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 66, д. 31056, л. 10 об.-21.
26. Там же, ф. 569, оп. 1, д. 290, л. 2.
27. **Димитриев В. Д.** Указ. соч., с. 91.
28. ЦГАДА, ф. 248, оп. 15, д. 847, л. 291 об., 427 об, 240, 370.
29. Там же, ф. 569, оп. 1, д. 176, л. 3 об.
30. Там же, ф. 1239, оп. 1, ч. 51, д. 368, л. 180.
31. Там же, ф. 569, оп. 1, д. 47, л. 23.
32. Там же, ф. 1071, оп. 1, д. 63, л. 74—80 об.
33. Там же, ф. 1239, оп. 1, ч. 51, д. 351, л. 29—53.
34. Там же, д. 368, л. 7; ф. 1071, оп. 1, д. 21, л. 1.
35. **Лепехин И. И.** Указ. соч., с. 149—150.
36. Там же, с. 150.
37. ИТУАК, вып. 43, Тамбов, 1898, с. 110.
38. См.: **Лепехин И. И.** Указ. соч., с. 105—112.
39. ЦГАДА, ф. 569, оп. 1, д. 76, л. 37.
40. Там же, ф. 1239, оп. 1, ч. 51, д. 33, л. 4 об.
41. **Заварюхин Н. В.** Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII—начале XVIII вв.—В кн.: Исследования по истории Мордовской АССР. Труды, вып. 55, Саранск, 1975, с. 85.
42. ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 70, д. 32721, лл. 104—125.
43. **Паллас П. С.** Указ. соч., с. 83.
44. **Душин А. И., Бузакова А. М., Каменев А. Г.** Фауна реки Суры. Саранск, 1983, с. 55—56.
45. ЦГАДА, ф. 569, оп. 1, д. 76, лл. 234 об.-236.
46. **Паллас П. С.** Указ. соч., с. 83—84.

В. К. Прокаев

О КРЕСТЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛЕ В МОРДОВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Рыночные отношения в деревне Мордовии в период складывания единого всероссийского рынка изучены слабо. Между тем они представляют значительный интерес. В рыночных связях деревни находили свое отражение важнейшие черты социально-экономического строя позднефеодальной Мордовии. В данной работе предпринята попытка исследования деятельности крестьян Мордовии в сфере торговли во второй половине XVII—начале XVIII века. В работе рассматриваются масштабы и формы торговли крестьян, ассортимент их товаров, а также характер торговых операций и социальный облик участвовавших на рынке крестьян. Выяснение этих вопросов позволит охарактеризовать основные особенности сельской торговли и сельского торгового капитала Мордовии второй половины XVII—начала XVIII века, показать степень влияния рыночных связей того времени на хозяйственную деятельность и социальную структуру крестьян.

Район исследования в основном совпадает с территорией современной Мордовии, в которую в рассматриваемое время входили полностью (или почти полностью) уезды Саранский, Темниковский, Инсарский, Краснослободский, Троицкий, и частично Алатырский, Арзамасский, Кадомский, Наровчатский и Шатский. Во второй половине XVII в., после строительства Белгородско-Симбирской оборонительной черты, Мордовия утратила свое прежнее «украинное» положение и входила в число обжитых регионов России[1].

Рынок Мордовии XVII—начала XVIII века в литературе специально не изучался. Некоторые его стороны освещались в соответствующих разделах обобщающих трудов по истории Мордовской АССР[2]. Содержащиеся в них наблюдения и выводы о местном рынке основаны главным

образом на результатах изучения книг таможни и кружечного двора г. Саранска за 1691/92 г., которые были опубликованы с посвященной им статьей коллектива сектора истории МНИИСК[3]. Отдельные положения этой работы (мы их затронем в ходе дальнейшего изложения) требуют дополнений и поправок. Сведения о крестьянской торговле в Мордовии второй половины XVII—начала XVIII в. имеются и в других работах. Среди них отметим исследования В. Д. Димитриева, Л. Г. Дубинской, В. Р. Тарловской[4].

Наиболее содержательными источниками о торговле рассматриваемого времени являются таможенные книги*. Торговые операции крестьян отразились также в таможенных выписях, таможенных ведомостях и справках, книгах кружечных дворов и конских площадок. Отмеченные источники значительно дополняются данными переписных и оброчных книг, крепостных актов, различных видов челобитных и других документов местных и центральных учреждений, освещающих условия и мотивы торговли крестьян, положение сельских торговцев и др. Одним из недостатков имеющихся источников является то, что они содержат мало сведений о рядовых сельских торжках, операции на которых из-за их небольших размеров обычно не описывались. Мелкие торговые операции далеко не всегда описывались в таможенных книгах; известно также, что в таможенных книгах отражались не все операции, осуществлявшиеся на местных рынках. Однако, несмотря на указанные недочеты полнота и представительность сохранившихся источников позволяют решить задачи работы.

По таможенным книгам и другим документам достаточно полно выявляется ассортимент товаров местных крестьян, которые составляли основную часть продавцов на сельских и городских торжках Мордовии. Наиболее крупные из местных торжков находились в городах Саранске, Темникове, Инсаре, центрах дворцовых волостей (в начале XVIII в. — уездов) Красной Слободе и Троицком остроге, в селах Лада, Старые Березники Саранского, Пурдошки Шатского и Новотроицкое (Ардатово) Алатыр-

* В работе использовались таможенные книги Саранска за 1678/79 и 1691/92 гг.; Красной Слободы за 1719—1720 гг.; Касимова за 1654/55 г.; Темникова за 1711 г.; Кадома за 1712 г.; Керенска за 1711 г.; Алатыря за 1714 г.; с. Пурдошки за 1715 г.; Троицкого острога за 1723 г.[5] и др.

ского уездов. В начале XVIII в. оборот саранского торжка составлял 14—15 тыс. руб., пурдошевского 8—9 тыс. руб., краснослободского 4—5 тыс. руб.; обороты остальных указанных торжков не превышали 3 тыс. руб.

О том, что крестьяне преобладали среди продавцов местного рынка свидетельствует доминирование на нем сельскохозяйственных товаров. При этом следует отметить, что сельским хозяйством занималась большая часть городского населения Мордовии, однако из-за относительной малочисленности его роль в производстве сельскохозяйственных товаров была незначительной.

Кроме отмеченных выше в селах Мордовии второй половины XVII—начала XVIII в. было еще 15—20 торжков по размерам меньших. Влияние этих торжков в основном ограничивалось пределами волостей и компактных групп селений, их годовые обороты составляли от нескольких десятков до нескольких сотен руб. В западных районах Мордовии сельские торжки — в с. Акселе, Дубровки, Девичий Рукав, д. Мансыреве (Теньгушеве), с. Пурдошки— возникли до середины XVII в. В восточных районах Мордовии сеть торжков складывается после завершения строительства симбирской оборонительной черты. В конце XVII—начале XVIII в., интенсивно заселявшиеся восточные районы Мордовии по количеству торговых пунктов и общему уровню развития торговли несколько превосходили ее западные районы. Кроме еженедельных торжков в ряде селений Мордовии проводились небольшие ежегодные ярмарки. В местных уездных центрах и в с. Лада осуществлялась постоянная торговля в лавочных рядах. Большую роль в торговой жизни Мордовии играла развозно-разносная торговля, посредством которой в значительной мере удовлетворялся спрос сельских жителей на ремесленно-мануфактурные изделия. Действовавшие на местном рынке скупщики часть своих операций обычно осуществляли в селениях, где торговых пунктов не было. Вывоз товаров из Мордовии значительно превышал ввоз, состоявший из соли, рыбы, небольших партий галантереи, тканей, металлов и др.

Данные таможенных книг и других документов показывают возрастание значения в торговле местных крестьян продуктов земледелия. Хлеб являлся основным товаром рынка Мордовии уже в середине XVII в. Красная Слобода и Темников были в это время пунктами постоянных за-

купок купцов, снабжавших хлебом Москву[6]. О наиболее распространенных товарах крестьян Мордовии в середине XVII в. дают наглядное представление данные таможенной книги г. Касимова за 1654/55 г. В ней зафиксировано 27 групповых и 4 индивидуальных явок товаров русскими, мордовскими и татарскими крестьянами Темниковского и Кадомского уездов. Кроме того на касимовском торге осуществила 11 явок мордва Арзамасского, Керенского, Верхне и Нижнеломовского уездов. В общем счете по 41 явке было продано 464 воза ржи, овса, пшеницы, проса, пшена, ячменя, гречихи и гороха. Мордва д. Очадова Керенского уезда наряду с 17 возами ржи и пшеницы продали 5 пудов меда и 5 «кож говяжьих». Точное соотношение различных сельскохозяйственных культур в явках крестьян из-за формы их описаний установить не удается. Однако рожь присутствовала почти во всех явках. Овес и пшеница в нескольких полностью описанных явках занимали почти одинаковое место и составляли около трети от количества ржи. Пшена и гречихи было продано по возу, остальных культур — не более двух-трех возов. Отдельными продавцами было явлено: в первом случае 4 воза ржи, овса и проса на 4 руб. 18 коп., во втором — 2 воза ржи на 2 руб., в третьем — 2 воза ржи и 1 воз пшеницы на 3 руб. 60 коп., и в четвертом — 2 воза пшеницы на 3 руб. Хлеб на различных возах, как показывают цены, по объему и качеству отличался незначительно, а средние размеры возов составляли 25—30 пудов*.

Примечательно, что в таможенной книге г. Касимова за 1721 г. не зафиксировано ни одного продавца из Мордовии. Между тем торговые люди Касимова и других приокских городов были в это время активными участниками примокшанских торжков. В этом обстоятельстве очевидны возросшее значение местных торговых пунктов и усиление их связей с центральными районами страны. Так, в 1715 г. из пурдошевского торжка было отправлено

* Вместе с крестьянами хлеб на касимовском торге являли 3 татарских мурз Кадомского уезда, превосходившие по размерам явок крестьян в 3—5 раз. В источниках конца XVII в. имеются факты о связях с рынком наиболее крупных помещичьих хозяйств Темниковского уезда. Так, в 1696 г. приказчики стольников А. М. Шейдякова и И. М. Кашаева заключали договора о доставке из Пурдошек в Ярославль и в Москву 1000 и 800 четвертей ржи[7]. Хлеб из помещичьих хозяйств в небольших размерах продавался и на местном рынке, чаще всего на крупных торжках.

15840,5 четверти* ржи, 895 четв. овса, 518 четв. пшеницы, 125 четв. гороха, 78 четв. конопляного семени. Причем подавляющая часть закупленного хлеба приходилась на представителей крупного купечества России: москвичей Н. Ф. Бронницкого и Д. О. Томилина, крестьян с. Дединова Коломенского уезда В. Милякова, М. И. Ярцева, Я. Я. и Я. С. Шустовых, переяславца П. К. Рюмина.

К концу XVII в. хлеб начинает доминировать на саранском рынке. Так, в 1691/92 гг. количество вывезенного из Саранска хлеба (1678/79 гг. он не вывозился) составило 2717 четв. ржи и 1008 четв. овса. В 1726 г. из Саранска было вывезено 7510 четв. ржи, 2467 четв. ржаной и 15 четв. пшеничной муки, 1258 четв. овса, 66 четв. пшена, 48 четв. гороха, 54 четв. гречихи[8]. В начале XVIII в. большое влияние на хлебный рынок Мордовии оказывала местная винокуренная промышленность, в которую вкладывали свои капиталы представители крупного российского купечества (Т. Миляков, П. Симонов, А. Рюмин, Н. Бронницкий и др.). Они являлись не только наиболее активными покупателями местного хлеба, но и крупнейшими в крае винопромышленниками и винными откупщиками. Промысловое винокурение в это время все больше привлекало местных помещиков и купцов, также становившихся постоянными покупателями крестьянского хлеба, отличавшегося в Мордовии на протяжении всего рассматриваемого времени низкими ценами (цена четверти ржи в обычные годы составляла 15—40 коп.).

По сравнению с рожью и овсом пшеницы и крупяных культур в Мордовии продавалось намного меньше. Незначительную роль на его рынке играли и технические культуры — конопля (пенька), лен и их семя. Пенька чаще всего встречалась на кадомских торгах, откуда в 1712 г. ее было вывезено 860 пудов.

Приведенные выше факты говорят о возрастании размеров продажи хлеба крестьянами, однако они не могут свидетельствовать об общем росте производства товарного хлеба в крестьянских хозяйствах. Увеличение хлеба на местном рынке следует связывать прежде всего с ростом численности сельского населения и расширением площади обрабатываемых земель. Так, в Саранском уезде

* В конце XVII—начале XVIII в. торговая хлебная четверть равнялась 8 пудам.

крестьянское население с 1678 по 1719 г. увеличилось в 4 раза и составило 42365 душ мужского пола[9]. Если с целью приблизительного определения товарности крестьянского земледелия сопоставить численность крестьянского населения с известным количеством рыночного хлеба (по данным 1726 г.), то показатель — 0,26 четв. на душу мужского пола — получится весьма скромным, даже при его удвоении. Примерно такой же показатель (0,23 четв. на душу м. п.) получается по Темниковскому уезду за 1711 г., где было продано 2200 четв. ржи и 30 четв. пшеницы. В 1719 г. в Темниковском уезде насчитывалось крестьянского населения 9849 душ м. п.[10], заметного возрастания населения и объема торговли за 8 лет там не произошло.

Из таможенных книг начала XVIII в. выясняется, что размеры продаж местными крестьянами хлеба собственного производства лишь в редких случаях достигали 5—7 четвертей. Наиболее же распространенной на рынке Мордовии была продажа хлеба осминами и четвериками. При общем увеличении продавцов хлеба на местном рынке, размеры их продаж по сравнению с серединой XVII в. фактически не повысились. Одна из важнейших причин этого заключалась в развитии в крае помещичьего землевладения, сопровождавшегося значительным сокращением земельных и прочих угодий крестьян.

Среди отраслей крестьянского хозяйства по уровню товарности выделялось хмелеводство, которое стимулировалось высоким спросом на хмель на внутреннем рынке страны. Вывоз хмеля из Мордовии постоянно возрастал. Так, в 1691/92 г. из Саранска было отправлено хмеля 1,5 кипы, в 1726 г. — 63 кипы. В 1714 г. из Алатырского уезда была вывезена 231 кипа хмеля. На московском рынке уже в 80-е годы XVII в. встречались торговцы хмелем из Мордовии[11], среди которых были продавцы, являвшие хмель собственного производства. В одной из книг Московской Большой таможни за январь—март 1726 г. зафиксировано пять таких явок мордвы из Арзамасского и Алатырского уездов. Деревни Курилова Арзамасского уезда Е. Сергеев с товарищами продали «хмелю своего домашнего саду» 89,5 пуда (4 кипы) на сумму 56 руб. Арзамасские мордвины Р. Леонтьев и С. Приставов продали своего хмеля соответственно 61,75 пуда (на 49 руб. 40 коп.) и 22,5 пуда (на 14 руб. 63 коп.)[12]. Как видно из

этих фактов, хмелеводство в ряде крестьянских хозяйств (хмелевые «сады» и «огороды» чаще встречались у мордвы) имело явные черты специализации. Причем, ярче всего они проявлялись в наиболее развитых в торгово-экономическом отношении уездах — Арзамасском, Алатырском, Саранском.

Близкое по своим условиям к хмелеводству крестьянское садоводство и огородничество большого влияния на местный рынок не оказывало. На мелочных торгах продукция местного садоводства и огородничества (яблоки, чеснок, лук, овощные семена и пр.) встречалась постоянно уже в начале XVII в. Очевидно, не позднее этого времени среди селений Мордовии по уровню развития садоводства выделяется Красная Слобода[13], откуда в 1719—1720 гг. было вывезено в ближние города и уезды не менее 26 возов яблок.

Постоянными на местных торгах были товары животноводства — лошади, крупный рогатый и мелкий скот, свиные туши, кожевенное сырье и овчины, мясо, сало, щетина, коровье масло, домашняя птица и др. По имеющимся источникам можно заметить, что распространенность на местном рынке отдельных видов товаров животноводства с течением времени изменялась. В XVII в. важной статьей рынка Мордовии были лошади и рогатый скот. Так, в 1661/62 г. крестьяне Красной Слободы продали в г. Козлове 88 лошадей, что составило около 15% от числа всех проданных лошадей на его конской площадке[14]. Лошади в это время были видным товаром на саранском рынке, хотя по сравнению с западными районами Мордовии там их было меньше и часть их пригонялась из соседних уездов. К концу XVII в. значительное место на саранских торгах начинают занимать и другие виды животноводческих товаров. Так, в 1691/92 г. на них было продано 404 «животин рогатых», 40 овец, 215 свиных туш, 386 пудов сала и 1455 «сырых» и «сухих» «яловичных кож», «овчин», «козлин» и «конин». Количество сырых и неотделанных кож, имевших высокий спрос на внутреннем рынке страны, увеличивается на саранских торгах в последующее время. В 1726 г. на них было продано 3530 «яловичных кож», 2064 «овчин и полст сухих», 234 «конины», 41 пуд коровьего масла, 315 пудов сала, 107 пудов щетины. В то же время количество закупленных голов рогатого скота и свиных туш уменьшается соответственно до 20

и 31. Сходная картина в торговле товарами животноводства наблюдалась в это время и в других районах Мордовии. Так, в 1712 г. из Кадома было вывезено 82 головы коров и быков и 1410 штук «сухих» и «сырых» яловичных кож. В 1711 г. на керенских торгах было продано 240 овец, 880 яловичных кож и «выростков», 150 «конин», 2525 мерлушек, 50 пудов сала—сырца, 1 пуд щетины. В том же году из Темникова было вывезено 375 яловичных кож и «выростков», 300 сырых овчин, 2400 мерлушек. Сохранившиеся за начало XVIII в. книги конских площадок Троицка (1718) и с. Пурдошки (1711), а также данные об окладных сборах конских площадок Саранска и Темникова (на них ежегодно продавалось и обменивалось 400—800 лошадей) показывают, что торговля лошадьми в Мордовии в основном имела местное значение. Отметим, что среди продавцов конской площадки г. Козлова 1716 г. зафиксированы лишь два крестьянина из Мордовии[15]. Уменьшение вывоза из Мордовии лошадей и крупного рогатого скота, с одновременным увеличением вывоза кожевенного сырья, было следствием сокращения лесных и пастбищных угодий крестьян, а также повышения плотности населения и изменений в структуре его спроса.

Изменявшиеся природно-экономические условия сказывались на состоянии бортничества, на смену которому постепенно приходило пасечное пчеловодство. По данным таможенных книг г. Саранска, продажа меда и воска на его рынке с 1678/79 г. по 1691/92 г. сократилась в 8 раз—с 4.5—5 тыс. пудов до 569.5 пудов. В 1726 г. на саранском рынке было продано 739 пудов меда и 30 пудов воска. Такими же были в это время размеры торговли медом и воском на других местных торжках. Так, в 1714 г. из Алатырского уезда было вывезено меда 924 пуда, воска—47 пудов, из керенского рынка в 1711 г. — 160 пудов меда, из кадомского рынка в 1712 г.—304 пуда меда.

Обычным товаром рынка Мордовии являлась пушнина, однако ее значение постепенно падало. По данным саранских таможенных книг, в 1678/79 г. приезжие торговые люди вывезли из саранского рынка различных мехов 1580 штук, в 1691/92 г. — 3874 штуки. В 1726 г. в Саранске было продано мехов 1895 штук. Наиболее распространенными на саранском рынке были белки. В 1678/79 г. их было вывезено 734 шт., в 1691/92 г. — 3700. В начале XVIII в. на саранском рынке возрастает количество гор-

ностая (в 1726 г. продано 640 шт.) и ласки (1920 шт.). В это же время куньи меха, которыми славилась средневековая Мордовия, почти исчезают. В 1678/79 г. их было продано в Саранске 215 шт., в 1726 г. — всего 2 штуки. В сравнительно небольших количествах на саранском рынке начала XVIII в. продавались лисицы, зайцы, хори, выхухоли, сурки и др. В основном дешевая пушнина продавалась в это время на других местных торжках. Так, в 1714 г. из Алатырского уезда, на территории которого пушной промысел приобрел значительные размеры, было вывезено 14290 зайцев, 490 кошек, 80 куниц, 40 выхухолей, 30 сурков, 4 медвежьих и 1 волчья шкуры. В 1723 г. елатомский посадский человек П. Суворов закупал на троицком рынке 3 тыс. белок «зеленых и белых».

Среди крестьянских товаров постоянно встречалась также рыба, вылавливаемая из местных рек и озер: стерляди, лещи, караси, окуни, щуки и др. На местный рынок она поступала мелкими партиями и к концу XVII в. уступала на нем рыбе, привозимой из «низовых городов».

В мелочной торговле местных торжков видное место занимали предметы лесного собирательства: орехи, нередко закупавшиеся четвертями, грибы, ягоды. Самым же распространенным среди этой разновидности товаров был дикий лесной хмель. В начале XVIII в. он вывозился даже из районов развитого хмелеводства, в частности из Арзамасского уезда. В это время скупщики из Саранского уезда регулярно выезжали «за Суру», где в нетронутых еще почти лесах дикий хмель произрастал в изобилии[16].

Местные природные условия сказывались на ассортименте товаров сельской промышленности Мордовии. Наиболее распространенными среди них были изделия, связанные с обработкой дерева — лыко, лубки, мочало, рогожные изделия, лапти, драни, тесины, срубы, колеса, сани, деревянная посуда и утварь, деготь, зола, струги, лодки и др. Так, в 1712 г. на кадомских торгах приезжие торговцы закупали 325 «труп липовых», 2 тыс. лаптей, 20 ведер дегтя. В 1720 г. скупщики хлеба закупили в Красной Слободе 12 стругов. Среди товаров керенского рынка 1711 г. было 800 циновок и 3350 кулей рогожных, 3 воза лыка и мочал, 90 ведер дегтя. В 1726 г. на саранском рынке было продано 3 струга, 45720 рогожных циновок и кулей, 23 тыс. деревянных ложек, 635 пар лаптей. Товары, связанные с обработкой дерева, являлись обычны-

ми предметами мелочных торгов; в приведенных данных отразились лишь наиболее распространенные их разновидности, вывозившиеся за пределы Мордовии. Примечательно, что в саранских таможенных книгах XVII в. предметы деревообработки не зафиксированы, хотя на местный кружечный двор они закупались в сравнительно больших количествах.

Неизменными товарами мелочных торгов и мелкой скупки были также изделия деревенского ткачества: посконные и льняные ткани и сермяжные сукна. О размерах торговли продукцией деревенского ткачества дают представление таможенные документы начала XVIII в. Так, в 1726 г. на саранском рынке было продано 700 аршин «хряща» посконного, 200 аршин «хряща» льняного и 20 аршин сукна сермяжного. В 1711 г. краснослободские крестьяне Г. Алексеев с товарищами закупали в Керенске наряду с небольшой партией одежды 900 аршин «хряща» и 432 аршина «коршенины». В 1712 г. крестьянин с. Сасово Шатского уезда Т. Просвирнин закупал на кадомских торгах 2 тыс. аршин «хряща» посконного.

В источниках XVII — начала XVIII в. среди крестьянских товаров отмечаются также отделанные кожи и изделия из них — рукавицы, сапоги и др. В XVII в. связанные с рынком кожевники выделяются среди крестьян с. Пурдошки. Примечателен факт торговли в 1662 г. краснослободским крестьянином Д. Неждановым сапогами собственного производства в Москве[17]. В 1712 г. шатчанин Я. Расторгуев закупал в Кадомском уезде 170 юфтей «яловичных кож черных и красных» (на 139 руб. 50 коп.). В целом же отделанные кожи и кожевенные изделия занимали на местном рынке довольно скромное место. Самым крупным очагом кожевенного производства на территории Мордовии был г. Саранск, где по переписи посадских дворов 1718 г. и ревизским сказкам 1723 г., выявляется 11 небольших кожевенных «изб» и «заводов» и 30—40 кожевников, рукавичников и сыромятников (эти специальности обычно совмещались). В Темникове в 1718 г. насчитывалось всего 5 сыромятников[18]. Примерно такое же распространение имело кожевенное дело и в местных селах. Встречающееся в литературе утверждение о значительном количестве готовых кож на саранском рынке конца XVII в. основано на неверном прочтении источника. Упоминаемые в таможенной книге 1691/92 г. «ко-

нины», «козлины», кожи яловичные, «овчины» «сырые» и «сухие», как показывают цены, являлись сырьем и кожевенно-меховыми изделиями. Даже в 1726 г. из Саранска было вывезено «красной юфти» всего около трех сотен штук, причем, изготовлены они были несомненно городскими ремесленниками.

Среди местных товаров следует также отметить гончарные изделия (горшки, кувшины, чарки и пр.), которые в мелочных торгах встречались повсеместно. Наиболее крупный очаг гончарного производства в Мордовии с начала XVII в. находился в с. Пурдошки. В начале XVIII в. изделия пурдошевских гончаров вывозились в ближние города — Кадом, Елатьму и др. По неполным данным, в 1715 г. из Пурдошек в указанные города было отправлено 4600 горшков.

В немногочисленных документах отразилось участие на рынке сельских кузнецов. Так, в 1723 г. наровчатский житель С. Фролов закупил на троицком рынке 10 «сох сашников» и 10 топоров, которые отвез продавать в Саратов. Среди «оброчившихся торговать» в Керенске в 1711 г. был ясачный крестьянин д. Панас И. Васильев, продававший «кузнечный товар своего рукоделья»[19]. В крупных сельских населенных пунктах, как и в местных городах, кузнечный промысел был одним из самых развитых и, несомненно, имел тесные связи с рынком. Так, по данным 1715 г. в Красной Слободе насчитывалось 34 кузнеца, в с. Старые Березники Саранского уезда 30 кузнецов[20]. В селениях с торжками встречались и другие виды ремесел, по уровню мало чем отличавшихся от местных городских — красильное, серебряное, свечное, котельное, косторезное и др. Их роль ограничивалась в основном рамками волостных и уездных рынков.

В саранской таможенной книге 1691/92 г. в 11 явках местных крестьян, в основном саранской мордвы, отмечен «маскотильный товар». Виды этого товара не указаны, однако, вопреки мнению предшествующих исследователей таможенной книги, заметим, что это был не москательный товар в обычном его понимании и что его производство было связано не только с территорией Мордовии. Хорошо известно, что в XVII — начале XVIII вв. термин «маскательный товар» прилагался к широкому ряду ремесленно-мануфактурных изделий и чаще всего к предметам галантереи. Характер «маскотельнова товара» местных кресть-

ян выясняется при сопоставлении данных саранской таможенной книги за 1691/92 г. и алатырской таможенной книги за 1714 г. В обеих книгах зафиксированы операции мордвы д. Сайгушева Саранского уезда. В 1691/92 г. «маскотельный товар» на сумму 42 руб. отмечен в двух явках жителей этой деревни Серки и Зорьки Вечкановых (последний продал товар с мордвином д. Псукова Е. Никитиным). В 1714 г. д. Сайгушева С. Мамаев и М. Первов явили в Алатыре «привозного своего товару»—по четыре ансыря «шелку по цветам», по фунту «краски лавры» и «лавочную москатинную мелочь». Этот товар они продали за 20 руб. в Алатырском уезде, выручив от своих операций по 6 руб. Аналогичные операции отмечены в записях трех явок мордвы и одной явки русского крестьянина Алатырского уезда.

В четырех из 11 случаев явок «маскотельного товара» в записях таможенной книги отмечается, что пошлины были взяты с «маскотильчова товару с мордовщины». Продавцами в трех случаях являлись мордвины Саранского и Алатырского уездов и в одном случае крестьянин из Красной Слободы. Это дало основание издателям таможенной книги видеть в термине «мордовщина» «определенную территорию, компактно заселенную мордвой, с одной стороны, — и «потоварное разделение труда», с другой»[21]. Однако такое понимание термина не отражает его действительного смысла и значения. Аналогичный по содержанию термин «мордовский товар» встречается в записи челобитной 1709 г., принадлежавшей трем красно-слободским крестьянам, торговавшим этим товаром по мордовским селениям Саранского уезда. Перечень «мордовского товара», данный ими в челобитной, включал «селгамы и устуги серебреные и медные», пронизки (бусы), ужовки и шелк[22]. Выражение «мордовщина», таким образом, становится понятным. Оно означало товары, ориентированные на спрос мордовского населения и, очевидно, также торговый промысел этим товаром. Производство «мордовского товара» было связано не только с территорией проживания мордвы, хотя имеющиеся факты говорят о том, что его основная и наиболее специфическая часть (металлические украшения) изготовлялась местными ремесленниками. Так, в 1714 г. мордвин д. Колаквы Алатырского уезда В. Среникеев являл в алатырской таможне вместе с привозными краской и шелком

товар «своего рукоделья» — сустуги-крючки. В той же таможне д. Верхних Чукал Ч. и И. Силкины наряду с краской, шелком и «всякой сумошной мелочью» являли семь фунтов «меди в сустугах». Сочетание в торговле местных ремесленников собственных изделий с перекупными товарами в те времена было распространенным явлением.

Имеющиеся источники показывают, что в рассматриваемое нами время сельское ремесло Мордовии испытывало заметное оживление. В основных его отраслях были налицо элементы мелкотоварного производства. В целом роль товаров сельских ремесел на рынке Мордовии, имевшим ярко выраженный аграрный характер, была незначительной и ограничивалась местными рамками.

Уровень развития товарно-денежных отношений в деревне Мордовии отражался в характере торговых операций участвовавших на рынке местных крестьян. В своей основной массе они являлись продавцами товаров собственного производства. В качестве иллюстрации облика большинства участников местных торжков можно привести челобитную 1691 г. мордвина д. Авкиманова Темниковского уезда С. Вирясева, в которой он, жалуясь на ларешного темниковской таможни, «вымучившего» у него таможенную пошлину, показывал, что «торга» за ним «никакова нет» и что его действия на торжках сводятся к тому, чтобы продать «медянку-другую хлеба»[23]. Обычные торговые операции крестьян во множестве отразились в записях таможенной книги с. Богданова Шатского уезда 1710 года[24]. Типичными для его рынка были явки жителей мордовской деревни Селищи Керенского уезда. В феврале 1710 г. д. Селищи П. Жданов с товарищами продали на богдановский кружечный двор «домашней своей работы хмеля 5 четвертей с осминою» и 70 возов дров на общую сумму 2 руб. 87 коп. В том же месяце д. Селищи Е. Кечкаев продал «в рознь» на богдановском торжке полвоза «мелкой рыбы тарани» на 50 коп. В апреле д. Селищи Е. Шумилин продал такой же рыбы воз на 1 руб. 20 коп. В марте посадский человек г. Елатьмы Д. Милованов закупил у жителей этой деревни 51 четверть ржи на сумму 20 руб. 40 коп. Отметим, что хлеб селищенцы продавали и раньше. В таможенной книге г. Касимова за 1654/55 г. зафиксирована явка д. Селищи Т. Худякова с товарищами, продавших 20 возов ржи и пшеницы на 20 руб. 69 коп. В июне 1710 г. жители д. Селищи К. Невежин с товари-

щами продали вместе с 4 крестьянами с. Богданово и Лопуховка посадскому человеку г. Касимова М. Назмову 95 овец. Два селищенца отмечены в том году в качестве продавцов лошадей на богдановском рынке.

Наши представления о торговле крестьян были бы неполными, если не учитывать, что для очень многих из них торговля была вынужденной — она являлась средством получения денег для уплаты податей. Так, в 1692 г. жители мордовской деревни Подгородный Стан Темниковского уезда ловили рыбу в своих «вотчинных угодьях» «на продажу в платеж великим государям податей». Продававшие в 1727 г. в Саранске хлеб жители четырех мордовских деревень показывали в своей челобитной, что они делали это «для своих нужд», «понеже... требуетца с них е. и. в. подушной оклад»[25]. В связи с уменьшением к тому времени в податях крестьян натуральной доли подобная торговля приобрела среди них массовый характер.

Имеющиеся источники показывают в то же время, что в числе постоянных участников местного рынка был состоятельный крестьянин, в хозяйстве которого производился продукт сверх необходимого. Однако эта прослойка среди массы торговавших крестьян заметно не выделялась. В этом плане показательны данные ведомости кадомской таможни 1669 г., в которой указаны размеры пошлин с 53 продавцов и покупателей кадомского рынка[26]. В их числе были 13 мордовских и 12 русских крестьян Кадомского уезда, являвшиеся в своем большинстве несомненно продавцами. Судя по уплаченным пошлинам суммы их продаж в 18 случаях составляли 1,5—3 руб., в пяти случаях — 5—8 руб. и в двух случаях — 20 и 40 руб. По всей вероятности, наиболее крупные продажи осуществляли скупщики местных товаров. Среди кадомских крестьян они были уже в то время. При сборе «пятинных денег» в Кадомском уезде в 1664—1667 гг. предписывалось «сыскивать про мордовские торги и промыслы, и которые мед покупают и иные товары, и кто чем промышляет и торгует, и из ростов и из прибыли деньги наперед в мед дают»[27]. Довольно содержательные таможенные книги начала XVIII в. по Кадому, Керенску и с. Богданово показывают, что суммы продаж крестьянами товаров местного производства чаще всего не достигали 10 руб. От них отличались алатырские и арзамасские крестьяне, отвозившие свой хмель в Москву.

Сохранившиеся материалы свидетельствуют о том, что

связи крестьянского хозяйства с рынком становились всё более активными и прочными. Говорить о безусловной хозяйственной замкнутости крестьянского хозяйства по отношению к рассматриваемому времени было бы неправильно. Однако нет оснований говорить и о качественных переменах в его укладе. Рыночные связи того времени существенного влияния на натуральные основы крестьянского хозяйства еще не оказывали.

Об уровне развития в деревне Мордовии товарно-денежных отношений можно судить также на основе анализа деятельности и положения торговой прослойки местного крестьянства — крестьян-торговцев. В наиболее крупных селениях эта прослойка выявляется уже по документам начала XVII в. Так, среди «торговых и рукадельных людей» Темниковского уезда, уплативших налог по пятинному сбору 1617 г., было 16 крестьян с. Пурдошки[28]. Пурдошевец Т. Аксенов уплатил «пятой деньги» 6 руб. — наибольший налог среди торговых людей Темниковского уезда (без краснослободцев и жителей Троицкого острога).

Часть пурдошевских крестьян была связана с торговлей и в последующее время. Так, в 1682 г. «торговым промыслом» занимался пурдошевец А. Сапожник, среди имущества которого были 100 пудов соли, 4 пуда меда, 30 руб. денег и «заемные кабалы»[29]. Торговые операции жителей с. Пурдошки начала XVIII в. отразились в таможенных книгах. Так, в 1715 г. пурдошевец Г. Икрянников закупал на местном торжке за две явки 75 четвертей ржи на сумму 21 руб. 50 коп., которые, очевидно, в Пурдошках же и перепродал. Его односельчанин М. Бессонов в 1715 г. закупал за 1 руб. 70 коп. 1500 горшков, которые продал в Кадоме. В 1716 г. пурдошевец Г. Алексеев продал в Кадоме на 3 руб. 45 коп. 1500 горшков и 100 кувшинов, которые скупил в Пурдошках за 1 руб. 94 коп.[30].

Торговые занятия получили довольно широкое распространение среди крестьян Красной слободы. В начале XVIII в. краснослободские «торговые и ремесленные люди» уплачивали по окладу «десятой деньги» 34 руб. 20 коп. В это же время посадские люди г. Темникова, среди которых было 20—25 мелких и средних торговцев, платили «десятой деньги» 40 руб.[31] Сведений о купечестве Красной Слободы сохранилось относительно немного, тем не менее из них выясняется со всей очевидностью, что его подавляющая часть относилась к разряду мелких торговцев.

В документах начала XVIII в. торговцы отмечаются среди «мурз, татар и крестьян» Темниковского уезда. Судя по окладу «десятой деньги» (29 руб.), их численность и капиталы были незначительны. В таможенной книге Троицка за 1723 г. отразилась операция крестьянина д. Польца Темниковского уезда Т. Давыдова, закупившего за 8 руб. 10 пудов меда, который продал в Саратове. Вместе с ним в Саратов ездил дьячок с. Кочелаева Наровчатского уезда Ф. Попов, закупивший в Троицке за 7 руб. 8 пудов меда и 200 лаптей «прямых и кривых». Торговцев, подобных им, было немало среди крестьян Керенского уезда. Так, в 1711 г. из 44 торговых людей, плативших оброки за свои «торги» на керенском рынке, 29 состояли из уездных крестьян (из них 25 ясачных и 4 помещичьих)[32]. Наибольший оброк — 5 руб. — уплатил мордвин д. Пинбур С. Сергеев. Он, как и его брат В. Сергеев, уплативший 70 коп. оброка, торговал «всяким мелочным маскотинным товаром». Братья были обязаны объявлять, где «купят или продадут» свой товар. Размеры оброков остальных крестьян колебались от 10 коп. до 1 руб. Из них семь торговали «харчевым» товаром (мясом, рыбой и хлебом), один кроме того продавал колеса. Мурзинским крестьянам О. Игнатьеву с товарищами было указано покупать скот в уезде. Ясачный крестьянин Т. Ешков уплатил небольшую пошлину за привоз рыбы. Двадцать крестьян торговали «всяким», в том числе «мелочным» товаром. С ясачного крестьянина В. Федорова была взята пошлина за привоз небольшой партии железа. Очевидно, что большая часть постоянно торговавших на керенском рынке крестьян состояла из мелких скупщиков уездных товаров и перекупщиков товаров рынков ближних городов и промысловых районов.

Скупщики местных товаров среди крестьян отчетливо наблюдаются по таможенной книге Саранска 1691/92 г. В ней зафиксировано 12 мордовских, татарских и русских крестьян Саранского, Темниковского и Пензенского уездов, являвших товары местного производства (мед, воск, хмель и сырые кожи)*. Суммы их продаж колеба-

* В их число мы не включили 15 служилых татар Саранского и Темниковского уездов, близких по своему положению к ясачным крестьянам. Они торговали сырыми кожами, количество которых в их явках колебалось от 30 до 200 штук. Пять служилых татар отмечены в книге как продавцы «маскательного товара».

лись от 10 до 60 руб. В 1691—1692 гг. мордва д. Дубровки Саранского уезда М. Алмакаев и М. Вечканов осуществили по две явки товаров. Первый продал меда, воска и хмеля на 80 руб., второй — на 70 руб. На 52 руб. продали такого же товара за две явки мордвины д. Напольная Тавла Саранского уезда Р. Живаев и Ж. Русяев. Живай Русяев, по всей вероятности, входил в число местных торговцев и в последующее время. Его имя встречается в ведомости доимочных пошлин саранской таможни за 1720 год[33]. В ней он отмечен как «поручитель» мордвина д. Б. Маресьево Керенского уезда С. Степанова, осуществившего на саранском рынке закупку на 84 руб. Среди скупщиков, действовавших на саранском рынке в 1691 — 1692 гг., отметим А. Елистратова из с. Ключарева, продавшего за 22 руб. 6 пудов воска и 10 «кож яловочных»; мордвина д. Ингеняр С. Шиндяева, продавшего 600 «овчин» и «козлин» (за 30 руб.); татарина д. Пишли Б. Бикбулатова, продавшего за 40 руб. 30 «конин» и 100 «кож яловочных».

Торговые операции крестьян-скупщиков, действовавших на саранском рынке, не ограничивались пределами уездов. Так, среди участников саранского торжка 1691 г. был мордвин д. Курилова Арзамасского уезда Б. Москаев, закупивший 80 пудов меда и кипу хмеля (на 58 руб.). Крестьяне-скупщики из Мордовии встречаются среди торговцев зарегистрированных в книге Московской Большой таможни за 1693/94 г.[34]. Мордвин д. Верезер А. Екимов продал по терюшевской выписи около 154 пудов хмеля (на 103 руб. 24 коп.). Двое арзамасских мордвинов продали хмеля по терюшевской и арзамасской выписям на суммы 35 руб. 63 коп. и 16 руб. 82 коп. Заметной по размеру (73 руб. 40 коп.) была явка мордвина д. Пилесева Алатырского уезда А. Захарова, который привозил в Москву на 9 санях свежую рыбу (88 осетров, 39 белуг и 1 «шипин») и около 30 пудов свежей икры. Другой скупщик рыбы, житель соседней мордовской деревни Коласева А. Аряев привозил в Москву на 4 санях 77 свежих осетров, которые продал за 25 руб.

С «отъезжей» торговлей было связано большинство крестьян-скупщиков, действовавших на алатырском рынке в 1714 году. В таможенной книге Алатыря за этот год среди торговцев, скупавших местные товары, зарегистрировано 32 крестьянина из Алатырского, 3 — Арзамас-

ского и 2 — Саранского уездов. Из них 31 являлись жителями дворцовой Новотроицкой волости. В основном это была мордва (22 чел.), торговавшая хмелем (в 16 случаях). Закупленные товары крестьяне Новотроицкой волости отвозили в различные торговые пункты: в Москву (13 случаев), Тверь (6), Макарьевскую ярмарку (2), Арзамас, Калугу, Нижний Новогород, Шую, Ростов, Ярославль, Тихвин, Новый Торжок, Весьегонск (по одному случаю). В шести случаях пункты продажи товаров в книге не отмечены. Новотроицкие крестьяне осуществляли закупки и в соседних уездах. В таможенной книге села Мурашкино Нижегородского уезда за 1712 г. зафиксированы операции алатырских мордвинов Ф. Злобкина и Ф. Васильева. Первый закупил на 12 руб. 15 пудов меда, второй — на 32 руб. 8 пудов воска. Оба отвезли свои товары в Ярославль[35]. Закупки новотроицких крестьян на алатырском рынке в 8 случаях превысили 50 руб. Четыре крестьянина совершили на нем в течение года по 2 закупки. Мордвин д. Нагорные Лобаски М. Бочаров в январе 1714 г. скупил на 90 руб. 5 кип хмеля, которые продал в Москве. В октябре—ноябре он скупил 5 кип хмеля за 70 руб. и продал их в Арзамасе и Москве. Жители мордовской деревни Хмелевки Абрам и Афанасий Измайловы в феврале 1714 г. скупили в Алатырском уезде за 41 руб. 80 коп. 2 тыс. «заечин», 150 мерлушек, 40 выхухолей, 30 сурков и 2 пуда воска, которые продали по 2 выписям на Макарьевской ярмарке. В декабре 1714 г. Абрам Измайлов отвез в Москву скупленные в Алатырском уезде за 22 руб. 600 «заечин» и 10 пудов меда. Одна из операций этого торговца отразилась в отрывке таможенной книги Нижнего Новгорода за 1711 г. В июне 1711 г. он продал в Нижнем Новгороде 550 «заечин», 40 выхухолей, 30 сурков и 100 мерлушек на общую сумму 27 руб. 43 коп., выручив 8 руб. 50 коп. Кроме того у него оказалось сверх выписи алатырской таможни мехов, воска и сырых кож по нижегородским ценам на 10 руб. Вместе с ним пушнину и воск продали 4 крестьянина с. Старые Березники Саранского уезда, скупившие пушнину (зайцы, белки, сурки и др.) в с. Ломовке Пензенского уезда. Размеры их продаж в трех случаях превысили 100 руб.[36].

Активное участие на алатырском рынке принимали жители с. Новотроицкого. Один из них Ст. Кирилов, осуществил на нем в 1714 г. две операции: в первый раз он за-

купил 3 кипы хмеля на 36 руб., которые продал в Калуге, во второй — 90 кож яловичных на 31 руб. 50 коп., которые продал в Москве. В алатырской таможенной книге зафиксированы операции еще трех крестьян с. Новотроицкое: Ф. Татаринова, отвозившего в Ярославль закупленные за 79 руб. 50 коп. 12 «животин рогатых» и 170 «яволочных кож и выростков»; Ф. Абазова, продавшего в г. Шуе 50 пудов сала-сырца (сумма закупки 35 руб.); Ф. Прокофьева, отвозившего в Нижний Новгород закупленные за 20 руб. 91 коп. 8 «животин рогатых» и 12 свиных туш.

Один из участников алатырского рынка 1714 г. мордвин д. Кулясова Алатырского уезда К. Наумов встречается среди продавцов, зарегистрированных в книге Московской Большой таможни за 1726 год. В 1714 г. он закупал в Алатырском уезде 3 кипы хмеля (за 33 руб.), которые продал в Твери. В 1726 г. К. Наумов с товарищами явил в Москве 4 кипы (около 105 пудов) хмеля «домового сада». В данном случае он выступает не скупщиком, а производителем хмеля. По всей вероятности, эти роли в деятельности торговцев хмелем, излюбленным товаром мелких скупщиков, сочетались нередко. В 1720 г. К. Наумов и мордвин д. Атяшева Алатырского уезда К. Семенов закупили в с. Маколове Шатского уезда 20 кип хмеля (на 300 руб.), который продали в Санкт-Петербурге и Твери[37]. Судя по алатырской таможенной книге 1736 г. мордовские крестьяне торговали хмелем в Санкт-Петербурге и в последующее время.

Сохранившиеся источники показывают, что скупщические операции среди крестьян Мордовии в рассматриваемое время становились явлением обычным и повсеместным. Крестьяне-скупщики чаще встречались в наиболее развитых в торгово-экономическом отношении уездах и в крупных селениях с торжками. Многие из них занимались отъезжей торговлей, маршруты которой совпадали с основными направлениями торговых связей Мордовии. Не меньшее распространение, чем скупка и перепродажа местных товаров, имели среди крестьян мелкие перекупные операции, отчетливые сведения о которых сохранились с середины XVII в.[38], но которые, несомненно, бытовали и раньше.

Как показывают сохранившиеся источники в деятельности сельских торговцев нередко сочетались различные

формы торговых операций. Например, в 1691/92 г. жители мордовской деревни Поукова осуществляли на саранском рынке пять явок «маскотильнова товару» (из них три совершили Т. и Е. Никитины) и одну явку меда, воска и хмеля (Т. Никитин). В 1704 г. единственные торговцы мордовской деревни Кочелаева Саранского уезда братья Р. и Т. Меляевы показывали, что «торгу» у них соответственно на 20 и 10 руб. Первый занимался «деревенскими и уездными и отъезжими торгами», второй — «деревенскими и уездными отъезжими торгами мелким товаром». Братья вели обычные для их небольших семей хозяйства. У каждого было по окладу по 1,5 четверти пашни и по нескольку пчелиных ульев[39]. Представляют интерес также сведения о типичном торговом семействе Красной Слободы начала XVIII века Чижановых. В 1710 г. крестьяне Г. и Я. Чижановы наряду с тремя односельчанами скупали у мордвы Краснослободского и Саранского уездов мизерными партиями воск и «иные товары». В 1714 г. Г. Чижанов с краснослободским крестьянином В. Наумовым продавал крашенины и скупал воск в Пензенском уезде. В семействе Чижановых занимались также скупкой сырых кож. В 1709 г. глава семейства М. Чижанов, будучи в Красной Слободе головой соляной продажи использовал для скупки сырых кож 200 руб. казенных денег. Закупленный товар он отправил с лучшими торговыми людьми Красной Слободы, крестьянами В. и И. Дудоровыми в «Суздаль или в Володимер». Отметим, что торговые занятия в семействе Чижановых были не единственными. В январе 1710 г. среди имущества двора М. Чижанова, кроме 33 сырых кож, были «четвертей с 30 ржи», «семени с осмину», 25 пчелиных ульев, 3 коровы, 10 овец, 2 лошади, 3 жеребенка[40].

В начале XVIII в. в деятельности сельских торговцев немаловажное место занимали откупы мелких оброчных статей (мельниц, кабаков, перевозов, конских площадок и др.)[41]. С откупными операциями были тесно связаны наиболее крупные сельские торговцы. Так, краснослободец И. Дудоров в 1718 г. откупил за 1740 руб. на три года кадомский таможенный и кружечный двор, который расширил двумя новыми сельскими кабаками[42]. Один из активных участников алатырского рынка 1714 г., новотроицкий крестьянин С. Кирилов в 1715 г. вместе с односельчанином П. Власовым откупал кабаки в трех селах Ала-

тырского уезда. Вино на эти кабаки поступало с небольшого завода новотроицкого крестьянина Ф. Осипова[43].

В деятельности наиболее видных представителей сельской торговой прослойки начала XVIII в. наблюдаются черты, характерные для верхушки купечества Саранска — самого развитого города Мордовии. Последние отличались несколько большими размерами торговых операций и более активным использованием капиталов в промыслах и откупах. Однако подобных крестьян-предпринимателей в Мордовии насчитывалось буквально единицы. Торговый элемент деревни почти сплошь состоял из мелких и средних скупщиков местных товаров и мелких перекупщиков товаров городских рынков. Торговые операции в их деятельности, как показывают источники, занимали значительное место и бывали продолжительными и постоянными, хотя нет оснований считать, что для большинства из них они являлись единственными и главными. Из материалов первой ревизии по г. Саранску выясняется, что среди его торгово-промышленного населения выходцев из местных крестьян почти не было. В то же время небольшую часть саранского посада XVII — начала XVIII в. составляли сходцы из дворцовых и монастырских селений центральных и верхневолжских уездов[44]. Это обстоятельство указывает на относительную слабость и малочисленность торгово-ремесленной прослойки деревни Мордовии, как, впрочем, и на слабое развитие местных городов. Судя по таможенным книгам Саранска, Алатыря и других городов торгующие крестьяне Мордовии по размерам капиталов в целом уступали местным городским купцам, в то же время по численности они их превосходили. В социально-экономической жизни Мордовии местным торгующим крестьянам принадлежала важная роль, однако на ее средневековые институты они существенного влияния не оказывали.

В литературе по истории Мордовии обращается внимание на слабое участие на саранском рынке конца XVII в. помещичьих крестьян. Использованные нами материалы свидетельствуют, что торговые занятия имели место и среди этой, самой многочисленной категории крестьян Мордовии. Чаще всего они встречались в крупных вотчинах и поместьях (с. Лада, Старые Березники и др.). В целом же сохранившиеся источники по крестьянской торговле в Мордовии подчеркивают тот факт, что в государственной (ясачной) и дворцовой деревне для торговых занятий су-

ществовала более благоприятная почва, нежели в помещичьей деревне, которая в Мордовии была в основном барщинной и мелкопоместной.

Завершая рассмотрение крестьянской торговли в Мордовии во второй половине XVII — начале XVIII века, отметим, что за это время в ее размерах и интенсивности произвошли заметные изменения. Расширявшиеся рыночные связи региона сказывались в уровне товарности отраслей крестьянского хозяйства, распространенности среди крестьян торговых и промысловых занятий. Деревня постепенно теряла свой традиционный натуральный хозяйственный облик, в котором все более явственно проступали черты формировавшегося мелкотоварного уклада. В то же время необходимо отметить медленные темпы этого процесса, проходившего в условиях укрепления феодально-крепостнических отношений. Замедленность и противоречивость социально-экономического развития, разумеется, нельзя относить к специфическим особенностям Мордовии. В ее социально-экономическом укладе отражались типичные черты аграрных регионов Среднего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. О социально-экономическом положении и населении Мордовии XVII—начала XVIII века см.: История Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1979; **Я. Е. Водарский.** Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.
2. Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955; История Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1979.
3. Саранская таможенная книга за 1692 год. Саранск, 1951.
4. **В. Д. Димитриев.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959; **Л. Г. Дубинская.** Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Рукопись канд. диссертации. М., 1967; **В. Р. Тарловская.** Торговые крестьяне Поволжья в конце XVII — начале XVIII века. — История СССР, 1983, № 2.
5. Саранская таможенная книга, с. 13—39; ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 1451, оп. 2, д. 100; ф. 453, оп. 2, д. 754; ф. 829, оп. 1, д. 3, 606, 812, 1770, 1795, 1920. Далее ссылки на указанные источники не даются, т. к. приводимые данные о местном рынке в годы происхождения этих документов извлечены из них.
6. ЦГАДА, ф. 141, 1660 г., д. 121, л. 10—11.
7. Там же, ф. 1167, оп. 2, д. 73, л. 15, 21.
8. Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2. Саранск, 1952, с. 434—440. Далее ссылки на ведомость о товарах саранского рынка 1726 г. не даются.
9. **Я. Е. Водарский.** Указ. соч., с. 229.

10. Там же.
11. **Д. И. Тверская.** Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, с. 84.
12. ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 32788, л. 110—111 об.
13. Там же, ф. 1084, оп. 1, д. 10, л. 237.
14. Там же, ф. 210, Книги Денежного стола, д. 329, л. 621—775.
15. ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 895, л. 8, 29, д. 1910, л. 1—4, д. 1794; ф. 901, оп. 1, д. 39, л. 23, д. 163, л. 1 об.; ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 89 об.
16. ГАГО, ф. 2013, оп. 1, д. 110, л. 4; РФ МНИИЯЛИЭ, И 83, л. 116.
17. ЦГАДА, ф. 1167, оп. 2, д. 5, л. 4 об.; Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964, с. 198.
18. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2535, л. 284—499; ф. 896, оп. 1, д. 12, л. 268—292; ф. 901, оп. 1, д. 36, л. 286 об.
19. Там же, ф. 829, оп. 1, д. 812, л. 27.
20. ЦГАДА, ф. 1132, оп. 1, д. 44, л. 194 об.; ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 368.
21. Саранская таможенная книга за 1692 год, с. 69.
22. ЦГАДА, ф. 1132, оп. 1, д. 16, л. 6 об.
23. Там же, ф. 1167, оп. 2, д. 65, л. 77.
24. Там же, ф. 829, оп. 1, д. 1917.
25. ЦГАДА, ф. 1167, оп. 2, д. 65, л. 36 об.; Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, с. 114.
26. ЦГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 2043, л. 2—6.
27. РФ МНИИЯЛИЭ, И 326, л. 97.
28. ЦГАДА, ф. 1167, оп. 2, д. 5, л. 1—5.
29. **Л. Г. Дубинская.** Указ. соч., с. 173.
30. ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 607, л. 22.
31. Там же, ф. 782, оп. 2, д. 2, л. 31, ф. 1132, оп. 1, д. 43, л. 8.
32. Там же, ф. 829, оп. 1, д. 812, л. 19—33.
33. Там же, ф. 273, оп. 1, д. 32681, л. 253.
34. **С. И. Сакович.** Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. — Труды ГИМ, вып. 20, М., 1956, с. 46—47, 56, 74, 77.
35. ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1127, л. 12, 20.
36. Там же, д. 1206, л. 18 об., 27—29 об.
37. Там же, ф. 273, оп. 1, д. 32788, л. 202 об.; ф. 453, оп. 2, д. 710, л. 3 об.-5 об.
38. Там же, ф. 137, оп. 1, д. 1451, л. 113 об.; ф. 1167, оп. 1, д. 1817, л. 3.
39. ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 441—441об.
40. ЦГАДА, ф. 1132, оп. 1, д. 31, л. 1—6, д. 36, л. 1—5 об., д. 45, л. 2—8 об.
41. ЦГАДА, ф. 896, оп. 1, д. 42, л. 707; ф. 1132, оп. 1, д. 43, л. 41 об.; ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 14, ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 513.
42. ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 97, л. 7 об.—8, 10.
43. Там же, ф. 248, оп. 3, д. 131, л. 121, 129—129 об.
44. Там же, ф. 350, оп. 2, д. 2535.

СОКРАЩЕНИЯ

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.

АПОК КПСС — Архив Пензенского обкома КПСС.

ПАМО — Партийный архив Мордовского обкома КПСС.

ЦГА МАССР—Центральный государственный архив Мордовской АССР.

ЦГА ЧАССР — Центральный государственный архив Чувашской АССР.

ГАВО — Государственный архив Владимирской области.

ГАГО — Государственный архив Горьковской области.

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ИТУАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии.

ОА МСХ МАССР — объединенный архив Министерства сельского хозяйства МАССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Ф. Кожурин. Социальная структура колхозного крестьянства Мордовии на этапе развитого социализма 4

В. А. Балашов, А. С. Лузгин, Ю. И. Сальников, В. М. Сурков, Ю. Ф. Юшкин. Духовный облик тружеников современного села 12

Ю. И. Сальников, Л. Г. Филатов. Повышение материально-технической оснащенности колхозного производства в 1959—1965 гг. 26

А. П. Лебедев, Л. Г. Филатов. Рост политической и трудовой активности крестьянства в период строительства социализма (1928—1937 гг.) 37

В. А. Юрченков. Съезды Советов и общественно-политическая жизнь мордовского села в первые годы пролетарской диктатуры (1918—1920 гг.) 57

Г. И. Катайкина. Развитие капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX в. 79

Н. М. Арсентьев. Идеология выступлений заводских крестьян приокского края в первой половине XIX в. 89

Н. В. Заварюхин. Состояние сельскохозяйственного производства в Мордовии в XVIII в. 96

В. К. Прокаев. О крестьянской торговле в Мордовии во второй половине XVII—начале XVIII в. 111

Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР

Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии

Труды, вып. 79

Редактор В. А. Кижняев
Художественный редактор Л. В. Попов
Технический редактор В. Круглова
Корректоры Е. П. Бельдяева, Г. Т. Полибина

ИБ 1355

Сдано в набор 31.08.84. Подписано к печати 05.02.85. Ю-02702. Бумага писчая № 1. Формат 60×80 1/16. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,9. Усл. кр. отт. 8,13. Уч.-изд. л. 7,61. Тираж 500 экз. Заказ № 1970. Цена 45 коп.

Мордовское книжное издательство Государственного комитета Мордовской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 430000, г. Саранск, Советская, 55.
Зубово-Полянская типография Государственного комитета Мордовской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.